ВЕТКА КЕДРА

Научно-фантастические повести и рассказы

Москва
«Молодая гвардия»
1989

ББК 84(2)7
В 39

Составитель **Александр Ярушкин**

Художник **Анатолий Сухоруков**

Ветка кедра: Науч.-фантаст. повести и рас-
В 39 сказы / Сост. и авт. послесл. А. Ярушкин. — М:
Мол. гвардия, 1989. — 254[2] с., ил.

ISBN 5-235-00509-0

В нниге представлены рассназы пнсателей-фантастов Сибири н Дальнего Востона, участиннов совещаиия в Новосибирсне летом 1987 года.

В $\frac{4702010201-217}{078(02)-89}$ **090—89** **ББК 84(2)7**

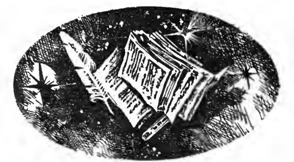
ISBN 5-235-00509-0

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Сборник, который вы держите в руках, составлен по итогам семинара молодых писателей-фантастов Сибири и Дальнего Востока. Семинар проходил в июне 1987 года в Новосибирске, и участвовали в нем молодые литераторы Томска и Барнаула, Кузбасса и Якутска, Хабаровска и Улан-Удэ... Три десятка молодых авторов, людей с разным жизненным опытом, разными взглядами на фантастику и литературу, имеющих авторские книги и только мечтающих о серьезных публикациях... Но внимательный читатель наверняка отметит в их — таких разных — произведениях, включенных в этот сборник, черты единства. Прежде всего это верность традициям, сформулированным и развитым в творчестве выдающегося писателя и мыслителя И. А. Ефремова, а также — любовь к родной сибирской земле, ко всей нашей прекрасной планете.

Нельзя не заметить и новизну, своеобразие подхода, отличающие новое поколение советских фантастов. Усвоив уроки и опыт старших товарищей, они вносят в свои произведения приметы и проблемы нашего времени — дней сегодняшних, прекрасных и тревожных. Причем очень важно, что это чувство времени, ответственности за будущее и Человека молодые фантасты отстаивают не только в своем творчестве, но и в жизни, в поступках. Недаром менее чем через год после проведения семинара в Новосибирске его участниками было создано Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Сегодня ВТО МПФ — это более двухсот участников, проживающих в разных уголках нашей необъятной страны, это семинары и встречи молодых фантастов, наконец, это сборники произведений, хорошо известные читателю: «Румбы фантастики», «Простая тайна», «Санаторий», «Дополнительное расследование», «Миров двух между»...

Александр Ярушкин,
заместитель директора ВТО МПФ



УЛЬЯНА ГЛЕБОВА

КТО ЖЕ ПЕРВЫЙ?

Кто же первый из всех заболел
Этой манией — будничным словом
Выражая десятки проблем,
Награждать и себя и другого?

Кто, пристроив слова на листке,
Прилагал без успеха старанья
Для того, чтоб уйти налегке,
Оставляя строку без вниманья?

Кто хотел избавляться от рифм,
Без согласья наполнивших разум,
А потом надоедливый ритм
Обволакивал новым рассказом?

Кто же первый стихами болел,
Заражая в веках поколенья
Странной тягой — шагнуть за предел
И посеять на лицах сомненья?

ГАВРИИЛ УГАРОВ *рассказ*

Кольцо Земное

Джеми Керр, хмуря седые клочковатые брови, пристально и долго разглядывал свое морщинистое лицо, отражавшееся в зеркале. Старик! Совсем старик! Желание работать, ясность мысли... и почти полное отсутствие сил физических. Годы промелькнули, он и не заметил их. Скоро, всего-навсего через неделю, ему исполнится сто лет. И никогда еще с такой силой сомнения не терзали ученого. Предстояло сделать выбор... Выбор... Он труден, этот выбор. Ведь именно сейчас наконец-то прояснились контуры формулы, над которой он работал так долго и упорно. Контуры прояснились, но до завершения работы еще далеко. Керр с трудом поднялся из кресла, почти не ощущая ног, медленными семенящими шагами подошел к открытому окну.

— Какая ночь! — восхищенно выдохнул он. — Какая ночь...

Ночь была замечательная. Прохладная, с чистым и прозрачным воздухом, напоенным невероятной прозрачностью и тишиной. В черноте высокого неба бледно-зеленоватым светом переливалось Кольцо Земное, и в отсветах его Керр видел вдалеке гладь озерка и белоснежные голяшки задремавших на берегу берез. Кольцо Земное, делившее небо на две полусферы, сегодня словно бы ярче светилось — будто небесную ширь начисто промыла, а сама ушла за горизонт, тяжелая проливная туча.

Бисеринка-звездочка оторвалась от Кольца, прочертила по небосводу, едва заметно вспыхнув, погасла. Джеми Керр вздрогнул. Он знал, что это значит, однако привыкнуть не мог, наверное, трудно привыкнуть к зрелищу смерти, пусть и далекому. Еще один саркофаг искоркой скользнул вниз и исчез, оставив после себя лишь воспоминание.

— И здесь нет полной гарантии, — пробормотал Керр, возвращаясь в кресло, которое в последний год было почти постоянным местом его пребывания.

Профессор, лауреат Нобелевской премии, Джеми Керр был одним из крупнейших биохимиков. Многие годы он занимался разработкой состава соединения, способного во много раз ускорить синтез белков и углеводов из воды и углекислого газа. И все это лишь при помощи солнечной энергии. Если бы ему удалось довести работу до конца, это во многом бы решило проблему перенаселения, позволило бы отказаться от ограничения рождаемости, от других ограничений, сковывающих человечество.

— Если бы удалось довести дело до конца... — грустно проговорил Керр. — Осталась неделя, а нужны годы.

Он одряхлел и чувствовал это. Умирать не хотелось. Кольцо Земное — вот выход. Сотни тысяч людей, у которых остановлены жизненные часы, покоясь в саркофагах, напичканных современнейшей аппаратурой, парят в космической выси, ожидая новых открытий. Саркофаг к саркофагу... Кольцо Земное... Будто напоминание живущим — работайте, ищите... Найдите способы лечения болезней, лечения старости — верните нас к жизни, вам пригодится наш опыт, наши знания.

— Странно... — снова проговорил профессор и в который уже раз поймал себя на том, что разговаривает сам с собою. — Странно... В старину не было Кольца Земного, а люди считали, что у каждого из них есть своя звезда... Падает звезда — умирает человек...

Керр нажал кнопку, вызывая робота-секретаря. Тот появился бесшумно, замер перед креслом, словно часовой:

— Жду указаний.

— Старина, обследуй меня и быстренько скажи, сколько я еще проскриплю? — сказал Керр чуть насмешливо и вместе с тем покровительственно, как всегда

говорил с роботами, считая их чем-то вроде братьев меньших.

Робот невозмутимо подчинился, приблизился вплотную, опутал голову, грудь, руки профессора невесть откуда появившимися датчиками, мерно загудел. Через минуту сообщил:

— Год... семь месяцев... плюс-минус двое суток. Вам нужно лечиться. Необходим цикл укрепляющей терапии по классу НК-14... Либо — Кольцо Земное.

— Кольцо Земное, — в задумчивости повторил Керр.

— Да, профессор... Через семь суток у вас юбилей. Приглашение в Кольцо Земное получено трое суток назад. Через семь суток вам надлежит дать ответ, — без интонаций напомнил робот.

— Надлежит-надлежит! — сердито передразнил его Керр. — Иди, ты не нужен больше!

* * *

Елена обняла мужа, поцеловала, потом отстранилась, заглянула в глаза:

— Оскар, осталось два дня, а от твоего отца нет никаких известий... Ты разговаривал с ним? Ты напомнил ему? Мне уже тридцать, этот год последний, потом нам не дадут возможности иметь ребенка. Ты сказал ему об этом?

Оскар Керр мягко привлек жену к себе, виновато улыбнулся:

— Ты же знаешь отца... Он полностью отрезал себя от мира... Я пытался связаться с ним, но безуспешно.

— Он ответил на приглашение в Кольцо? — со скрытой надеждой произнесла Елена.

— Не знаю, — опустил глаза Оскар Керр.

— Не знаешь?! — с расстановкой проговорила Елена, и глаза ее наполнились слезами. — Твой отец хочет закончить исследования, это я понимаю. А вот понимает ли он, что я хочу иметь ребенка?! Что ты хочешь сына! Моя мать — внука!

— Успокойся, — погладил ее по руке Оскар.

Елена прикрыла глаза, застыла в неподвижности, запрокинув голову, потом до Оскара донеслось еле слышное:

— Поговори с ним... Он умный, добрый... Он пой-

мет... Ведь если он откажется от Кольца, мы не сможем иметь детей. Ты же знаешь это, Оскар!

Он знал. Количество людей на Земле искусственно сдерживалось на одном уровне. Существовал этот уровень давно и был принят для того, чтобы не снижать общего уровня жизни людей. Уровни! Уровни! Уровни! Люди смирились с тем, что детей разрешалось иметь лишь после смерти кого-нибудь из близких. Или при отправке на Кольцо Земное. Один уходит в небытие, другой приходит.

— Я знаю, — сказал Оскар. — Отец как раз и занимается этой проблемой. Если он закончит работу над своим соединением, то многие люди получат возможность иметь детей, внуков.

— Многие?! — Лицо Елены исказила злая гримаса. — Когда это будет?! Многие, может, и получат, а мы с тобой — нет! Поговори с отцом, умоляю!

Оскар отвернулся, чтобы не видеть ее слез, сказал негромко:

— Боюсь, что отец откажется от приглашения в Кольцо... Он одержим своей идеей и...

— Нет у него такого права! — закричала Елена. — Нет! Я хочу ребенка! Хочу!.. Ты такой же, как твой отец! Ты бесчувственный сухарь! Тебе все равно — будет или не будет ребенок! Я тебя ненавижу! Слышишь?!

— Хорошо, — произнес наконец Оскар. — Я поговорю с отцом.

* * *

Дисплей мощного персонального компьютера мерцал зеленоватым светом, и на нем, повинуясь командам профессора Керра, выстраивалась сложная структура химической формулы. Керр откинулся на спинку кресла, проговорил, обведя взглядом учеников:

— Оксидные группы меня тревожат... И вопрос с полимеризацией под воздействием ультрафиолетовых лучей... Надо работать, надо доводить. Основа есть, остается техническая сторона дела. Эксперименты, эксперименты и еще раз эксперименты.

Доктор Риохас, тучный и лысый, склонился к Керру:

— Можете не сомневаться, Джеми, мы закончим работу. Все будет нормально. А вот ваши сомнения — принимать или не принимать приглашение в Кольцо — это, извините меня, старческий каприз... Откажись вы от

Кольца Земного, я бы счел это непростительной ошибкой... Конечно, завершить такую работу, стать автором крупнейшего открытия века приятно, но подумайте, Джеми, стоит ли из-за этого терять надежду? Когда вы вернетесь из Кольца, вы получите заслуженный вами почет. Такие вещи не забываются.

В голосе Риохаса было слишком много патетики, скрытого самолюбования, чтобы слова, сказанные им, можно было считать искренними. Однако старый ученый не заподозрил ничего, он слишком ушел в свои мысли.

— Нет, учитель! — воскликнул Александр Максаков. — Вы не должны бросать дело! Если вы отправитесь на Кольцо, работа над вашим соединением, конечно, будет продолжена, это я вам обещаю, но она замедлится!

— Почему? — выходя из задумчивости, спросил Керр.

Максаков, рано облысевший, обычно улыбчивый и какой-то расхлябанный, прослывший среди молодых ученых любимым учеником Джеми Керра, возмущенно воскликнул:

— Как почему?! Во-первых, с нами не будет вас! Во-вторых, такого опыта, как у вас, нет ни у кого! В-третьих, мало среди нас людей, работающих не ради славы, а пользы для!

— Вы меня не так поняли, — попытался прервать его доктор Риохас.

Но Максаков не обратил на него внимания, он обращался к профессору Керру:

— Человечеству каждый день, каждый час ценны! Решение задачи, которую вы поставили и которую успешно завершаете, даст возможность накормить всех. Даст возможность иметь детей! А проблема перенаселения, она не так уж сложна — дальние экспедиции обнаружили несколько планет, на которые можно расселить людей. Пусть это дело будущего, но ведь можно же!

— Что ты предлагаешь, Саша? — с легкой улыбкой спросил Керр.

— Откажитесь от приглашения в Кольцо! — воскликнул Максаков. — Вспомните ученых прошлого, которые ради своих идей всходили на костер, гнили в казематах... Неужели мы настолько деградировали? Я же верю в вас, учитель!

Риохас взглянул на Керра, и во взгляде его было со-

чувствие, потом посмотрел на раскрасневшегося Максакова:

— Легко вам, молодой коллега, быть героем... когда речь идет не о вашей смерти.

Джеми Керр неожиданно резко встал из кресла, коротко поклонился, сказал глухо:

— Благодарен вам за советы. Не смею задерживать.

Риохас и порывавшийся что-то сказать Максаков покинули домашнюю лабораторию Керра. Проводив их взглядом, он устало провел по лбу пальцами, опустился в кресло. Чтобы отвлечься, нажал клавишу старого, еще на примитивных транзисторах радиоприемника. Это был подарок покойной жены, матери Оскара. Последние годы Керр довольно часто ловил себя на том, что, когда ему плохо, приемник непременно оказывается в руках. Словно на нем могли остаться следы прикосновений жены. Профессор настроил приемник на волну, на которой в любое время дня и ночи можно было услышать новости.

«...в дни юбилея Кольца Земного мы не можем не вспомнить имя одного из его основателей. Это имя — Сардан Керемясов. Вечная мерзлота, засиеженная Якутия, где он вырос, определили круг его научных интересов, а прекрасно сохранившиеся в вечной мерзлоте тела бизонов, мамонтов, диких лошадей, исчезнувших с лица Земли тысячелетия назад, навели на мысль о создании музея «Живой мир Земли XX века», который и был построен недалеко от Якутска и до сих пор служит эталоном для учреждений подобного рода. Строителям пришлось преодолеть огромные сложности, но музей в глубокой шахте выполняет свою функцию и сегодня — в нем сосредоточены все представители земной фауны и флоры, сохраняющиеся в нетленном состоянии при помощи все той же вечной мерзлоты. Это Сардан Керемясов претворил в жизнь идею о запуске в космос станций «Генофонд» с помещенными в них репродуктивными материалами животных, замороженными в жидком азоте. По его же инициативе были запущены «Красные спутники» с замороженными репродуктивными материалами животных, птиц и растений, занесенных в Красную книгу...»

Джеми Керр выключил приемник, закрыл глаза. Перед внутренним взором предстал бюст Керемясова, виденный в музее лет десять назад. Десять лет прошло с тех пор, как он побывал в Якутии. Просторы якутской

земли, величие Лены восхитили его. Как и тогда, пришла мысль, что если среда, в которой обитает человек, действительно влияет на мыслительную деятельность, на формирование способностей, то именно такие просторы могут способствовать рождению новых неожиданных идей, решений. Восхитило профессора и то, что народ, живущий на стылой земле, в юртах с ледяными стенами, голодный, измученный народ не был чужд поэзии. Бессмертный якутский эпос «Олонхо» до сих пор восхищает ценителей. Керр снова протянул руку к транзистору, коснулся клавиши.

— ...на Кольце Земном в затененных от лучей солнца саркофагах лежат в жидком азоте тела людей, гарантированные в условиях космоса от разложения...

Профессор поморщился, выключил приемник. Сардан Керемясов не предполагал, что предложенная им идея будет воплощена в таких формах, есть в этом что-то... Керр долго сидел, уставившись перед собой невидящим взглядом, потом снова включил радио.

— ...наш корреспондент сообщает об отказе знаменитого ученого Джеми Керра от приглашения в Кольцо Земное. Как он поступит со своей страховкой в 60 миллионов...

Керр резко нажал на клавишу, насупился. Откуда только прознали?! Он еще и сам окончательно не решил. Мучили сомнения... Если принять приглашение, может статься, что работа, которой он отдал долгие годы, не будет окончена. Хотя есть ученики, и не страшно, если завершение ее отложится на пять-десять лет. Главное он сделал — очертания формулы прояснились. В нем словно боролись два его Я. Одно говорило: «Что тебе еще нужно? Ты познал любовь, вырастил сына, достиг славы, почета. Не всякому дается такая жизнь». Другое возражало: «Что?! Я — человек! И у меня есть великая цель — помочь человечеству. Только я владею возможностью помочь ему в беде, помочь безотлагательно. За то время, что мне отпущено судьбой, я мог бы это сделать!» Первое Я укоряло: «Мог бы, мог бы... Но не надо забывать, что после ста лет на Кольцо тебя не возьмут. Ты просто умрешь и уже никогда не вернешься к жизни. Это страшно — умирать...» — «Страшно. Но меня это не пугает». — «О сыне ты подумал?! О его жене? Ты своим решением оставляешь их без ребенка! Жертвуешь счастьем собственного дитя ради счастья какого-то «абстрактного» человечества». — «На-

до приносить жертвы, надо...» — «Брось, ты просто эгоист и не видишь вокруг себя ничего, кроме твоей работы, кроме твоей формулы!» — «Это не так! Мне трудно, очень трудно. Оскара я люблю, Елену тоже... Но если я закончу работу, не только они — другие — тысячи и тысячи других людей — смогут насладиться счастьем родительским. И они вспомнят меня добрым словом...»

Джеми Керр помассировал виски, пытаясь прогнать тупую боль, поселившуюся где-то за височной костью, поднялся, прошел к окну. Прохладный воздух принес облегчение. Взгляд Керра остановился на зеленых цифрах, высвечивающихся на часах, скользнул мимо. Пресса, как это часто случается, опередила событие — срок, когда Керр должен дать ответ на приглашение в Кольцо, еще не истек. Он истекал через десять минут.

В дверь постучали, послышался голос робота-секретаря:

— Оскар Керр с супругой просят разрешения войти...

Профессор посмотрел на дверь. За ней стоял его сын. Зачем он пришел? Проститься с отцом? Или, не уверенный в том, что отец принял приглашение, снова просить отправиться на Кольцо? И Елена с ним — молодая, жаждущая материнства...

— Выдержу ли я? — прошептал Керр, не отводя глаз от запертой двери. — Поймете ли вы меня?

В дверь постучали настойчивее, встревоженнее, нервознее. Он опустил взгляд, сжал пальцы, так, что побелели костяшки.

«Что делать? — подумал он как-то успокоенно. — Впустить их? Или открыть через десять минут?»

А в дверь стучали и стучали...

Перевод с якутского А. Ярушкина

* * *

ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО *рассказ*

НАЧНИ СНАЧАЛА

— Сергей Андреевич, у меня не совсем обычное дело. Вы могли бы сначала выслушать меня, а потом задавать вопросы? Я постараюсь быть краток. — Моло-

дой человек в кресле внимательно посмотрел на Нилина.

— Пожалуйста, — Нилин никак не мог полностью переключить внимание с разложенных на столе бумаг на посетителя.

— Дело, Сергей Андреевич, в том, что я, выражаясь принятыми у вас терминами, — пришелец. Из другого времени или с другой планеты, не суть важно. Нет-нет, мы ни в коей мере не вмешиваемся в естественный процесс развития на вашей планете. Только иногда позволяем себе...

— Молодой человек! — Нилин с трудом сдерживал раздражение. — Вы не находите, что ваши шутки не совсем уместны?

— Сергей Андреевич, ведь вы обещали дать мне возможность... Поверьте, это не шутка и не издевка. Я говорю правду.

Нилин, сощурив глаза, пристально смотрел на посетителя.

— Так вот, — продолжал молодой человек, — мы давно уже научились математически точно определять границы возможностей каждого человека. Сумма ваших способностей близка к единице. Проще говоря, в любой области деятельности вы могли бы добиться выдающихся успехов. Могли, но, извините, не добились. Причину этого вы сами сформулировали лет пятнадцать назад. Помните? «Главная моя беда в том, что мне слишком легко все дается...» Я не ошибся?

Нилин кивнул.

— Вы не закончили мою формулировку, — с улыбкой напомнил он посетителю, — я сказал тогда: «Мне слишком легко все дается на обычном среднем уровне».

— Правильно, — пришелец кивнул головой, — чтобы достичь выдающегося уровня, нужен длительный целенаправленный труд — то, чего вам, Сергей Андреевич, извините, и не хватало. Зачем я пришел к вам? Хотите все начать сначала?

— В каком смысле? — недоуменно осведомился Нилин.

— В прямом. Мы умеем возвращать назад время, «дважды входить в одну и ту же реку». Подумайте, с какого момента вам хотелось бы начать жизнь снова, что необходимо изменить, исправить.

— А вы не боитесь, — Нилин никак не мог на-

строиться на серьезный лад, — что я в новом, так сказать, варианте могу иаделать массу глупостей?

— Нет, — посетнтель улыбиулся, — не боимся. Наши ЭВМ этот варнант полиостью отвергают. Я вас, Сергей Андреевич, не тороплю. Подумайте. Если вы не против, я зайду к вам завтра, скажем, в это же время. Хорошо?

— Лучше к коицу дия. — Нилии иезаметио для себя включился в предложениую игру.

— Хорошо, к коицу дия.

Посетитель встал, слегка поклоиился н протянул руку. Рука была обыкиовениая, человеческая, и кабинет пришелец покинул совершеиио по-человечески — просто вышел через дверь.

«Дурацкая шутка!»

Нилии пересек темиый двор, вошел в подъезд, нажал киопку лифта.

«А если не шутка? — мысль эта в какой уж раз прнходила ему в голову. — Шутка, ие шутка...»

Нилии открыл дверь, вошел в пустую квартнру, поставил в угол портфель, сиял плащ...

«Ну-с, что же иачиниать сначала?»

Ои прошел в кухню, смахнул со стола вчерашнне крошки, зажег газ...

«Разве личную жизнь устронть?»

Жеиился Нилии иа первом курсе ииститута. Жена училась в параллельной группе. Так и тянулн вместе пять лет, учнли по одиому коиспекту, сыиишку на лекцин иосилн. Все было иормально. А через десять лет как-то вдруг все стало плохо. Наверное, можно было еще что-то исправить, наладить, не захотелн. Гордость ли помешала или просто устали друг от друга? С тех пор Нилии и живет однн. Откуда же начать все снова? Со дия свадьбы? Или с того дия, когда почувствовал, что стала Татьяна совсем чужой? А может быть, вычеркнуть эти десять лет нз жизни? Но разве жалел Нилии когда-ибудь о том, как их прожил? Нет. Хорошие были годы, честиые, чистые, светлые. И любовь была, что бы там ни шептали сплетиики. Не сможет он эти годы прожить по-иному. Не сможет, да н ие захочет. Впрочем, пришелец имел в виду, иаверное, совсем другое. Что же ты, Нилии, жизни иедодал?

«Профессию разве сменнть?.. Поступнть в другой ииститут или в университет податься. Путь оттуда к мечте, к сегодияшией работе куда короче. Другой ни-

ститут — другие друзья, другие учителя; не будет на его пути людей, которые щедро делились с Нилиным знаниями, опытом, да и душой. Не будет бессонных ночей, конспектов, веселой сутолоки комитета комсомола. Вернее, все это будет, но будет не его, не нилинским. Так стоит ли менять? Тем более что и с его дипломом интересной работы хватает. Только нужно начать сразу же, не терять времени. Так, а куда он его терял?»

Нилин включил телевизор, бездумно уставился в засветившийся голубой экран.

«Не ездить в экспедицию. Сразу же поступать в аспирантуру, защитить диссертацию. Долой четыре года жизни в тайге, жаркое тепло печки, согревающей продрогшее на ветру тело, работу от восхода до заката, крепкую, на всю жизнь замешенную дружбу... Не слишком ли дорогая плата за раннюю диссертацию? Тем более что в аспирантуру он после экспедиции все же поступил. Вот только диссертацию так и не написал. Опыт провел, данные получил хорошие. Пиши да пиши. Что же помешало? Жаль было время тратить на казавшееся ненужным, непринципиальным оформление бумаг. Все результаты в статьях были опубликованы, другим служат, не раз встречал он ссылки на свои работы, что еще? Или поэзия отвлекла?»

Нилин улыбнулся, вспомнив бессонные ночи, груды исписанных листов бумаги. Даже книжка вышла! Пушкина из него, правда, не получилось. Разве поэтом стать? Это значит — долой последние семь лет жизни. Годы, в которые властно увлекла его биология, охрана природы. Кто-нибудь скажет: «Подумаешь, цветок сохранил!» Да, всего-навсего цветок! Легко его придавить каблуком сапога или вырвать с корнем. А попробуй сохрани! Ведь нигде на Земле нет больше этого цветка, только у Нилина в заповеднике! Нет, цветок свой он никому не отдаст.

«Так что же менять, что начать сначала? Да и стоит ли вновь входить в ту же реку? Жизнь-то ведь еще не кончилась, течет река. Вот так-то.

Что же пришельцу завтра ответить? Поймет ли? Должен понять. Разумный, значит, ничто человеческое ему не чуждо. А интересно, сам-то он согласился бы прожить жизнь сначала?»

* * *

ПРОГНОЗ ПРОШЛОГО

Озеро обнаружили еще с орбиты. Это был единственный водоем на материке, весь материк представлял собой пустыню: ни животных, ни растительности. Жизнеобитаемой была только прибрежная зона на границе с океаном. В самом океане жизнь была обильна и разнообразна, создавалось впечатление, что она только-только вышла из моря и стала завоевывать сушу. Но на планете уже существовала цивилизация. Это было неожиданно.

Неожиданностей затем встретили очень много, но по ходу изучения планеты они укладывались в логические схемы, им находили аналоги, и задачи разрешались. Но озеро в схемы не укладывалось, то, из чего оно состояло, даже не было соленой водой, это была рапа, пересыщенный раствор, но вместо солей натрия, калия, кальция и магния, обычно распространенных во всех соленых озерах и морях, здесь преобладали соединения молибдена, ванадия, свинца, цинка и ртути.

Такое открытие оказалось очень ценным практически. На планете, поскольку здесь существовала цивилизация, необходимо было построить радиомаяк и аварийный ангар. Но с начала работы экспедиции не удалось найти ни одного месторождения, пригодного для отработки и добычи металлов. Это было первой неудачей космохимиков. Проблему металлов решало озеро, оставалось лишь выяснить его происхождение, но эта проблема до сих пор оставалась неразрешенной.

Когда резерв времени иссяк, начали откачку рассолов и добычу металлов в нарушение закона: не использовать объектов с невыясненной природой. Теперь главной и единственной задачей космохимиков было озеро.

Придя в каюту, Владислав лег прямо на пол, заложил руки за голову и уставился в никуда. Думать ни о чем не хотелось, он слишком устал. Но сейчас он понимал, что придется давать отчет, надо было подготовиться к весьма неприятной процедуре. Отчет при отсутствии положительных результатов всегда вещь малоприятная, тем более если тебя раньше только хвалили и ты привык к этому как к должному, а теперь предстоит отчитываться о своей полной беспомощности.

Сигнал вызова не заставил себя долго ждать, Владислав лежа согнулся, прыжком встал на ноги и вышел из каюты.

В кабинете начальника экспедиции он сел в предложенное кресло и взглянул на шефа. Лицо того изображало доброжелательность и строгость одновременно.

— Мне доложили о вашей очередной неудаче. Расскажите вкратце о проделанном и ваших дальнейших соображениях.

Владислав рассказал, что детально изучена площадь, непосредственно примыкающая к озеру, и вся зона возможного воздействия. Изучены химические составы глубинных растворов, направление их движения, скорость испарения с поверхности озера, привнесение пылевых частиц и пр. По завершении последней стадии набрана информация в полтора миллиарда бит, но расчеты по счетно-логическим программам не подтверждают ни одну возможную модель процесса образования озера.

Шеф слушал молча, ни разу не переспросил, а когда Владислав кончил, он, немного помедлив, сказал:

— А допустим такое: на месте озера раньше было крупное поликомпонентное месторождение, затем оно за счет естественной эрозии разрушилось, а металлы перешли в соли. Возможно такое?

— Мы обсчитывали этот вариант...

— Да... — Шеф немного смутился. — Ну а что вы думаете по этому поводу сами?

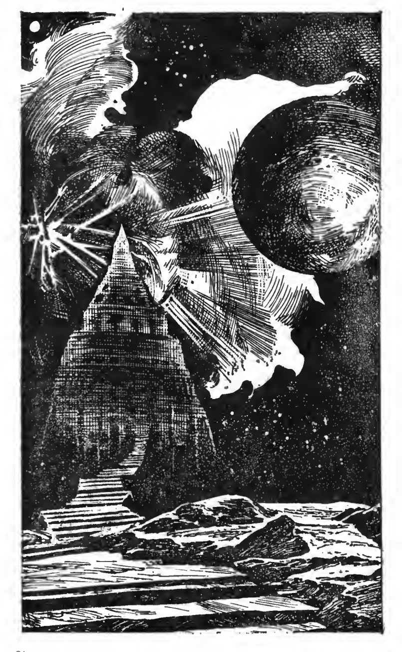
— Я думаю, оно имеет... искусственное происхождение.

— Забавно... уж не аборигены ли накачали туда морской воды, а заодно и сменили ее химический состав? — Шеф шутил, правда, не очень вежливо.

— Нет, не аборигены, странники, — ответил Владислав.

— Любопытно... Но, дорогой коллега, валить на странников неизученное проще всего, здесь же мы не нашли и намека на их присутствие, так что эту версию доказать будет не легче... В общем, так, экспедиция завершает работы, группа контактов уже заканчивает свою программу, хотя, согласитесь, ей было труднее. Даю вам два дня отдыха, а затем обратно к озеру, и приложите все усилия, чтобы загадок на планете не осталось... Желаю удачи.

«Группа контактов программу выполнила... в общем, выполнила, только контакта не установила», — подумал



Владислав, но возражать ие стал. Еще подумал, что завтра можио будет сходить в поселок к аборигенам.

К аборигенам он ходил пешком, ближайшее поселеиие было иедалеко, меньше двадцати километров. Но он специальио делал крюк, чтобы зайти в камеиоломни. Владислав едииствеиный продолжал посещать аборигеиов, не считая группы контакта, для которой это было обязанностью. Первое время, когда разрешили прямое общение, вся экспедиция постоянно ездила и летала в поселок, но постепенно это прекратилось. Весьма сдержанные в самом начале, аборигены затем стали откровеино недоброжелательиы, хотя виешне это и не было заметно, но вокруг визитеров сразу создавался вакуум. Некоторые утверждали, что аборигены умеют создавать сильное телепатическое поле и таким образом избавляются от непрошеных гостей. Возможно, так оно и было, потому что стоило членам экспедиции прибыть в поселеиие, как у всех падало настроение, чувствовалось, что они здесь лишиие, приходилось возвращаться.

Только его, старшего космохимика, аборигены принимали дружелюбно, хотя внешне это тоже не проявлялось. С ним мало общались, даже игнорировали, но Владислав никогда не ощущал враждебности, даже наоборот, если он сам обращался за чем-нибудь, никогда не отказывали. Он мог свободно ходить в поселке, посещать храмы, заходить в жилища. Он сумел быть своим.

Владислав никогда не задавался вопросом, почему так получилось, но другие члены экспедиции то шутя, то серьезно выпытывали у него причину. Просто ему нравилось бывать у аборигенов. У него не вызывали неприязни их безносые лица, похожие на черепа, и сухая чешуйчатая кожа. Он лучше всех усвоил язык аборигенов и даже подсозиательно не считал себя выше их. Возможно, они чувствовали и знали это.

Вначале он бежал вдоль береговой полосы по мокрому песку, который меньше продавливался иогами, затем, на подъеме, когда приходилось оставлять берег, переходил на шаг. Вблизи берега было прохладно, но, если ветер дул с материка, близость океана не спасала. Бегать в жару было тяжело, но он никогда не изменял своему правилу.

Каменоломня была видна с холма. Оиа напоминала

муравейник: покатая гора, и на ней, и вокруг нее масса копошащихся фигур. Он бегом спустился с холма и приблизился. На него не обратили внимания, работа шла своим чередом. В самой каменоломне по трещинам отделяли блоки, но большая часть рабов была занята транспортировкой. Владислав подошел к ближайшей группе. Здесь было шестнадцать аборигенов. Глыба, которую они двигали, была подвязана двумя канатами, канаты крепились к рычагам, рычаги опирались на четыре опоры. Глыба приподнималась, рычаги отводились назад, и камень подвигался на несколько десятков сантиметров вперед. Затем глыбу опускали, подпорки переносили вперед и, отводя рычаги, перемещали ее дальше. По трое рабов на рычагах, по одному на трехногих опорах, движения были слаженными и отработанными до совершенства, да и вся работа напоминала скорее однообразный танец. Аборигены пели, песня состояла из присвистов, шипящих выдохов, иногда почти стонов, мелодия отсутствовала, только ритм, сложный, непостоянный. Но порою, на какие-то мгновенья, Владислав вживался в песню и тогда ощущал всю ее прелесть, но гармония ускользала, и он опять слышал каскады непонятных и непривычных звуков.

Поодаль вслед за группой шел надсмотрщик. Он мало следил за работающими, больше смотрел себе под ноги и изредка щелкал бичом. Но вот группа приблизилась к пандусу, выходу из карьера. Подъем хоть и не был крут, но работать стало тяжелее, особенно переносчикам опор, им приходилось не только переставлять треноги, но и подпирать их. Песня оборвалась, остались лишь ритмические «э-эх, э-эх», согласные с короткими перемещениями глыбы. В конце выхода аборигены умолкли, тянули из последних сил, теперь покрикивал стражник и чаще щелкал бичом.

Вот один из рабов на рычаге поскользнулся, оступился, произошло замешательство, и глыба не сделала очередного шага. Аборигены остановились и, подняв головы, открытыми ртами жадно глотали воздух. Стражник набросился на них, но те не двигались, будто не видели и не слышали. Он заорал угрожающе, ударил одного, затем другого, группа зашевелилась, но один из пострадавших отошел в сторону, сел и стал тихонько раскачиваться. На ноге его вздулся рубец, между чешуйками кожи выступила кровь. Все подошли к нему, надсмотрщик тоже. Раб продолжал раскачиваться и начал тихо

подвывать. К нему приблизился другой раб и стал поглаживать рубец, плавно проводя рукою над ним. Рубец на глазах опал, цвет кожи стал нормальным, только на поверхности остались маленькие капли крови. Врачеватель обратился к надсмотрщику:

— Ты слишком сильно ударил его, ему надо отдохнуть.

Страж, не говоря ни слова, отдал пострадавшему бич. Затем все вернулись на свои места, надсмотрщик встал к рычагу. Новый стражник громко подал команду и щелкнул бичом, глыба приподнялась и передвинулась вперед. Когда сошли с пандуса на ровную дорогу, аборигены вновь затянули песню.

Владислав подошел к пострадавшему:

— Тебе было больно?

— Да, немного, — ответил тот, не оборачиваясь.

— А зачем он тебя ударил?

— Страх прибавляет сил.

— А теперь вы его наказали и заставили работать?

— Нет, наказали меня...

Владислав ничего не понял. Он давно уверился, что понять их логику пока невозможно. Он просто наблюдал и запоминал. Подобные случаи, как недавно происшедший, были далеко не первыми.

В это время новый стражник сам спросил его:

— В твоей душе печаль. У тебя беда?

— Да, беда, не ладится работа.

— Я понимаю тебя, работа — это много. Наверно, сломалась какая-нибудь из машин, которые заменяют вам ноги, руки и даже крылья?

— Нет, машины в порядке... Мы не можем найти причину, решить задачу....

— В чем эта задача?

— Тебе не понять, впрочем... В самом центре пустыни, куда не залетают даже птицы, есть озеро. Оно соленое, солонее океана. Мы хотим из его солей добыть металлы, чтобы построить маяк. Но мы не знаем, как оно произошло и сколько можно взять из него.

Стражник ответил после долгого раздумья:

— Тебе надо обратиться к жрецу пустыни, он должен знать...

Разговор можно было считать законченным, но Владислав решился спросить еще:

— Можно задать тебе плохой вопрос?

— Вопрос может не иметь смысла, — ответил абориген.

— Он не понравится тебе.

— Спрашивай...

— Почему вы к нам плохо относитесь? Почему не интересуетесь ни нами, ни нашими машинами, разве это вам безразлично?

Абориген молчал, будто не слышал вопроса, затем после долгой паузы ответил:

— То, что я скажу, может не понравиться тебе...

— Я не обижусь...

— Тогда слушай. Вы легкомудры и суетливы, вы вечно спешите. А знаете ли вы: куда? А машины... в них души меньше, чем в мертвом камне. И они не только служат вам, они еще и властвуют над вами, съедают ваши мысли и силы. Они плохие слуги.

— А скажи, — задал еще вопрос Владислав. — Не прилетали к вам на огненном корабле такие же как мы, может, другие, но тоже с машинами?

Абориген опять заговорил после долгой паузы:

— В древних легендах есть что-то о железных драконах, это все, что я знаю. Спроси у жрецов, они знают больше.

Владислав понял, что дальнейшие расспросы будут неуместны, он простился и побежал дальше.

Селение располагалось на берегу. Оно состояло из двух улиц, расположенных в виде буквы «т». Одна улица вдоль берега, другая — перпендикулярно ей, вверх по покатому ложу сухого распадка. В конце этой улицы, как бы замыкая ее, находился главный храм. Он был виден с любой точки селения, и часть окон каждого дома была обязательно направлена в его сторону. Храм представлял собой огромное здание, сложенное из каменных монолитов, очень простое по форме, но строгих пропорций и идеальной симметрии. Приходя в поселок, Владислав всегда подолгу любовался им. Он садился на берегу и смотрел, смотрел подолгу и неотрывно. Постепенно ему представлялось: храм висит в воздухе, медленно разрастается и заслоняет собой весь горизонт. Он закрывал глаза и отгонял видение, чувствовал, что храмовая композиция обладает почти гипнотическим действием. После этого уходил, наперекор желанию смотреть еще и еще.

На этот раз направился к храму пустыни, тот располагался рядом с главным, слева, если смотреть от моря. Справа находился храм океана. Владислав бывал в каждом. Самым богатым был храм океана, не храм — а музей, разукрашенный драгоценными раковинами, кораллами, панцирями. Главный храм внутри был прост как и снаружи, здесь располагались скульптуры мужчины и женщины, фигуры были даны в движении. Если стоять в центре и по очереди смотреть на них, создавалась иллюзия танца. Внутри храма пустыни не было ничего, только плита в центре зала с надписью: «Мы искупим грехи и вернемся». Владислав как-то спросил, что это значит. Жрец отвечал пространно и непонятно. Владислав тогда лишь запомнил:

— ...перешедший порог дозволенного совершает грех. Чтобы достичь порога, надо вложить много сил и разума. Но только великий разум может постичь будущее, и горе, если он не видит завтрашнего дня. — Голос жреца при этом был тих и скорбен.

На этот раз храм был пуст, ни жрецов, ни просто служителей. Владислав ждал долго. Наконец появился один и направился прямо к нему, видимо, пришел специально:

— Зачем ты здесь и кого ждешь, пришелец?

— Я хочу поговорить с главным жрецом, так мне посоветовали.

— Да, я знаю, но главный в саду на сборе семян и придет только поздним вечером. Готов ли ты ждать?

— Да...

На этом разговор окончился, служитель ушел. Владислав некоторое время посидел в раздумье, затем быстро поднялся и вышел наружу. Здесь он прежде всего вызвал корабль и передал, что задержится надолго. Дежурный отвечал неодобрительно, но запрещать не стал. После этого Владислав побежал догонять служителя. Поравнявшись, он сразу попросил разрешения идти вместе с тем в сад. Служитель не ответил. Владислав в недоумении приостановился, но затем вновь догнал и пошел следом. Служитель не обращал на него внимания.

Сад располагался на краю береговой зоны, рядом с песками. Деревья росли беспорядочно, на них висела масса желтых полупрозрачных овальных плодов. Владислав однажды пробовал такие, по вкусу они напоминали финики. Под каждым деревом стояли аборигены, стояли неподвижно, в напряженных позах, как будто

чего-то ждали. Неожиданно то один, то другой стремительно бросались к плодам, а затем осторожно и бережно снимали их с ветви, потом быстро аккуратно укладывали в корзину. Владислав решил узнать, в чем дело, стал следить. Оказалось, что срывают те плоды, которые начинают мутнеть, терять прозрачность. Он тоже решил сорвать плод, долго ждал, затем, заметив, что один изнутри стал мутнеть, бросился к нему и тут же отдернул руку — плод ожег его. Владислав снова потянулся, теперь осторожно, а плод вдруг сам мягко упал в его руку. Владислав отнес его и бережно положил в корзину, так же, как делали аборигены.

Корзины затем относили на край сада и здесь высыпали плоды прямо на песок, тут образовалась уже целая полоса из небольших куч.

Сбор продолжался до самого вечера. Когда светило коснулось горизонта, все устремились к сваленным плодам и начали швырять их в сторону пустыни, в песок. Владислав кидал вместе со всеми, плоды теперь были твердыми как камни.

Когда от прежних куч не осталось следа, аборигены собрались в кружок.

— Нужен дождь, — сказал один из них.

— Нужен-нужен, — согласно закивали остальные.

— Иначе семена погибнут...

— Да, погибнут-погибнут, — подхватили окружающие.

— Надо вызвать дождь, готовы ли мы?

— Готовы, готовы...

— Нет ли среди нас больных или немощных, которым не под силу?

— Нет, нет...

Вопросы и ответы увлекли Владислава как молитва, он чувствовал, что, да, нужен дождь, и надо его вызвать, и он сам готов это делать. Очнулся от слов, обращенных к нему:

— Пришелец, оставь нас, предстоит трудное дело.

— А можно не уходить? — спросил он.

— Зачем отдавать силы на чуждое тебе?

— Я останусь...

— Пусть будет по-твоему, но если почувствуешь, что силы покидают тебя, ляг на песок.

Владислав переживал раздвоение: одна часть его сознания, даже не его, а общая всех присутствовавших, верила, что сейчас будет трудное дело и надо выдер-

жать; другая, его личная, аналитическая, предполагала увидеть интересный обряд, скорее всего танец, и ждала этого с нетерпением.

Аборигены построились полукругом, один вышел вперед.

«Точно, — подумал Владислав, — танец».

Но произошло совершенно иное. Он почувствовал, что сливается воедино с остальными. А дальше аналитическая часть сознания отключилась, для нее не осталось места. Непонятная незримая сила скручивала мозг: дождь, дождь, дождь. Эта мысль стала единственной. Дождь! Ты будешь, ты должен, иначе не может быть, все наши силы — дождь!

Остатками самосознания Владислав понимал, что слабеет, что энергия, которую он отдает, огромна. Но эти же остатки самосознания твердили — держись, держись, держись.

В темнеющем небе появилось облачко, оно росло, затем подул ветер, облачко приблизилось, заняло почти весь небосвод, и пошел дождь. Крупные капли вначале зашуршали, а затем зашлепали по песку. Владислав ощутил облегчение и одновременно почувствовал, что не устоит на ногах, упадет. Его поддержали, хотя никто не коснулся его. Аборигены зашевелились.

— Слава животворному дождю, — сказал главный.

— Слава, слава, — как эхо подхватили остальные.

Медленно и будто неуверенно все двинулись в сад. Сознание возвращалось к Владиславу, он видел, что аборигены тоже еле стоят на ногах, что недавняя сила выкачала не только его. Но что она, откуда?

Подошли к деревьям, стали срывать оставшиеся плоды и сразу же съедать их. Ели с жадностью, торопливо, чавкали и брызгали соком. Владислав тоже хватал и проглатывал почти не жуя. Это было странно, аборигены в еде всегда были сдержанны. Но он чувствовал, что так надо, быстрее, быстрее. С каждым глотком импульсами возвращались силы. Наконец он почувствовал, что достаточно. Остальные тоже отошли от деревьев, собрались вместе и уселись кружком. В центр снова выступил старший.

— Мы отдали свои силы семенам, теперь они не пропадут даром.

— Да будет так! — сказали все хором и начали подниматься.

Затем они вытянулись гуськом и зашагали в сторону

селения. Владислав пошел следом, он хотел спросить у ближайшего аборигена, кто главный жрец храма пустыни, но тот, опережая вопрос, сам повернулся к нему и сказал:

— Жреца дожидайся в храме, скоро...

Они стали расходиться по домам. Владислав остался один. Он поднялся по главной улице, дошел до храма, вошел внутрь. Здесь было совсем темно, но следом появился служитель и стал раскладывать светящиеся камешки. Владислав знал, что это морские животные: высушенные, они светятся, и довольно долго. Это был основной и единственный способ освещения на планете, огня аборигены не признавали, хотя и пользовались им для обжига керамики и выплавки металлов.

Храм осветился слабым голубоватым светом. Владислав оглядывался, ожидая прихода жреца, но не заметил, откуда тот вошел. В длинной обрядовой накидке, он приблизился к Владиславу и, глядя на него в упор своими круглыми глазами, спросил:

— Что хотел узнать ты, пришелец?

Владислав принялся объяснять, но тут ощутил, что жрец просто читает его мысли. Это было неприятно, как будто ты совсем голый и нечем прикрыться. Как только Владислав подумал об этом, жрец сказал:

— Прости, пришелец, что поступаю так. Я слишком устал, а слова долго передают мысль. Вот что я могу сказать тебе. Я знаю тайну озера, но открывать не стану. Ты можешь не поверить мне. Открой ее сам, это не так сложно, надо просто заглянуть в прошлое. Осмыслить все, что ты здесь видел, и заглянуть в прошлое. Больше я ничего не скажу тебе... — Он оставил Владислава и исчез. Только теперь Владислав вспомнил, что этот же абориген руководил призывом дождя.

Владислав тоже вышел из храма, надо было возвращаться на корабль, но он почувствовал, что снова голоден. Спустился вниз, зашел в ближайший дом и попросил поесть. Хозяин принес плоскую раковину, в которой лежало высушенное мясо моллюска и несколько плодов, спросил:

— Я могу быть рядом или ты предпочитаешь есть в одиночестве?

— Мне все равно...

Владислав принялся за еду, он ел медленно, подолгу жевал кусочки терпкого мяса, откусывал кисловатые плоды. Хозяин сидел неподалеку и смотрел в сторону.

Владислав доел почти все, оставив только по маленькому кусочку плода и мяса. Он знал, что, если съест все без остатка, ему принесут еще. Он поблагодарил, сложив по местному обычаю ладони крест-накрест, простился и вышел. Спустился вниз на берег, но, прежде чем покинуть селение, оглянулся на храмы. Каменная громада главного четко вырисовывалась на фоне фиолетового небосклона. Светло-серый, прямолинейный, он как будто стремился ввысь.

Владислав постоял несколько минут, затем повернулся и зашагал по прибрежному песку, немного погодя перешел на бег.

Похрустывал под ногами песок, на берег лениво наползали светящиеся волны, ярко горели звезды. Владислав думал:

«Мы только-только установили, что волевая психическая энергия имеет и физическое выражение. Правда, физический эквивалент ничтожен. Как же аборигены научились столь усиливать ее? А то, что они могут это, — несомненно. И тайну озера они знают, хотя никогда не заходят в пустыню более нескольких километров. Кто помог им? Или помогал?»

Утром, после штатного осмотра аппаратуры, дежурные операторы прогуливались по берегу озера.

— Проклятая жара, — сказал старший, снимая шлем и вытирая пот с бритой головы, — скорей бы кончалась смена, на побережье все-таки лучше.

— Конечно, лучше, хотя, признаться, мне уже надоело и побережье, и планета, и эти безносые гуманоиды, из-за которых приходится работать по максимальной программе, — ответил напарник.

Они остановились. Было безветренно, в разогретых потоках воздуха горизонт был зыбок и непостоянен. Зеркальная гладь озера участками покрывалась пленкой соли, которая проступала матовыми пятнами, а затем тонула. Прибрежная полоса сверкала и переливалась режущими глаза бликами.

— А ведь есть в этой безжизненной дикости своя красота, — заметил старший. — Пойдем, однако, в бункер, время не для прогулок.

Они повернули и зашагали обратно. Под ногами хрустела соль, позади оставался легкий шлейф белесой пыли. Вдруг старший остановился:

— По-моему, смерч...

Они стали всматриваться в зыбкий горизонт. Красноватые округлые горы колебались в потоках раскаленного воздуха, разглядеть что-либо в этом мареве было трудно. Но вот обозначились две тонкие ниточки, которые тянулись вверх, через минуту они превратились в жгуты, а затем выросли в вихляющиеся столбы. Их число увеличивалось, они приближались. Зрелище гипнотизировало, люди стояли неподвижно.

Первым очнулся младший:

— Надо поторапливаться, — с тревогой сказал он, — смерч идет на нас.

Они двинулись быстрыми шагами, затем побежали. Когда приблизились к приземистому зданию насосной, налетевший порыв ветра поднял тучи пыли. Сразу потемнело, и в это же время родился звук. Вначале слабый, он нарастал, переходя в рев. Они заскочили внутрь, задраили бронированную дверь и расхохотались, взглянув друг на друга: одинаково белесые лица с запорошенными бровями и ресницами — пыль в считанные секунды облепила их потные физиономии. Смеяться долго не пришлось, соль начала есть глаза и кожу.

Они сменили одежду, вымылись и направились в контрольный комплекс. Здесь, бегло пробежав глазами показания приборов, старший заметил:

— Возрастает мутность, видимо, придется останавливать насосы... Опять задержка! Почему на этой планете все против нас? А металла извлечено ничтожно мало.

В это время раздался зуммер аварийной связи. Запрашивала группа космохимиков, работавшая в районе озера:

— Шеф не у вас?

— Нет...

— Он не вернулся в бункер до начала урагана... Что делать?

— Ждать, когда кончится ураган... потом по аварийному расписанию — общий поиск...

— Это мы знаем...

Связь отключилась. Повисла напряженная тишина, только снаружи доносился гул урагана, приглушенный метровыми стенами.

— Ну вот, дождались, — вздохнул старший, — поиск поиском, но без укрытия в таком аду не уцелеть...

Ты его хорошо знаешь? Это тот самый чудак, который подружился с аборигенами и постоянно ходит к ним... Ходит... ходил...

Он слишком увлекся и поздно заметил приближение урагана. Работал в лихорадочном возбуждении, делал замеры, рисовал план, уже в который раз отбивал образцы. Сомнений не оставалось — перед ним был фундамент искусственного сооружения, и сооружения огромного. Его могли построить только странники.

Когда первый порыв ветра поднял пыль, он спохватился. Надо было срочно что-то предпринимать. Одноместный гравиплан, которым он пользовался, уже не поможет, его унесет как песчинку. Оставалось одно — закопаться в грунт и молить судьбу, чтобы столб смерча не задел этого места. Он начал копать углубление под одной из стен, грунт поддавался легко, но на глубине около метра пошел прочный камень, укрытие получалось слишком мелким. Он занервничал, но старался не поддаваться панике, еще несколько минут можно было работать. Ветер усиливался, потемнело от поднятой пыли, уже сдвинулись мелкие камешки и защелкали по комбинезону и маске. Отчаянным усилием он долбил с трудом поддающийся камень. И вдруг грунт просел, образовалась изрядная дыра, внизу была пустота. Он не удивился, только обрадовался. Быстро расширил отверстие и попытался рассмотреть, где дно подземной камеры. Оно было близко. Быстро пролез в дыру и спустился вниз. Следом за ним посыпались песок и камни, ураган набирал силу.

Он присел передохнуть и, оглядевшись, опять испытал радостное изумление. В свете фонаря на противоположной стене тянулись трубы. Он подошел поближе: да, именно трубы, они сильно разрушились, от некоторых остались лишь корочки ржавчины, но это были трубы, без сомнений. Значит, это техническое сооружение, и значит — странники! От возбуждения его стала колотить дрожь, заставил себя успокоиться и продолжил осмотр убежища.

Это была бетонная камера, переход в соседнюю завален, и расширить поиск не удалось, но и того, что он увидел, было достаточно. Кроме труб, он нашел металлический агрегат, тоже сильно разрушенный, но, самое главное, на нем было несколько алюминиевых деталей. Он присел передохнуть и собраться с мыслями.

Итак, в котловине близ озера имеются следы технического сооружения. Возможно, когда-то странники тоже добывали металл, в то время уровень озера был значительно выше. Загадочные странники, высокоразвитая цивилизация, оставившая во Вселенной немало следов, но так и не встретившаяся ни одной экспедиции.

Разумные существа гуманоидного типа оказались не столь уж редки, но все встреченные цивилизации стояли на низком уровне. Одни или поклонялись пришельцам как богам и одновременно попрошайничали, другие, более развитые, пытались заручиться дружбой и использовать в своих междоусобных конфликтах, третьи старались ознакомиться с техническими достижениями небесных гостей, просили помощи в своих исследованиях: тоже попрошайничество, хотя и на более высоком уровне. Главное, взаимополезного обмена не получалось. Он задумался. Попрошайничество малоразвитых цивилизаций не поощрялось, до многих достижений они не доросли не только технически, главное, духовно; но сами мы тоже стремимся найти высокоразвитую цивилизацию. Зачем? Чтобы перенять их знания? Сомнительно: это тоже своего рода попрошайничество. Чтобы найти равного? Или чтобы взглянуть на возможное свое будущее? А может, для того, чтобы почувствовать защищенность: есть другие, старше нас, значит, век нашей цивилизации еще долог? Да, именно защищенность. Вначале был всемогущий бог, но он развенчан, и человечество стало в открытую перед неизвестным. Это трудно, всегда хочется на кого-то опереться, — он усмехнулся. Даже при такой степени могущества, когда подвластны межзвездные перелеты, человечество ищет опору и защиту. Но как бы то ни было, именно следы странников более всего будоражили, взвинчивали интерес поисков и гнали все новые и новые экспедиции. Странники, загадочные странники, исчезнувшие безвестно куда.

С поверхности доносился монотонный гул, ураган бушевал вовсю. Владислав еще раз осмотрел находки, металлические детали были очень плохой сохранности. Решил определить возраст, ввел данные в микрокомпьютер и получил очень большой интервал: от тысячи пятисот до десяти тысяч лет назад. Для более точного определения недоставало данных, но неважно, прежние находки на других планетах укладывались в этот же интервал. Теперь оставалось дождаться конца урагана, доложить о своем открытии и начинать раскопки.

Ждать пришлось долго. Наконец гул начал стихать, барометрическое давление установилось и медленно стало расти. Он понял — ураган прошел. Приблизился к дыре, которую проделал накануне, здесь возвышался конус из щебнистого песка, вершиной упирающийся в потолок. Песок все еще стекал внутрь, то там, то здесь на склоне конуса возникал микрооползень, который скользил вниз, сверху сразу приходила новая порция. Владислав ступил на песчаный холм и потянулся к отверстию, но тут же сполз вниз вместе с песком, а сверху выпанул целый водопад. Если наверху много песка, выбраться будет нелегко, придется спускать и спускать песок вниз, пока наверху не образуется воронка с устойчивым углом. Он принялся разгребать песок по сторонам. Вначале это было легко, песок послушно растекался под его ногами, затем пришлось работать и руками, потому что конус расширился, и новые порции приходилось сталкивать далеко в сторону. Он работал уже более часа, а поток песка сверху не прекращался. Уже треть камеры была завалена, работать становилось все труднее. Он отгребал песок руками, затем ложился на спину и толкал ногами дальше от дыры, и снова греб руками.

Стало не хватать воздуха, больше половины объема камеры теперь занимал песок, сверху воздух не поступал, наоборот, уходил туда. Аварийный запас кислорода был невелик, он берег его на крайний случай. На время прекратил работу и присел, чтобы обдумать положение:

«Так можно грести бесконечно и просто похоронить себя. Что же делать? Надо попытаться пролезть наружу сквозь песок».

Он дал полный отдых телу, сосредоточился, затем сделал несколько вдохов из аварийного запаса кислорода и полез к дыре. Втиснулся в сыпучую массу и стал пролезать вверх. Было неимоверно тяжело, наверху лежал явно толстый слой песка, но другого уже не оставалось. Открыв полностью аварийный баллон, он продавливал себя сквозь песок. Вот полтуловища прошло сквозь дыру, вот уперся в край коленями, стал приподниматься, уже встал на ноги, но голова так и не вышла наружу. Если он встанет во весь рост и не поднимется над уровнем песка, тогда конец. Подумал об этом, но как-то равнодушно. Стал подниматься, ожидая, что будет. Глаза увидели свет, когда вытянулся на носках. Дальше было проще, вытащил на поверхность руки и буквально выплыл из тягучей массы.

Выбравшись наверх, долго лежал, приходя в себя. Сердце колотилось неимоверно, воздуха не хватало, но дышать приходилось через фильтр, висела плотная пыль, не осевшая после урагана. Каждый вдох давался с трудом, а именно сейчас надо было дышать и дышать, чтобы восстановить затраченную энергию. Запас кислорода давно иссяк, Владислав чуть не терял сознание, сосредоточившись лишь на том, чтобы ровно и глубоко дышать.

Кое-как пришел в себя, дыхание успокоилось, сердце умерило ритм, наконец-то он мог отдохнуть.

Окончательно придя в себя, осмотрелся. Гравиплана, конечно, не было, но он и не рассчитывал найти его, хуже было другое, ураган полностью засыпал фундамент, местность вокруг была ровной с мелкими волнами ветровой ряби. Обернулся назад, то место, откуда он с таким трудом выбрался, представлялось лишь мелкой ямой, которая тоже скоро исчезнет. И тут он вспомнил, что не взял с собой ничего из вещественных доказательств, даже кусочка алюминия. На всякий случай осмотрел карманы и обнаружил, что нет передатчика. Это было серьезно: без транспорта, без связи и без воды в палящей пустыне. Подступил холодок страха, но Владислав быстро взял себя в руки, сутки-двое вполне можно обойтись, открытие стоило вынужденных лишений. Только покидать места нельзя, снова найти его будет очень трудно. Оставалось одно — ждать, покуда его самого не обнаружат. Он накинул на голову капюшон, закрыл лицо фильтром и лег на холодный песок.

Когда рассвело, он понял, что поисковой группе будет нелегко. Видимость оставалась слабой, менее километра, наэлектризованная пыль оседала слишком медленно, и не было ветра, который мог бы отогнать облако. Местами по песку проскакивали голубоватые полоски статических разрядов. Хотелось пить.

Он заставил себя забыть о воде. По окружности прокопал руками канавку и лег в центре круга, чтобы поисковому отряду было легче его обнаружить. Раскинул руки и ноги, максимально убавил сердцебиение и дыхание, оставив в памяти приказ очнуться через сутки.

Когда очнулся, ничего не переменилось, его не нашли, только бесследно исчезла круговая канавка. Видимость была достаточной, значит, его скоро обнаружат. Снова прокопал канавку, работалось тяжело, и все силь-

нее хотелось пить. Опять лег на песок в центре круга и уснул, теперь до вечера.

Вечером все оставалось по-прежнему, он был один в остывающей после дневного жара пустыне. Песок давно стер канавку, он попытался снова прокопать ее, но это не удалось, сил оставалось слишком мало. Если бы не палящий зной, он мог бы находиться в анабиозе десятки суток, но жара иссушала тело. Почему его не ищут? Или ищут в другом месте. Да скорее всего он слишком отклонился от первоначального маршрута, когда заметил прямоугольники фундамента. Снова занялся канавкой, но теперь не выкапывал ее, а просто обозначал следами. Когда сделал полный круг, увидел, что первые следы почти стерлись, песок как жидкость заполнял углубления.

Он сел и стал думать. Еще ночь он продержится, но день... Расслабился и как бы изнутри осмотрел свое тело: ткани сильно обезвожены, гортань болит от сухости, кожа будто затвердела. На сколько его еще хватит? Ближайшее место, где можно получить помощь, — лаборатория по извлечению металлов, это больше полусотни километров. Сможет ли он их пройти? Придется, другого не оставалось.

Мысленно окинул предстоящий путь — бесконечный песок, который проседает под ногами, идти по нему трудно, но идти надо. Опять мысленно осмотрел свое тело: ноги, теперь нужны будут прежде всего ноги. Переместил возможную влагу к ногам, они окрепли. Потом стал снимать лишнюю одежду, сбросил на песок шлем-маску, ботинки, перчатки, остался в комбинезоне и носках. Затем вытряхнул карманы, оставил только микрокомпьютер. Поднялся, разложил вещи так, чтобы они указывали направление хода, точнее сориентировался по звездам и зашагал.

Первые шаги давались с трудом, но постепенно организм привык, и он увеличил скорость. Мыслей не было, все силы уходили на движение: правая-левая — выдох, правая-левая — вдох. Он шел, несмотря на крайнюю истощенность, сердце с трудом гнало загустевшую кровь, руки безвольно болтались по сторонам, вся энергия шла к ногам, он шел.

Вслед за оборотом планеты медленно вращались звезды, одни уходили за горизонт, другие появлялись. В бледном их свете маячила человеческая фигура, упорно идущая по песку. Остающиеся под ногами следы

быстро затягивались, и за человеком оставался недлинный шлейф точек-ямок. Он шагал.

Это длилось всю ночь, но он не замечал времени, да и сознания не было. Он стал животным, бездумным, но с заданной программой: идти. Изредка тормозная реакция организма бросала в мозг панический сигнал: нет сил, остановись! Он глушил его и шел дальше.

Заметил бункер, немного сменил направление, теперь шел на реальный ориентир. Радости не было, на это не осталось сил. К бункеру подошел как раз, когда над горизонтом показалась оранжевая полоска светила. Остановился перед дверью, попытался взяться за ручку, но руки не повиновались, он заставил их ожить, но сразу ослабли ноги. Потянул дверь на себя, она не поддавалась, с отчаянием напрягся и упал без сознания.

Поиски главного космохимика начались, как только стих ураган. В течение ночи и первого дня ничего обнаружить не удалось, да и поиски велись почти вслепую, над пустыней висела плотная пыльная завеса. Сам Владислав сигналов не подавал, это означало не самое лучшее. На вторые сутки поиск вела уже вся экспедиция, и очень скоро был найден гравиплан. Искореженная машина находилась в трехстах километрах от участка работ космохимиков, там и были сосредоточены дальнейшие поиски. Утешало то, что следов крови в машине не было. Поисковые группы вели планомерное прочесывание пустыни, но безрезультатно. Только к концу третьих суток были обнаружены вещи Владислава и совершенно не там, где прежде искали, а именно недалеко от его рабочего маршрута. Через час около бункера насосной нашли и самого космохимика, он был мертв.

Он почти высох, как мумия: черное лицо, черные руки. Тело немедленно доставили на корабль и поместили в консервационную капсулу. Погибших космонавтов доставляли на Землю, в надежде, что наука когда-нибудь сможет оживить их. Так поступали со всеми, неиспользовавшими жизненный ресурс.

Этот трагический случай послужил главной причиной того, что работы на планете решено было сворачивать. В целом экспедиция выполнила задачу: изучены лито- и биосфера, местная цивилизация тоже была достаточно ясна, оставалось завершить строительство маяка и аварийного ангара, на что и были нацелены все си-

лы экспедиции. Загадка внутриконтинентального озера хотя и оставалась нерешенной, но тратить на нее ресурсы и время, тем более в столь опасном районе, посчитали нецелесообразным. Скоро работы по строительству были закончены, космонавты готовились к возвращению, опробовались системы корабля, завершались последние дела.

Накануне дня отлета к кораблю пришли пятеро аборигенов. Это был первый случай, когда они пришли сами. Весть об этом сразу облетела корабль и вызвала почти сенсацию. Но согласно немедленно последовавшему распоряжению навстречу к ним вышли только представители группы контакта. Одновременно была включена система многоканальной записи.

Когда представители вышли навстречу гостям, один из аборигенов без обычных приветствий сразу спросил:

— Мы давно не видели нашего друга и перестали чувствовать его. Он не выходит из корабля или с ним случилась беда?

— Он умер...

— Как?

— Умер в пустыне, от жажды...

— Можно нам увидеть его?

Представители растерялись, но руководство, следившее за встречей, разрешило посещение.

Аборигенов проводили на корабль. Во время переходов и в лифте они ни о чем не спрашивали и не оглядывались по сторонам. Перед телом космохимика, помещенным в прозрачную капсулу, аборигены стояли очень долго. Их тактично не тревожили. Наконец один из аборигенов, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Очень слабый свет, но я вижу его...

Ему не ответили, но остальные аборигены подошли ближе и, став полукругом, склонились над капсулой.

А затем что-то произошло, был момент, который ощутили и запомнили все, но как ощутили, каким чувством, что это было, объяснить никто не мог. Более того, на всех записывающих кассетах был отмечен импульс длиною в миллионные доли секунды, который так и не смогли расшифровать.

Аборигены выпрямились и отошли от капсулы, их лица были изможденыі. Медленно, гуськом, не обращая ни на кого внимания, они направились к выходу. Их не задерживали и не сопровождали, все присутствовавшие находились в каком-то оцепенении. Затем обратили

вниманне на капсулу, кожа Владнслава посветлела, а датчнки среды показали нзмеиенне температуры и газового состава. Владнслав дышал.

Последовало всеобщее замешательство, затем кто-то попытался догнать аборнгенов, ио онн пропалн, ннкто из членов экнпажа ие мог сказать, когда оин покннули корабль и куда ушлн.

Вначале был сон. Он вндел н обнннмал целую планету. Жзизь иенстово кнпела на ней. Жнзнь была многолика н разноцветна. Она разделялась на бесконечное чнсло маленькнх жизней, ио была еднна. Все: зверн и птнцы, цветы н рыбы, плеикн лншайннков н плесень бактерий жнлн однмм разумом, сообща. Жизнь была счастьем, ннкто не нскал его, просто жнл и, чувствуя себя клеточкой велнкой общей жнзии, радовался этому. Счастье было во всем: в лучах светнла н темиоте ночн, в порыве ветра н утренней росе, в запахе трав н рокоте воли. И смерть не была горем, нбо давала жнзнь другнм. Так было н так должно было быть.

Но вот появнлся двуногнй. Вначале он был как все, и общего счастья вдосталь хватало н ему. Но он решнл, что нмеет право на большее, н стал отннмать у другнх.

— Что ты делаешь, зачем тебе так много? — спроснлн у него.

Ои не ответнл, он просто не слышал, потому что утратнл связь с великим еднством жизнн, а вместе с этнм н счастье, которым обладал. Потом двуиогнй создал свой разум, это был очень маленькнй разум по сравненню с велнкнм разумом единой жизин, ио ои очень горднлся этнм, нбо счнтал себя еднкственным обладателем разума. Но маленький разум ие мог дать счастья, одннoчество тяготило его, и тогда ои задал вопрос: «Зачем?»

Потом сои отступнл, н Владнслав стал чувствовать чужие мыслн. Это былн воспомннания о доме н желаине скорее вернуться туда, повседневные заботы по уходу н обслуживаиню корабля, споры о результатах экспедиции. Он понял, что корабль в полете.

Затем пошлн воспомнннaння. Вначале всплыло самое последнее: закрытые двери бункера, свое бессилие н страшная досада, что ие может добраться до желанной

воды. Поочередно стали вспоминаться более давние события: непонятное озеро, последняя вылазка к аборигенам, твердые семена, которые швыряют в песок, храм, строящийся в совершенно незаселенном месте. Вспомнил слова жреца: осмыслить все, что есть, и оглянуться назад. Он стал осмысливать, перебирать в памяти дни пребывания на планете, факты, открытия, обычаи аборигенов.

Стали намечаться связи между совершенно казавшимися несвязанными вещами: внешнее равенство и бич надсмотрщика, недоброжелательность аборигенов к пришельцам и его пешие прогулки в поселение, храм пустыни и промышленные постройки в центре континента. Он мыслил, хотя абсолютно ничего не ощущал: ни света, ни звука, ни собственного тела, но неопределенность тревожила мало, он верил, что чувства вернутся к нему.

Он работал как машина, собирал данные, намечал связи, оценивал результат. Если результат не удовлетворял некоторым фактам, даже самому незначительному, отметал несовершенное решение и начинал снова. И наконец он нашел, это было единственно верное решение, оно вбирало в себя все и всему соответствовало. Он ощутил огромную радость, а затем забылся.

Когда очнулся, увидел свет, просто белое пятно. Оно стало разделяться на цвета и полутени, постепенно он понял, что находится в камере реанимации. Повернул голову, рядом никого не было, но приборы отметили его движение, и через минуту в камеру вошла врач. Он видел ее улыбку, но одновременно чувствовал ее необыкновенное возбуждение, смешанное со страхом. Люди прибывали, никто не заговаривал с ним, только смотрели, и он снова ощущал их изумление.

— Что вы на меня так смотрите? — хотел спросить он, но не смог.

Врач как будто поняла его и, положив ладонь на лоб, сказала:

— Не надо, пока не надо... потом.

Заговорить он смог только на третий день:

— Я нашел, — сказал он, — я докажу, это удивительно.

На десятый день он смог подняться и немедленно направился в ВЦ.

— Идите со мной, я докажу, — говорил он всем встречным.

Его поддерживали, поддакивали, помогали идти, но он чувствовал — не верят, для них он был просто диковинный больной.

На ВЦ попросил ввести в память машины все собранные данные и поставить задачу на интерполяцию в прошлое с выдачей результатов в зрительных образах. Районом интерполяции поставил озеро.

Машина поглощала информацию, ее было много, это заняло немало времени, но люди все прибывали, и скоро зал не смог вместить всех желающих. Он чувствовал в них больше любопытства, чем интереса, и это было обидно. Он желал открыть истину, а они пришли смотреть диковину. Владислав понимал, что диковина — это он сам. Наконец информация была введена, и машина начала логический счет.

На экране лежало озеро, пока ничего не менялось: глубокая впадина, соленая вода, соль по берегам, бесконечные смерчи. Тысяча, полторы тысячи, две тысячи лет показывал счетчик обратного времени. Но вот картина качнулась, поплыла, установилась снова — в озере стала прибывать вода. Она прибывала стремительно, за полтысячи лет озеро поднялось на километр, появился сток, и в озеро потекли реки, по берегам обозначилась чахлая растительность. На отметке в три тысячи лет на южном побережье из развалин поднялся огромный город, рядом с ним вырос промышленный комплекс — высоченные километровые трубы газовых сбросов и трубы, сосущие воду из озера. Город и завод исчезли за триста лет, на берегу остался поселок, окрестности мгновенно покрылись растительностью, со склонов потекли ручьи, смерчи прекратились. Вот от поселка осталась маленькая деревушка. Счетчик показывал три с половиной тысячи лет. Картина остановилась и уже не менялась. Резкость изображения улучшилась, можно было рассмотреть мелкие детали.

На экране среди крутых зеленых берегов лежало озеро. Прибрежная вода отражала зеленые склоны гор и сама казалась зеленой, дальше она отражала небо и была голубой. Прозрачные волны, накатываясь на береговые валуны, разбивались тысячами брызг, и каждую волну сопровождала радуга. Над водой, вдоль берега, лениво шевеля крыльями, летали большие белые птицы. Группа аборигенов сидела на берегу у костра, другие на деревянном суденышке, отчаянно работая веслами, гребли против волн. На берег из леса вышло крупное

мохнатое животное, привстало передними лапами на большой валуи и, вытянув морду, принюхивалось к запаху дыма.

Перемены, происшедшие иа экраие за несколько минут, ошеломили людей. Это было похоже на сказку, стояла зачарованная тишина. Наконец кто-то ие выдержал и тихо сказал:

— Какой удивительный ландшафт!

Ему так же тихо ответили:

— Поэтому странники и оставили странствия...

* * *

ЕВГЕНИЙ НОСОВ *рассказ*

ИСПЫТАНИЕ

1

Старший иадзиратель — неопрятный, по уши заплывший жиром так, что даже мочки их торчали перпендикулярно к могучей, в седой щетине шее, — старый уже, давно потерявший форму, ио еще крепкий кряж слоиялся по тюремным коридорам, не зная, чем занять себя, как убить время. Тяжело отдуваясь, он ходил и ходил по замкнутым коридорам этажей, делая на каждом по нескольку витков, ие глядя по сторонам, а только вперед, в серую стену очередного поворота, будто выбирал ее целью. По шее стекал ручьями на волосатую грудь обильный пот; чериая, мокрая насквозь формеииая рубашка, расстегиутая до крутого выгиба шароподобного живота, казалась еще темиее. Старшему иадзирателю было очеиь тяжело, жарко и скучно. Рядовые охраиники жались к стенам, вздрагивая всякий раз, когда мимо них прошествовал их большой начальиик.

Он спустился в иижиие этажи тюрьмы. Здесь стен не было, и только могучие столбы, соединеиные толстыми прутьями ограждения, подпирали серые своды. За ограждением сидели, лежали, двигались — иасколько возможно было передвижение в плотной толпе — сотни и сотни людей. На старшего иадзирателя никто ие смотрел; за весь круг по этажу он был удостоеи только нескольких мимолетных взглядов, но таких ненавидя-

щнх, что пот еще обнльнее заструнлся по его бесформенной шее.

На втором круге он не выдержал пыткн бездельем, остановился, посмотрел в толпу, выглядывая знакомых ему заключенных. Но вндел только много новых молодых лиц.

— Ублюдки, — негромко, словно на пробу, сказал он.

— Палач, — глухо донеслось в ответ.

— Что?! Кто сказал?! — Старший надзиратель немного оживился, н взгляд его заметался по лицам заключенных, пока не наткнулся на худое, изможденное лишениями и старостью. Человек в сильно заношенной арестантской робе, которые имелись только у старожилов тюрьмы, сидел на полу, уткнув подбородок в острые колени, и, презрительно поджав бескровные губы, смотрел мимо надзирателя.

— Хосе! — обрадовался тюремщик старому своему знакомому, словно эта встреча явилась для него неожиданностью. — Ты-то мне и скажешь. Тебе лн не знать порядки в твоей давно уже родной тюрьме и мои методы их поддержания. Я, конечно, не в обиде, назвать меня палачом — это то же, что обозвать собаку собакой, но мне нужно знать, кто сказал.

Щека Хосе дернулась, но он не разжал тонких упрямых губ.

— Что ж, — обреченным голосом сказал надзиратель и театрально вздохнул: — Сколько лет уже дурака учу... Псыть!..

На зов, гремя ключами, прибежал молодой охранник, выжидательно вытянулся перед начальником.

— Мне того, тощего, — толстым сосисочным пальцем указал старший надзиратель на Хосе. — Я его буду обучать... По моему методу. А ты смотри н перенимай опыт... У меня рука мягкая. — Охранник подобострастно осклабился.

— Мясник!

Молодой, совсем еще зеленый парнишка со смоляными длинными волосами, перехваченнымн у затылка ленточкой, сказав это, встал, подошел к Хосе н заслонил его собой.

— А это уже грубость. Это оскорбленне представителя властн, — проговорил старший надзиратель. И наставительно охраннику: — Но ннчего, молодых учнть интересней: они дольше на ногах держатся.

Спустя некоторое время старший надзиратель снова не знал куда себя деть. Он вышел на тюремный двор. Там было прохладно и оживленно. Даже в глухой колодец тюремного двора проникали влажные ветерки — первовестники дождливых муссонов. Несколько военных сгружали с армейских грузовиков с кузовами под крашенным пятнами брезентом большие деревянные ящики, тоже размалеванные в маскировочные цвета, здесь, в тюремной серости, становящиеся, наоборот, слишком яркими и заметными. Судя по тому, как натужно кряхтели солдаты, в ящиках было что-то громоздкое и тяжелое. Работами руководил высокий и сутулый армейский капитан; форма висела на нем, как джутовый мешок на заборе.

— Что делаем, капитан? — подойдя к офицеру, поинтересовался старший надзиратель. — Оружие, что ли, привезли?..

Капитан повел длинным птичьим носом и недружелюбно проклекотал:

— Не твое шкурное дело.

Старший надзиратель невозмутимо перенес оскорбление и деловито стал оглядывать офицера, словно интересовался, как на том сидит форма. Капитан, забыв о ящиках и о солдатах, муравьями облеплявших их, следил за ним непонимающими глазами.

— Когда тебя доставят сюда, — закончив обследование, томным пророческим голосом промолвил старший надзиратель, — ты дождись меня, я сам тебя устрою и место получше определю. Я вижу, твой рост тебе в тягость, я тебя укорочу, чтобы ты о потолки не царапался... По знакомству. Ты только скажи, что старший надзиратель Палантан твой старый и добрый знакомый...

Капитан в бешенстве схватился за кобуру. Солдаты, замешкавшись, довольно неудачно опустили на бетон тюремного двора очередной ящик: бух! хрясь! — унеслось в небо из каменного колодца.

— Осторожнее, болваны! — высоким пронзительным голосом торговки выкрикнул капитан, сразу забыв об инциденте с тюремщиком: ящики оказались поважнее его офицерской чести и самолюбия.

Старший надзиратель, довольный, загоготал.

Наконец ящики были сгружены и составлены рядком. Грузовики, обдав напоследок старшего надзирателя солярным перегаром из дизельных глоток, взревы-

вая, укатили за ворота. Каково же было удивление Палантана, когда он обнаружил, что армейский капитан не уехал с грузовиками, а остался с тремя солдатами возле ящиков.

— Ты, капитан, не забудь — меня зовут Палантан, — сказал старший надзиратель и направился в караулку: его смена на сегодня заканчивалась.

2

Следующий день Палантана начинался как обычно: нестерпимо болела голова, в тело, к уже имеющимся ста двадцати кило живого веса, будто влили еще не меньше центнера свинца. Перенапряженное ожиревшее сердце, раскачивая кровь по телу, с трудом проталкивало ее к мозгу, с каждым новым ударом вызывая в голове набатный гул и новый приступ боли. Противно зудели и чесались экземные руки. А в животе, словно кто похлебку варил для арестантов, жгло и резало, и смрад от этой вонючей баланды доходил до самой глотки.

Рядовые охранники предусмотрительно попрятались на своих постах от одуревшего с похмелья начальника. Даже уголовники, и те никогда не бузили с утра, если на него выпадало дежурство Палантана. В остальном жизнь в тюрьме шла своим заведенным порядком: ничего нового, кроме новых заключенных, которых в честь очередной годовщины последнего режима значительно прибавлялось — как вода в реке в сезон дождей.

Палантан начал свой обход, как обычно, с буфета.

— Жива еще, старая кляча, — поприветствовал он с порога сморщенную желтолицую старуху буфетчицу.

— И ты, ползаешь вроде еще, боров, — незлобиво отозвалась буфетчица и принялась для чего-то возить грязной тряпкой по стойке.

С Палантаном они были знакомы давно, когда она еще не была старухой, а молодой стервой, успевшей отравить пятерых мотыльков, слетевшихся на зов ее тела и непочтительно о нем отозвавшихся, не пожелавших дать за него и половины тарифа средней проститутки. Ее щепетильность стоила ей полной обчистки карманов этих пятерых гурманов и пятнадцати лет тюрьмы. Или свободы она не выносила, или ее прельстил Палантан, бывший в давние времена молодым, здоровым и злым, но она, отбыв срок, прижилась в казенном доме, стала

буфетчицей. У Палантана сложилось с ней что-то, напоминающее родственные отношения.

— Дай-ка мне кукурузной, ведьма.

Старуха неспешно вышла из-за стойки, прошаркала стоптанными тапками по шершавому бетону к столу и торжественно водрузила перед Палантаном на треть наполненную розоватой жидкостью бутылку. Затем она достала из кармана передника, который служил ей чаще вместо полотенца, стакан, подула в него, протерла грязными пальцами и налила в него до половины из бутылки.

— Что за пойло? — недовольно спросил Палантан. Он взял стакан, поднес его к носу, осторожно, но шумно понюхал. — Виски? — недоверчиво пробормотал он и поднял на буфетчицу настороженные глаза: всю жизнь он ждал, что она отравит и его.

Старуха ощерилась редкозубым ртом:

— Военные, что вчера наезжали, привезли для капитана.

Палантан удивленно хмыкнул и снова вперил взгляд в стакан.

— Он что, жить здесь будет?

— Будет, — охотно отозвалась буфетчица. — Месяца два или три.

Старуха была, верно, единственным человеком в тюрьме, который знал все и обо всем, что творилось в этом замкнутом мирке. Не нужно никаких картотек, никаких запоминающих машин — она знала почти всех заключенных, бывших и находящихся сейчас в тюрьме не только в лицо, но и кто, когда и за что попал за решетку. И еще много чего знала. Благодаря ее удивительному любопытству и информированности Палантан выбился в старшие надзиратели, что в армии соответствует капитанскому чину.

Палантан, хмыкнув еще, запрокинул голову назад и вылил в себя виски, по привычке резко и решительно, как в последний раз.

Отдышавшись, он спросил:

— А что за ящики привезли военные?

— Какую-то аппаратуру для допросов.

Обычно Палантан просиживал в буфете не меньше часа, чтобы привести себя в норму, и лишь после выходил устраивать поверку. А сейчас вдруг заторопился: выплеснул в стакан остатки виски из бутылки, махом выпил, крякнул и мощно поднялся из-за стола. Он по-

шел, даже не сказав буфетчице привычного: «Отравишь — убью!» Старуха проводила его до двери недоуменным взглядом, не понимая, что могло так возмутить размеренную и изученную ею до мелочей жизнь старого тюремщика.

3

Две недели капитан и его солдаты собирали аппаратуру в кучу. Две недели, на радость заключенным и охранникам, Палантан ни на шаг не отходил от военных. Он словно надзирал за ними, внимательно следил за каждым их движением и сосредоточенно молчал. Он даже отказался от утреннего посещения буфета, и старуха буфетчица приносила ему кукурузной, а когда и виски в дальние комнаты казармы, отведенные для военных.

Капитана поначалу раздражало присутствие тюремщика, но он был военным инженером, и офицерская гордыня его усмирялась отрешением в дело, которому только мешала бы возня за честь мундира. Он попривык к Палантану и даже стал разъяснять ему, как будет работать электронная груда, монтируемая в тюрьме. Тем более что старший надзиратель оказался благодарным слушателем. Правда, в основном по неграмотности и абсолютной профанации в технике.

Со слов капитана выходило, что любому человеку, пусть он будет диктатором, тюремщиком или простым заключенным, никогда не уйти от собственных мыслей. Можно уйти в подполье, так законспирироваться, что никакая собака тебя не сыщет и не узнает никакой определитель личности, но не спрячешь мысли, они всегда при тебе — и в молчании, и во сне, и в беспамятстве. Потому что никогда не прекращает свою работу мозг, для которого мышление такое же необходимое следствие, как для сердца разгонять кровь.

Мысли Палантана с трудом ворочались в его голове, не приспособленной под такие умные вещи. Но, к его чести, он уловил суть из пояснений грамотного военного. Оказывается, люди думают так, будто при этом разговаривают с собой в голос, и даже язык в это время шевелится, голосовые связки напрягаются или расслабляются, и губы двигаются, как бы повторяя каждое слово мысли. Только всего этого не видно. Заметить микродвижения под силу лишь очень чувствительной аппара-

туре. Именно аппаратуру этого назначения — для усиления микродвижений речевого аппарата — и монтировали военные.

Когда Палантаи понял это, то предложил капитану в аренду за виски усилительную аппаратуру, установленную в тюрьме лет пять назад для прослушивания камер. И ничуть не обиделся на долговязого, когда тот сказал, что с тюремной аппаратурой лишь питекантропам работать, приняв не слышанное им ранее иноязычное слово за научный термин. Он только поразмыслил немного, поскреб пятерней складки на своей шее и спросил:

— Оттуда?..

Капитан похлопал красными, как у кролика глазами, переспросил:

— Что... оттуда?

— Ясно, не ты, рожей под иностранца не вышел... И моя аппаратура тоже оттуда. — Он сказал это и скрестил руки на груди, удобно устроив их на выпирающем животе, приняв горделивую осанку.

Капитан принялся для чего-то оправдываться перед тюремщиком, что, мол, технический уровень в стране не позволяет конструировать самостоятельно аппаратуру высокой сложности. Но идея именно этой разработки принадлежит ему лично, а северные коллеги помогли ему с постройкой. И со дня на день привезут недостающее.

— Бред все! — прервал старший надзиратель лепет капитана. — Им нужно одно. — Он разнял руки и, подняв правую к самому лицу долговязого, медленно сжал ладонь в кулак, огромный, как боксерская перчатка. — Вот это им нужно!

Капитан без страха, но с уважением глядел на кулак и силился понять, кому был отнесен этот жест тюремщика.

4

К концу второй недели шкафы с электронным барахлом подключили к сети, и они загудели, расцветились яркими точками индикации. В тот же день на тюремный двор снова наезжал армейский грузовик, который привез еще два ящика и молоденького лейтенантика, подозрительно смуглого и курчавоволосого.

Но он оказался более словоохотливым, чем капитан:

незамедлительно и без лишних намеков ответил Палантану, что содержалось в ящиках:

— В одном процессор, в другом блоки памяти.

— Процессор это кто — прокурор или судья? — заинтересованно спросил у него Палантан. Видно, слово это у него ассоциировалось с процессуальным кодексом.

Лейтенантик пояснил ему, что это не прокурор, а мозг машины, в нем производится обработка информации.

Больше Палантан ни о чем не расспрашивал. Он помог военным донести ящик с процессором, но ко второму ящику так и не прикоснулся, наоборот, почему-то сторонился его. И потом с брезгливостью наблюдал за вскрытием, словно ожидал увидеть в нем свежий труп, разложенный по блокам.

Когда наконец все было готово к испытаниям, военные решили отметить это событие. Будто предчувствуя такое их желание, старуха буфетчица принесла им виски и немного закуски. Палантану тоже плеснули на два пальца в стакан.

— За успех, — провозгласил тост капитан.

— За погоны майора, — вежливо сподхалимничал лейтенантик.

Потом буфетчице пришлось еще сходить за виски, потому что офицеры угощали солдат. А Палантан даже не отпил из своего стакана, изредка поглядывая на его дно с пренебрежением. Но, видно, ему наскучило разглядывать, и он, не спрашивая разрешения, долил в стакан до краев и сказал свой тост:

— За успешный провал!

Разгоряченные спиртным, офицеры решили незамедлительно испытать аппаратуру. Палантан отказался от чести быть первым, испытуемым стал один из солдат.

На голову солдату надели колпак, похожий на строительскую каску, что-то приладили ему на шею, сунули в рот блестящую металлическую пластину и повели его в маленькую тесную комнатушку сразу за помещением, где была установлена аппаратура. За солдатом удавом тянулся толстый кабель.

— Бред! — убежденно сказал Палантан, когда закрылась дверь за солдатом, а офицеры расселись в кресла перед пультом с клавишами, как на пишущей машинке. Военные уже свыклись с непонятными высказываниями тюремщика и не обратили на очередное ни ма-

лейшего внимания: сейчас их интересом завладел экран, по которому забегали какие-то значки и цифры.

Было уже около четырех часов: смена старшего надзирателя подходила к концу. Он сходил в караулку, дождался сменщика. Расписываясь в журнале, он был немного удивлен цифре вновь прибывших заключенных, которых сегодня зарегистрировали без него. Но, взглянув на календарь в наручных часах, успокоился.

— Сегодня одиннадцатое, — пояснил он сменщику.

Они поговорили немного о положении в стране, посетовали на переполненность тюрьмы, повспоминали, как свободно было в ней при демократах, пришли к общему выводу, что диктатура все еще не в состоянии усмирить народ, что не всегда палки помогают. Потом переключились на собственные болячки: и у Палантана, и у его сменщика было много похожих, потому что оба были уже в том возрасте, когда из целого арсенала болезней обязательно найдутся похожие. Наговорившись вдосталь, сменщик зевнул и пошел спать, что он всегда делал во время своих дежурств, а неугомонный Палантан, захватив из караулки табурет, снова направился к военным.

На выходе дежурный охранник что-то спросил у Палантана. Тон вопроса не понравился старшему надзирателю. Он на некоторое время задержался возле дежурного, соображая, двинуть тому кулаком либо слегка пристукнуть табуретом. Но, вспомнив, что его смена кончилась, пошел дальше. Охранник отлип от стены и с облегчением вытер пот со лба.

Скоро машина изучила свойства речевого аппарата солдата и принялась за расшифровку его мыслей.

— Пошло дело, — радостно заявил лейтенантик, что-то высмотрев на экране.

— Включи принтер, а то в глазах уже все зеленое от монитора, — сказал капитан.

Лейтенантик побегал пальцами по клавиатуре, раздалось стрекотание, и из брюха машины поползла бумажная лента с распечатанным на ней текстом.

«У-у, как все осточертело, — прочитал вслух капитан первую расшифрованную мысль солдата, — скорей бы домой... Ни баб, ни выпивки. Растравили, гады, глотком виски... Надо бы спросить у жирного тюремщика, можно ли тут марихуаной разжиться. Только у него и спрашивать страшно — морда зверская. Горилла...»

— Здесь пропуски, машина не смогла определить несколько слов, наверное, специфические, — проговорил капитан и добавил, гневаясь: — Я ему покажу марихуану!..

— Можно и я ему? — вставил Палантан. Капитан покосился на старшего надзирателя, но не ответил ему и продолжил чтение.

«...надо к буфетчице подкатиться, наверняка у нее что-нибудь найдется. А может, тут в тюрьме и девочки есть? Где-нибудь сидят себе, бедненькие, по одиночкам, а я здесь страдай... И чего там Кондор тянет резину: засунул в эту комнатенку, и сиди здесь, сходи с ума потихоньку. Да еще и мысли мои читают...»

— Кто это, Кондор? — подозрительно спросил капитан у лейтенантика. Тот не то кашлянул, не то сдержанно прыснул. Но по тому, как гневно засвистал клювом долговязый, не стоило труда определить носителя этой клички.

Палантан даже счел своим долгом язвительно хмыкнуть в сторону капитана.

Дальше капитан читал себе под нос. То, что удавалось Палантану разобрать в невнятном бормотании, в основном относилось к девочкам, выпивке, шмоткам. Раза два или три в мыслях солдат поминал и лейтенантика под кодовым названием Черномазый.

Под конец этой мыслечитательной процедуры Палантану было ясно одно, что солдатику вряд ли уже придется выйти из тюрьмы, как минимум год он получит за оскорбление офицеров, и тюремщик профессионально задумался над вопросом, куда определить обреченного. К уголовникам — вроде бы не за что, к политическим тоже как-то не пристало...

Офицеры не пустили Палантана в комнатенку к солдату. И напрасно, подумал старший надзиратель.

5

На следующее утро Палантан вернулся к заведенному порядку, первым делом посетив буфет. Старуха буфетчица, наливая ему утреннюю, рассказывала последние тюремные новости. Старший надзиратель, напряженно вглядываясь в стакан, молча выслушивал сообщения местной вещательной станции. Солдат, которого накануне пытали, — старуха так прямо и сказала, что пытали, — лежит сейчас в тюремном госпитале: током,

мол, его так шибануло — лица не видать. Но офицеры, как она слышала, не собираются отдавать его под трибунал, ограничившись поверхностным наказанием. Палантана немного удивило это сообщение о мягкотелости военных. Политические вчера, как всегда, отказались от праздничной чарки кукурузной водки, положенной в честь годовщины режима. Они не бузили, а только помитинговали немного да объявили о голодовке на этот день. Палантан раздосадованно крякнул, что забыл вчера провести воспитательную работу с митинговщиками. Но старуха поспешила сообщить ему приятную новость: старший надзиратель снова был обеспечен на год спиртным — от праздничного обеда ему осталась двухсотлитровая бочка водки, а за такие подарки Палантан жаловал политических.

Дальше местное вещание выдало краткое сообщение о вступлении на должность нового начальника тюрьмы. Старый-то совсем, мол, спился, что даже перестал бывать на работе. Но и новый не подарок, из интеллигентов, прокомментировала старуха, вчера весь день жаловался на подагру, жрал пирожные и даже не стал осматривать тюрьму, морщась, будто попал на помойку.

А вообще в тюрьме, сказала старуха, стало веселее. Среди заключенных кто-то слух пустил, будто Палантан удавился: уголовники по такому выдающемуся случаю шикарные поминки справили.

— Ну уж как воскресну, все грехи им спущу, — только и сказал Палантан.

Они еще немного потолковали насчет вчерашней партии заключенных. Всеведущая старуха поведала, что только двое были из бывших, да и то оба уголовники, Палантан должен знать их — это Кактус и Таракан, остальные же — сплошь молодежь, студенты, бузившие на власть. Палантан пошутил, дескать, все пожилыми станут перед освобождением.

И снова, не просидев с буфетчицей и часу, он заторопился к военным. Правда, сегодня, находясь в благодушном настроении, он спросил у старухи, когда ж она, стерва, отравит его. Старуха, польщенная вниманием, поспешила заверить, что скоро.

Едва он вошел в комнату с аппаратурой, как лейтенантик стал просить у него какого-нибудь заключенного для обследования.

— Ну, разве Пылесоса, — после раздумий предло-

жил Палантан, — он так и не раскололся, куда спрятал награбленное им из банка какой-то северной компании. Можно и Кактуса...

— Какого Кактуса? — недовольным голосом спросил капитан.

— У которого бзик на карабинеров. Расположится где-нибудь рядом с казармами и пощелкивает винтовкой с оптическим прицелом, будто он в тире. Чего ему дались эти карабинеры, стрелять будто не в кого больше?.. Помешанный, что ли, вчера вон снова привезли сюда. В последний раз, похоже.

— А поинтереснее есть кто?

— Ну, — запнулся Палантан. — Тогда Аллигатора или Подметку. Это любители порезвиться на броневиках. Один раз даже в танке перевозили наркотики через границу...

— Политического лидера нужно, — нетерпеливо перебил его капитан. — Да чтобы знал побольше.

— Что-о?! — презрительно выпятив толстую губу, протянул Палантан. — Политического? Да я их уже тридцать лет учу, что нужно раскалываться на допросах, — так не понимают! А вы со своими железками хотите зараз?! Бред!

Лишь после долгих уговоров Палантан наконец согласился доставить им на пробу политического. И то для того, чтобы лишний раз утереть клюв капитану.

6

Долговязый победоносно поглядел на тюремщика после того, как из машины потянулась бумажная лента. Палантан пренебрежительно хмыкнул ему в ответ, уж кто-кто, а старший надзиратель знает упрямство Хосе с тех молодых пор, когда познакомился с ним, будучи еще рядовым охранником.

Читать стал черномазый лейтенантик. Машина пропустила начало размышлений Хосе, и потому его мысли оказались записанными с середины.

«...мозгами, Хосе. Неужто ты в тюрьме ослаб ими?.. Начни сначала. Итак... Датчики одного типа установлены на гортани. Что-то чуть давит на щеки. Для чего эта пластина во рту?.. С остальными датчиками яснее: на груди, на запястьях, на шее — для снятия кардиограммы, колпак на голове, похоже, для энцефалографических показаний. В принципе это атрибуты «детектора

лжи». Не здоровьем же моим иитересуются... Дальше. Электроды в мозг не введеиы, но что-то покалывает кожу на голове. Может, производится воздействие иа акупунктурные точки для торможения каких-нибудь рефлексов? Гм-м... Или можно ожидать воздействия на созиаиие через внешние поля? Микроволновые излучеиия. Где-то читал, что можно разрушать даже отдельные нейроны высокочастотным излучением. Для чего?.. Для подавления волевых цеитров?.. Пока не чувствую никаких воздействий. Или не замечаю?.. Но для чего же датчик на гортаии?..»

— Ты кого нам привел? — раздраженно спросил капитан. Лейтенантик прекратил чтение и тоже выжидательно уставился на тюремщика.

— Кого заказывали, — невозмутимо проговорил Палантан. — Политический лидер демократов. Партийная кличка — Хосе, настоящее имя такое же. Левый. Он только два года не сидел в тюрьме, это когда у власти его были. Там, — указал тюремщик пальцем за спину.

— Где там? — быстро спросил капитан.

— Ясное дело, не в тюрьме. У нас здесь демократии быть не может. При любой власти, даже самой левой.

— Он кто, ученый, Хосе этот? — Капитан нервно разминал сигарету в пальцах.

— Ну, знаешь, нам тут только иаучных лабораторий не хватает! — в свою очередь, разразился Палантан. — Грамотный он... И вообще ты о нем лучше у буфетчицы порасспрашивай, оиа тебе все скажет. По мне, ои просто хитрый. Скользкий. Последние десять лет я только и мечтаю поймать его на чем-нибудь. Кишками чую, — он похлопал ладонью по своему чувствующему месту, — что он у меня под носом политикой занимается. Я его специально из одиночки в общую камеру посадил, слухачей запустил. Ничего. Может, они, политические, того, мыслями переговариваются?..

— Телепатия, — предположил лейтенантик. Но после того, как сожалеюще глянул на иего капитан, поправился: — Телепатия исключена!

— А иам за каждое разоблачение хорошие деньги дают, — сообщил Палантан с затаеииой грустью.

— Ты получишь свою награду, — убежденно сказал капитан. — Сейчас твой любимчик все нам скажет... Лейтеиаит, дозу ему!..

— Есть, капитан! — прогаркал лейтенантик и молодцевато прошагал за шкафы с аппаратурой, иекоторое

время звенел там стеклом. Потом вышел, держа в руке шприц иглой вверх, и направился в комнатушку.

— Эти штуки мы знаем, — поиронизировал Палантан. — Между прочим, — он доверительно наклонился на табурете вперед, к капитану, — лет пять назад были тут грамотные вроде вас, со шприцами, так я им тоже Хосе подсовывал. Он им в бреду только марш уголовников исполнил, на том и кончилось с теми грамотными.

Он сел прямо и раскатисто заржал.

— Лейтенант, отставить! — в бешенстве выкрикнул капитан, пересиливая утробные звуки, исходящие от тюремщика.

Лейтенантик высунулся из двери и замер, завороженно глядя на колыхающееся в неистовстве брюхо старшего надзирателя.

— А еще, — сквозь смех сказал Палантан, — другие уже какие-то, иглы вводили ему под черепушку, тормозили какие-то волевые центры. И тоже... Га-га! Обгадились!..

Он с трудом отсмеялся и, огладив свой живот, громко икнул.

— А однажды газами травили его, и я случайно дыхнул. Так я потом неделю спать не мог — чертей разгонял, и распохмелиться никак не удавалось. А он, пользуясь моей слабостью, какую-то конференцию пытался организовать. Хорошо, слухачи вовремя предупредили... Я еще потом неделю опохмелялся, кое-как вошел в норму. Но я-то вон какой, — он с гулом пристукнул себя кулаком в грудь, — а он?.. Дохляк же! Не понимаю...

— Капитан, — как-то робко и неуверенно сказал лейтенантик, — может, полем?..

— Пожалуй, — не очень охотно согласился долговязый. И уже Палантану: — Мы еще не весь арсенал пустили в действие.

Он наклонился к пульту, длинные сухие пальцы его забегали по клавиатуре. И если бы не военная форма, его можно было принять сейчас за пианиста, так ловко и уверенно он находил и нажимал нужные клавиши, или за опытную машинистку.

— Сейчас мы произведем воздействие на его психику сильным магнитным полем, — заунывным лекторским тоном, будто это объяснение было ему в тягость, начал капитан просвещать Палантана. — И как только мышление его затормозится, машина выдаст в мозг

Хосе программу ощущений... О, это хорошие ощущения! — оживившись, сказал капитан. — Знаешь, это когда тебе по дюйму отсекают на гильотине ноги, туловище, руки, кромсают мозг, а ты все еще продолжаешь жить и все-все чувствуешь. И самое смешное, ты еще и видишь, как от тебя по кусочку отделяется плоть, вроде как анатомию свою изучаешь. Забавно, не правда ли? — спросил он у Палантана в надежде на успех.

— Бред!

— Главное, не прозевать момент, когда он в рай засобирается или мозги его набекрень пойдут, — сам себя развлекал капитан. — Кому он будет нужен дохлый?! Может, только ты и всплакнешь над трупом своего любимчика...

— Я, может, и всплакну, — глухо и не совсем понятно для капитана сказал Палантан.

Он склонил голову набок, насколько ему позволила его необъятная шея, и через прищур заплывших глаз внимательно посмотрел на капитана.

— Кому это нужно? — неожиданно спросил он.

— А вот это не твое собачье дело! — огрызнулся капитан. — И не лейтенанта, и не мое, — тише добавил он. — Правительственный заказ.

— Он раскусил нас, — вдруг подал голос лейтенантик. — Хосе понял, что это мыслеуловитель, и уже нашел несколько способов, как исказить информацию для машины.

Пока тюремщик и капитан препирались, лейтенантик считывал с бумаги записи. И сейчас он теребил ленту и комментировал:

— Вот здесь Хосе шевелил языком по пластине, и машина засбоила, показывая неисправность датчика и искажение информации. Но кое-что еще можно прочесть. Обрывки мыслей. «...неспроста шел слух... аппаратура для допросов... дознание...» — Лейтенантик еще перебрал ленту: — И здесь сбой: Хосе запел: «Ты стоишь, я лежу, а оба мы сидим, — читал он замедленно, по складам. Машина воспроизводила текст гимна уголовников с большой разрядкой, как бы повинуясь протяжной заунывной мелодии: — Тюрьма наш дом родной, и Палантан — жена...»

Палантану всегда было непонятно только одно в этом гимне, почему он был назван в нем женой, но то, что его имя вошло в песню, которую поют здесь уже лет двадцать, ему льстило. И сейчас он самодовольно улыб-

нулся. Наверное, уголовники сравнивают его с бабой потому, что он заботится о них. Но все же, в который уже раз подумал тюремщик, могли бы и отцом родным величать в песне: так как-то звучнее, пусть и не совсем складно.

Лейтенантик пропустил большой кусок ленты.

— Дальше Хосе думает на иностранном языке. На английском, — вчитавшись, сказал он.

Возле ног лейтенантика скопился уже изрядный пук бумаги, а лента все продолжала и продолжала течь из машины. Надо же, удивился Палантан, сколько за какой-то час можно напридумывать, что на роман хватит.

— А вот на немецком... Снова сбой: «Текст не поддается расшифровке». — Лейтенантик поднял голову.— Наверное, на языке, не вложенном в память машины.

Капитан порывисто наклонился к лентоподатчику и рванул ленту, оборвав ее под самое основание, но она тут же поползла снова. Лейтенантик подхватил пук, отволок его в угол. А капитан, что-то невнятно пробормотав про себя, наклонился над пультом и принялся как гвозди забивать в него пальцы.

— Хватит с него, — со злорадством сказал он сквозь зубы и откинулся на спинку кресла, руки его плетьми упали вниз. — Теперь будет читать Палантан. Читать-то хоть умеешь?

— Да уж как-нибудь, с божьей помощью, — не без ехидства ответил тюремщик.

Он грузно поднялся и, захватив с собой табурет, прошел к машине, утвердил табурет возле лентоподатчика.

— Здесь бред какой-то, — неуверенно проговорил Палантан. — «Гильоте — не создатель гильотины... Орудия смерти придумывают палачи... Все на психику. Я еще жив? Занятно. А если мертв? Ведь до сих пор же неизвестно, что происходит за гранью смерти тела. Мозг продолжает работать еще две минуты, как говорят, после остановки сердца, это похоже на последний шанс — успеть прочувствовать свою смерть... Нет, я слышу сердце, я еще жив... Гипнотическое воздействие?.. Какая реалистическая картина! Странно даже теперь, что я остался целым, а не по кусочкам...»

— Если, по-твоему, это бред, то пропусти его, — посоветовал капитан. Он сидел в кресле, нахохлившись, как стервятник в стужу, и мрачно смотрел на тюремщика.

Палантан потянул ленту на себя:

«...Значит, это все-таки мыслеуловитель. Точнее, усилитель мышечных движений. Микроскопических движений. Что ж, техника не стоит на месте, развивается вместе с человеком... Надо будет предупредить товарищей... Черт, не сдержался!..»

— Он тут чертей поминает, — пояснил Палантан.— А начал с товарищей. Всыплю же я ему за «товарищей», да так, что чертям тошно станет!

Но каков Хосе! — воскликнул он радостно. — Как он вас разделал! Все-таки вы а-а с ним. А я вас предупреждал... И о себе он ничего еще так и не сказал. И не скажет! — Он гоготнул. — Читать дальше?..

Капитан коротко кивнул головой лейтенантику. Тот встрепенулся, и неожиданно смуглая кожа его стала едва ли не белой. Глаза его растерянно забегали по лицу капитана, он словно засомневался в приказании старшего по званию. Капитан кивнул еще и поторопил: «Ну!» Лейтенантик разом обмяк, нехотя поднялся с кресла, медленно, еле двигая ногами, пошел к комнатушке.

Минут через пять, прошедших в полном молчании — Палантан с напряженным сопением разбирал бумагу в углу, в надежде выудить хоть что-нибудь, а капитан исподлобья глядел на экран дисплея, где суетно сновали зеленые цифры, буквы и символы, — вдруг из комнатки донесся приглушенный вскрик, и сразу, словно испугавшись чего, оттуда выскочил лейтенантик и резко захлопнул за собою дверь.

— Э-э, ты чего с ним сделал?! — не на шутку встревожился Палантан. — Я с тебя сейчас шкуру буду спускать!

Он подошел к лейтенантику и глыбой навис над ним.

— Успокойся, Палантан, — остановил грозу капитан. — Жив еще твой любимчик. Ему только рассекли мозолистое тело между полушариями мозга.

— Это что, мозги, что ли, разрезали? — тихо спросил Палантан.

— Тебе не понять. — Капитан вяло отмахнулся.

— Говори!

Палантан оставил жалкого, съежившегося лейтенантика, продолжавшего подпирать задом дверь в комнатушку, и шагнул к капитану. Он был похож сейчас на медведя, вставшего на задние лапы: ссутулился, глаза маленькие, злые, дикие.

— Ну, там в шлеме, — заторопился капитан, вжавшись в кресло, поняв, что растравил зверя. — В шлем встроена матричная пластина, тонкая-тонкая, много тоньше пищевой фольги, которая сейчас и внедрена в мозг между полушариями.

Палантан навис теперь над капитаном, ставшим будто короче от страха. Тюремщику явно не по уму было объяснение офицера, хотя всем своим видом он выказывал сосредоточенное внимание. Снизу вверх глядя на него, капитан старательно подбирал слова попроще и понятнее:

— Это как в телефоне — двое разговаривают, а третий подключился между ними и слушает их обоих... потом глушит абонентов...

— Что же, мозги сами с собой говорят?

— М-м... полушария обмениваются информацией через мозолистое тело. Это большой пучок волокон, соединяющий полушария. А сейчас произошел как бы резкий разрыв, раздвоение сознания: информация может остаться в одном, а зона контроля в другом. Но это на время, потому что мозг довольно быстро перестраивает свою работу и приспосабливается работать с разрозненными полушариями. А мы, периодически подавая на пластину слабое напряжение, заставляем мозг все время испытывать то сращение мозолистого тела, то разрыв. И сейчас ты, Палантан, будешь задавать Хосе вопросы, а он будет отвечать. Понятно?

Ответом ему было наждачное шуршание руки тюремщика, скребущей защетиненный подбородок.

— А чего тогда черномазый так перепугался, если все так просто?

— Ну-у, — затянул капитан. — Дело в том... что рассечения мозолистого тела у здоровых людей еще не проводилось, этот метод применяется сейчас только в психиатрических стационарах. Но животные переносили подобную операцию без каких-либо видимых последствий.

Палантану очень не хотелось показывать свою полную неграмотность в этих физиологических вопросах. Он, сохраняя на лице задумчивое выражение, уселся на табурет перед лентоподатчиком.

«...Как болит голова. Все плывет, словно я в море... Что они еще собираются делать со мной? Снова подавлять волевые центры?.. Уже ни о чем не хочется думать. Потерять бы хоть на минуту память, отдохнуть.

Проклятая машина... Сколько же это будет еще продолжаться, бесконечно?.. Как там наши? Зачем я об этом подумал, меня же подслушивают. Или снова пошевелить языком?.. Устал. Лучше думать о чем-то нейтральном.

Как шумит в ушах, будто прибой слышу. На море бы... Когда я был на нем в последний раз? С Марией, с девочками. Уже одиннадцать лет. Мария... Девочки уже взрослые. Ревекка, должно быть, уже замуж выскочила. Она всегда была нетерпеливой. Да и Инессе уже... двадцать лет...»

— Палантан, — остановил его капитан, — довольно читать, задавай вопросы.

Тюремщик молчал, уставившись в одну точку на ленте.

— Задавай.

— Врет он все, — вдруг сказал Палантан. Капитан удивленно воззрился на него. — Врет Хосе, — глухо повторил тюремщик. — Он знает, что его Ревекка еще лет пять-шесть не выйдет замуж, и то, если ей не прибавят срок. А младшая его дочь уже четыре года как пропала... Чего на меня уставились: не знаете, как пропадают у нас без вести? Ну а жена, — продолжал он, — жена уже того, — он поднял руку, покрутил ладонью и ткнул вверх указательным пальцем. — Не повезло ей, что она еще в соку была. А у нас, как известно, по одному брать не ходят. Герои! — желчно проговорил он. — За бабой вдесятером... А моря, — Палантан тут усмехнулся невесело, — моря Хосе не увидит уже никогда — он пожизненник. Разве что власть переменится... Да и помрет уже скоро. С нашей помощью... Я ведь про семью его не раз говорил ему, думал, раскиснет, сломается: или расскажет мне все, или уйдет от политики и перестанет мутить мне порядки в тюрьме. А он все одно, прямо как юродивый, твердит, будто я все наговариваю, вру. На кой черт мне врать, — обидчиво сказал Палантан, — что я, романист какой. Это он, чокнутый, всю жизнь ищет справедливости для всех, а сам за всех же и сидит тут.

Палантан, выговорившись, шумно засопел. Его нос, хотя и был огромным, внутри основательно зарос полипами: это от сквозняков, поставил ему диагноз костоправ из тюремного госпиталя, через решетки, мол, ветер гуляет.

Потом он заерзал на табурете под молчаливыми, не-

уютными взглядами офицеров. Он смотрел то на одного, то на другого, пытаясь сообразить, чего они ждали от него. Лейтеиаитик, весь белый, как гринго, опустнлся на пол н сидел, привалившись спииой на дверь в комиатушку. А капитан вытянулся за своим носом так, что было удивительио, как он еще умудрялся сохранять равновесне и не упасть с кресла.

— Ну-иу! — грозно сказал Палантан. — Вы меня глазелками-то не жрите, я сочинять ие умею, говорил уже. — Военные молчали. — И вообще я удивляюсь политическим, — без связи сказал тюремщик, — чего им надо? Чего им не хватает?.. Иной раз я с большим удовольствием бью по мордам уголовников, те сразу начинают плакаться или сквернословить. А политических бьешь, а они молчат. Их бьешь — молчат! Никакого удовольствия. Редко кто тебя обзовет. И то почти культурно. Там, палачом, душегубом, мясником... Или вот вы со своей машиной, — сиова без связи переключился на другое Палаитаи, — думаете, добьетесь чего? — Ои деловито сстроил фигуру. — Ведь они, право, как детн малые, будто не понимают, чего от иих требуют: их и кулаком-то не воспитаешь, не то что какимн-то мозговыми стимуляторами...

— Ну это мы еще посмотрим! — запальчиво оборвал капитан философствование старого тюремщнка.— Сейчас я запущу самый сложиый и мощный механизм машины.

Палаитан, еще не оправившийся от собственного красноречия — он даже сам удивлялся потокам слов, которые выходили у него в общеиии с воеиными, — продолжал саркастически ухмыляться. Капитан восприиял гримасу толстой физиономии признаком недоверия и полез с объяснениями:

— Сейчас я включу сканирующее устройство и послойно сниму с мозга Хосе всю картину его внутренних связей. Машиина воссоздаст в себе все связи, и тогда уже ие нужен будет сам Хосе, потому что у иас будет модель его мозга. И тогда на любые вопросы машина ответит за твоего любимчика. Она будет думать за него.

Палантан смотрел на капитана скучающими глазами и молчал. На обсуждение такой ереси, будто машина сможет думать за человека, жалко было даже тратить слова. Пусть она думает за Палантана, это не так уж и сложно. Но за Хосе? Нет, Палантан даже не допустил мысли, что машина сможет повторить ум Хосе.

— Смотри! — вскричал капитан и, отвернувшись к пульту машины, застучал по клавишам.

Неизвестно, какие еще выводы из собственных жизненных наблюдений сделал бы Палантан, но в это время он, отлично знавший все запахи в тюрьме, вдруг задвигал своим мясистым носом, с шумом внюхиваясь. Заерзал клювом и капитан.

7

Обилие защитных устройств спасло машину от уничтожения. Кислый запах горелой изоляции постепенно выветривался.

Капитан, как только обесточил машину, схватился за ленту, которой опять скопился на полу целый пук, бегло шарил глазами по строкам. Потом, наткнувшись на что-то, задумался. Еще больше ссутулился, будто отвешивал бумаге поклон. Руки его стали мелко дрожать, передавая дрожь на бумагу: она зашуршала и затрепетала, словно пущенная по ветру. Снова стал нервно перебирать ленту и, только дойдя до последней фразы, вырвал ее из паза и выпрямился.

— Он нашел-таки способ, — объявил капитан. — Очень простой и надежный, который мы не учли. Не предусмотрели. Даже не предполагали, что кто-то сможет додуматься. Хосе понял, что машина управляется и с человеческого голоса. Ему было бы достаточно сказать ей по-английски «останов», и она бы остановилась в ожидании следующей команды. Однако он сделал немного иначе. Дал ей команду на работу и задал вопрос...

— Спросил, наверное, про зло? Врожденное это чувство или приобретенное. Он у меня всегда об этом допытывается.

Капитан какое-то время внимательно изучал Палантана, словно разглядывал художественное полотно, на котором очень искусно изображалось уродство. И хорошо исполнено, и чувствуешь отвращение...

— Разумеется, нет, — сказал он. — Хосе заставил машину считать бесконечность.

— Как это? — спросил лейтенантик. — Это же нонсенс.

Капитан, не глядя на него, сказал, что это просто более наглядный пример, рассчитанный на тюремщика. Палантану не понравилось, что о нем говорят как

об отсутствующем, да еще и в неприличных выражениях. Но его вспышку предупредил капитан, сказав ему, что Хосе раньше Палантана было известно и о насильственной смерти жены, и о судьбах дочерей.

— И он знал?! — вскинулся лейтенантик. Капитан медленно повернул голову к нему.

— У меня брат, — тихо заговорил лейтенантик, отводя взгляд в сторону, — брат пропал без вести в прошлом году. А... — Он покусал губу, подыскивая нужное слово. — А моя подруга умерла от истощения в карцере: ее ошибочно засудили, по ложному доносу. Я в то время служил в горах, так следователь по ее делу прилетал на вертолете за мной с ордером на арест. Я уже без погон и в наручниках садился в вертолет, да вовремя пилот получил радиограмму для следователя, что произошла ошибка. Ошибка...

— Так ты тоже не совсем благонадежный, — чему-то обрадовался Палантан. — То-то, смотрю, больно жалостливый. Всех, наверное, жалко?

— У меня никого нет, — глухо выговорил лейтенантик. — Я совсем один. — Он судорожно провел рукой по волосам. Губы его задрожали, и он отвернул лицо к двери.

Капитан молча смотрел на него, и во взгляде, как заметил Палантан, не было осуждения. Не было и участия. Что-то очень жесткое, какую-то опустошенность усмотрел в нем старый тюремный психолог.

«Вот она, зараза, — подумал Палантан. — Бить надо всех, чтобы никто не мог ни о чем жалеть. Потому что жалость, она как насморк — прохватывает внезапно. Особенно слюнтяев. А потом переходит в хроническую форму — надолго и навсегда».

Палантан с презрением смотрел на военных.

8

Хосе не мог идти сам. Палантан выволок его из комнатушки, нещадно обрывая потянувшиеся за Хосе провода. Вывел его на середину комнаты, утвердил рывком на ноги; держа руки настороже, убедился, что тот в состоянии удержаться на ногах. Отошел, по-хозяйски оценивающе оглядел его.

Хосе устоял. Его покачивало из стороны в сторону, но он держался, только время от времени вздрагивал, когда терял равновесие, заставлял себя выпрямиться.

Он часто и тяжело дышал, жадно захватывая ртом воздух, словно после изнурительной работы. Морщился, когда вздрагивал, от ударов резкой боли в голове, по которой от стриженого затылка ко лбу тянулась белая лента пластыря, скрывающая надрез. На утомленном лице играла саркастическая ухмылка, и было заметно по дрожанию губ, с каким трудом приходилось Хосе удерживать ее на лице. И во всей его истощенной фигуре чувствовалась горделивость. Он торжествовал, что смог нанести хоть маленький, но удар по этой машине. Нет, не электронной — это всего лишь орудие, а по аппарату диктатуры хунты.

— Тут тебе полагается за «товарища»,— сказал ему Палантан. — Ты же знаешь, я запретил это слово поминать в тюрьме. Так что не обессудь. — Он замахнулся.

— Палач, — хрипло выговорил лейтенантик.

Палантан удержал кулак на полпути и удивленно воззрился на лейтенантика.

— Смотри, как он заговорил, интеллигент вонючий. Меня, Палантана, палачом назвал. Ха!.. Да, я палач,— весело осклабившись, подтвердил Палантан. — Это моя работа — говорить «пали». Можно сказать, призвание. Профессиональный долг. Так, кажется, принято говорить?.. — Улыбка сошла с его лица. — Я злой от рождения, потому и оказался здесь. Мое место в тюрьме, неважно в какой роли. А вот ты, капитан, и ты, черномазый, что вы тут делаете?! Какого черта вы влезли в мои дела? В мои! — рявкнул он. — Мне все одно — что уголовник, что проститутка или наркоман, что политический, для меня они все заключенные, которых я должен держать в изоляции. Но я могу только держать их руки и не могу заставить думать по-другому. Ты, капитан, удивлялся, что Хосе, столько лет находясь в тюрьме, не разучился мыслить. Ум в тюрьме не запереть ни на какие засовы, и мысли Хосе не здесь, а на свободе. Тюрьма — это не родильный дом и не школа, в нее попадают уже ученые, которые плодятся и множатся там, — он махнул рукой в сторону, — а не здесь, — указал пальцем в пол. — Мне совершенно наплевать, что происходит за стенами тюрьмы, моя здесь работа. И я просто обязан быть извергом, иначе какой же я надзиратель. Пусть я малообразованный, не дорос мозгами до ваших, но для моей работы этого достаточно. И я давно уже понял, почему не могу поймать Хосе за

его политику, потому что он сам — политика. И то, что он спалил вашу машину, — политика. И что черномазый сопли распустил — тоже политика. Да и ты, капитан, пожалел его. Пожалел, скажи? — Капитан промолчал. — Вы пытали Хосе, а он испытывал вас. Вы пытались прочесть его мысли, а он тем временем запустил свою заразу в ваши головы...

В комнату вошла старуха буфетчица.

— Палантан, заключенные бунтуют, — сообщила она. — Требуют оставить Хосе в покое.

— А, что я говорил?! — выкрикнул Палантан. — Хосе — сам политика!

Потом повернулся к старухе:

— А почему ты?

— Так остальные усмиряют политических,— спокойно проговорила старуха. — А чего Хосе опять натворил? Неужто опять его пытали? — спросила она таким голосом, будто пытка в тюрьме была явлением редким. — Изверги, — сказала она военным.

— Ты, старая, присмотри тут за Хосе, — сказал Палантан, — а я пойду работать. — Он выразительно посмотрел на военных.

* * *

АЛЕКСАНДР СКРЯГИН *рассказ*

ТЕ, КТО НЕ УМЕЕТ СЧИТАТЬ

«Что же делать? Что же, черт возьми, теперь делать?» — билось у меня в голове, пока маленький красно-белый трамвай не спеша вез меня по тихим утренним улицам нашего города. Я стоял на задней площадке и всматривался в проплывающие мимо дома, скверы и памятники. Неужели *это* уже началось?

Свернув на тихую боковую улочку, трамвай мягко остановился у стоящего в фиолетовой тени раскидистых тополей белого здания в стиле позднего барокко с черной стеклянной вывеской у входа: *ИНСТИТУТ СВЯЗИ С ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ*, — места моей работы.

Я постоял несколько минут на трамвайной остановке и внимательно осмотрелся вокруг.

Нет, все было как всегда...

Ночью прошел дождь. Блестел влажный асфальт, и в воздухе стоял такой аромат, будто по улице только что пробежала и скрылась за углом нарядная стайка самых красивых в мире девушек. На черной и влажной от дождя пешеходной дорожке между тополями стояли лужи, в которых весело размножался старый добрый дачный фитопланктон. Шла жизнь.

Гордо восседающая за синим боковым стеклом девушка перевела регулятор, трамвай медленно тронулся с места, и из-под его дуги вырвался сноп ярких праздничных искр...

Я повернулся и направился к высоким входным дверям. Закрыв за собой искусное сооружение из старого, отполированного временем гнутого дерева и вставленных в него ограненных кусков толстого стекла, тихо и мелодично звеневших, когда дверь приходила в движение, я очутился в сумрачном после яркого дневного света вестибюле моего института.

Да, все было как всегда...

Широкая парадная лестница, устланная бесконечным красным ковром, прижатым к ступеням длинными никелированными стержнями, направо — стеклянные двери буфета, за которыми в уютном зеленом полумраке среди стен, отделанных под пещеру, поглощал бутерброды с селедкой Гера Барчиковский, налево от входа — скучала Мария Ивановна за аптечным прилавком, под крышкой которого белели унылые таблетки, а сверху лежал яркий оранжево-белый тюбик с кремом для бритья и большая коробка с сушеной черемухой. Нет, ничего не изменилось. Решительно ничего!..

И тут в голове у меня мелькнула смутная мысль...

Я бы поймал эту мысль, если бы не шедшая навстречу и улыбающаяся мне... королева Геля, Геля Полякова, секретарша институтской приемной.

— Здравствуйте, Станислав Александрович! Почему не заходите к нам? Мы даже соскучились... — обратилась она ко мне, чего не делала ни разу за все десять лет моей работы в институте. Я обращался. И не раз. Она — нет, а об этом я не то, чтобы мечтал, но все же...

Она сказала: «Мы соскучились», но это, безусловно, означало: «Я... Я соскучилась!»

— Да знаешь, Геля, дела... все как-то... Но сегодня я как раз собирался зайти к вам и узнать, как вы жи-

вете... Честное слово, еще утром я сказал себе: «Сегодня надо обязательно зайти и узнать, как там Геля поживает!..»

Когда я кончил свою вдохновенную речь, Геля рассмеялась: она поняла, конечно, что все это я придумал сию минуту, но все равно ей было приятно, что я говорил...

— Так мы вас ждем... Приходите! — сказала она и медленно пошла по коридору. Я смотрел ей вслед. От меня, стуча каблучками, уходила, оставив едва ощутимый таинственный аромат духов, тридцатипятилетняя и древняя земная цивилизация, одетая в темно-синее в мелкий белый горошек платье и светлые весенние чулки.

Может быть, я ждал этих слов десять лет, но, стоя в институтском вестибюле и смотря вслед уходящей Геле, я поймал себя на мысли, что радуюсь, но как-то не очень. Потому что то, что произошло, было *не так*. Потому что я не понимал, отчего после десяти лет безразличия Геля вдруг стала скучать обо мне...

Что-то сегодня все-таки случилось!..

Геля...

Но прежде было что-то еще...

Что-то было!..

Я поднялся по широкой лестнице наверх, миновал холл с креслами, журнальным столиком и двумя пальмами и протянул руку к темной полированной двери с металлической табличкой № 001.

За длинным столом сидели руководитель института академик Мельников и мой коллега — начальник отдела пан Пепел. Сидели и молчали.

— Есть что-нибудь? — выдохнул я.

Мельников, не отвечая, поднялся из-за стола и подошел к раскрытому в институтский сад окну кабинета, в которое заглядывала тяжелая темно-фиолетовая сирень.

— Ничего, Стас, ничего, — безнадежно проговорил пан Пепел. — Мы не можем расшифровать их передачу.

И я понял, что с того самого момента, когда вчера, вернее, сегодня ночью в четыре утра, ощутив, что все равно уже ничего не соображаю, отправился домой, и до того, как снова открыл темную полированную дверь с табличкой № 001, я в глубине души ожидал, что, войдя к Мельникову, услышу: все в порядке.

— Но не это самое страшное, Стас, — сказал Мельников. — Самое страшное в том, что математический анализ показывает, что этого и нельзя сделать... Их передачу расшифровать невозможно.

— Как невозможно? Что значит нельзя? Почему нельзя? — ошеломленно проговорил я.

— Вот так, нельзя в *ПРИНЦИПЕ!*

— Что значит в принципе? В принципе невозможно расшифровать такое сообщение, которое не содержит информации... Что же, вы хотите сказать... — начал было я и замолчал, так невероятно и страшно было то, что должно было следовать дальше.

— Да, сегодня ночью Барчиковский с помощью ЭВМ строго доказал теорему, согласно которой полученная нами совокупность сигналов не может содержать в себе *НИКАКОЙ* информации, — сказал Мельников и протянул мне два редко исписанных черными значками листка бумаги. — Никакой. В принципе. Не может.

— Ошибка?

— Ошибки здесь нет.

Я смотрел на лежащие передо мной листки, и мою душу наполняло очень нехорошее чувство.

— А фронт преобразования материи? — наконец спросил я.

— Фронт по-прежнему наступает...

— А у нас что-нибудь заметно? Как стабильность материи у нас?

— У нас вроде бы все нормально. Проверяем все время, но пока ни малейших отклонений не обнаружено. Физические характеристики материи в пределах планеты Земля устойчивы.

— Ну хоть это, слава богу, — вздохнул я и неожиданно понял, какая мысль пробивалась мне в сознание, когда я увидел Гелю Полякову. Перед глазами у меня возникла картина, увиденная мной четверть часа назад: гордо восседающая за синим боковым стеклом девушка перевела регулятор, трамвай медленно покатился по рельсам, и из-под трамвайной дуги вырвался сноп ярких праздничных искр. И вот в них-то было все дело! Искры были какими-то странными, необычными... Ну да, они были... *РОЗОВЫМИ*! Они были ярко-розовыми!

— Пан Пепел, какого цвета искры бывают у трамвайной дуги? — спросил я.

— Искры? При чем здесь искры? — недоуменно поднял на меня глаза пан Пепел и насторожился. —

Ну, вероятно, это завнсит от нескольких факторов: наличия атмосферного электричества, свойств проводника. Но вообще, мне кажется, искры у трамвая бывают голубые, ну, может быть, синие... какие же еще? — совсем неуверенно проговорил он. — Как вы считаете, Геннадий Иванович?

— Да что вы, уважаемый пан Пепел, — тоже както робко возразил Мельннков, — уж скорее зеленые... ну, салатные там.

Мы переглянулись, и Мельников потянулся к селектору.

Через семь мннут в кабинет вошла Геля и положила перед ним белый листок с напечатанными на нем несколькими строчками.

— Так, с учетом свойств проводников, нспользуемых в городской трамвайной сети, н состоянием атмосферы на 9.30 цвет искр должен быть... желтым, желтым! — почему-то удивленно обвел нас взглядом Мельников. — Вы слышнте, Станислав Александрович? А собственно, в чем дело?

Наш разговор, наверное, мог бы показаться глупым и смешным, еслн бы он происходил в другое время. Но сейчас он приобретал страшноватый оттенок. Потому что где-то на окраине Вселенной рвалась на кускн материя и гасли звезды. Фронт преобразования матерни, который вели объединенными силами человеческая и лаутянская цивилизацнн, натолкнулся на встречный фронт преобразования какой-то другой, не менее, а может быть, и более развитой цивилнзации.

Она вела, подобно нам, интегрирование времени и пространства и производила еще какне-то непонятные для нас преобразовання. И было не исключено, что эти преобразовання моглн воздействовать и на ту космическую материю, которая именовалась планетой Земля.

И, может быть, в эту самую минуту незамеченные нами происходили нзменения окружающего нас мира: сходнли со своих орбит электроны, и меняли свой цвет кварки, розовели трамвайные нскры, н неожиданно для самой себя начинала скучать о прежде совершенно безразличном ей человеке Гелена Полякова. И мы не знали, чем же в конце концов все это может кончиться...

Когда произошло столкновение с чужим фронтом преобразовання материи, пусть даже не совсем понятным для нас, особых беспокойств не возникло. Мы уже имели опыт установления контактов с лаутянской и гер-

гертармейской цивилизациями, с которыми столкнулись подобным же образом. В их сторону был послан мощный сверхсветовой сигнал, содержащий математически закодированную информацию о нашей цивилизации.

Мы не боялись, что нас не поймут: мир един, его основные законы одинаковы для всех. Математические закономерности едины для всей Вселенной.

Практика подтвердила наши расчеты. С лаутянской и гер-гертармейской цивилизацией был установлен контакт.

Так же мы поступили и когда столкнулись на окраине Вселенной с наступающим фронтом неизвестной культуры. Почти одновременно мы, как и ожидалось, получили встречный мощный сигнал от неизвестной цивилизации.

И вот, оказалось, что он не несет и в принципе не может нести в себе никакой информации.

Ошибки не было.

Мы не верили в существование агрессивных высокоразвитых цивилизаций: это противоречило всем нашим представлениям.

Но чужой фронт преобразований продолжал двигаться. Мы были уверены, что они приостановят его, как только, получив наш сигнал, поймут, что натолкнулись на существование в этом секторе Вселенной разумной жизни. А вместо этого к нам пришел сигнал, не содержащий никакой информации. Пустой звук. Телеграмма, содержащая бессмысленный набор слов и предназначенная, может быть, для того, чтобы, усыпив нашу бдительность, продолжать в своих враждебных для нас целях перестройку материи, пока мы будем напрасно ломать голову над ее дешифровкой.

«Неужели все обстоит именно так?» — спрашивал я себя. Я искал другого ответа и не находил.

— Слушайте, а может быть, мы все-таки не можем найти ключ к дешифровке? — с какой-то новой интонацией в голосе произнес пан Пепел.

— Вы же сами видели: доказательство строгое. С математической точки зрения, этот сигнал не может содержать никакой информации,— тихо произнес Мельников. — Ну, проверьте еще раз, если хотите...

— Я не о том, — с необычной для себя живостью прервал его пан Пепел. — Мне в голову пришла вот какая идея. Наша математика исходит из того простого

факта, что мир состоит из отдельных предметов, которые можно подсчитать, а если, допустим, в их мире этого нельзя сделать, а?

— Как нельзя?! — воскликнул я. — Ведь фундаментальные свойства мира должны быть везде одинаковыми!

— Это так. Но на Земле, скажем, организмам для выживания необходимо было твердо усвоить то, что мир *СОСТОИТ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ,* которых надо было сначала бояться, догонять и кушать, а затем считать, складывать, умножать, делить, логарифмировать и так далее, если разумные существа хотели успешно жить.

А теперь представьте, что где-то в космосе сложились такие условия, при которых организмам, чтобы выжить, необходимо было усвоить другую, тоже, кстати, реально существующую истину: все предметы мира плавно переходят друг в друга, границы между ними относительны, условны (где та граница, где кончается солнечная корона?), они слиты между собой в одно целое. А то, что они ограничены, отделены друг от друга для выживания этих организмов, — оказалось не важно.

В этом случае их математика в отличие от нашей будет исходить из того, что предметы *НЕЛЬЗЯ ПОСЧИТАТЬ.* Они даже не смогут понять, что это такое.

— Они не будут уметь считать, — усмехнулся пан Пепел, — потому, что им этого не нужно.

У них и у нас будут принципиально различные математики, так как они будут построены на совершенно разных, хотя и в равной степени справедливых представлениях о мире.

— Так вот, что я хочу сказать, — повысил голос пан Пепел. — С точки зрения *НАШЕЙ* математики их сигналы могут казаться нам не имеющими никакого смысла, как, впрочем, и наши сигналы с точки зрения их математики.

«Так что же в таком случае делать? — задал каждый из нас себе вопрос. — Как показать тем, с кем мы столкнулись, что мы не питаем к ним никаких враждебных намерений, мысль о которых могла им прийти в голову так же, как пришла она к нам. Мы решили, что их сигнал не содержит и в принципе не может содержать никакой информации. А ведь они оказались точно в таком же положении. Хорошо, если кому-ни-

будь из них придет в голову (или во что-то другое?) такая же счастливая мысль, как к пану Пепелу. А если нет?..»

Мы молчали. Шли мгновения жизни земной цивилизации. Мгновения, которые могли стать последними, лишь из-за неумения собеседников, владеющих космическими силами беспредельной мощи и разрушительной силы, понять друг друга.

«Что делать?»

И вдруг у меня в голове мелькнула тень какой-то идеи, и, еще не успев осознать ее до конца, я выпалил:

— А что, если нам начать передавать для них... музыку?

— Какую музыку? — тревожно вглядываясь в меня своими сочувствующими голубыми глазами, спросил пан Пепел.

— Ну, настоящую музыку... Баха, например.

— А что это даст? — осторожно, словно продвигаясь с шестом по болотной топи, сказал пан Пепел.

— С их точки зрения наша музыка будет тем же бессмысленным набором звуков, как и остальная наша информация. Белый шум, и все, — пожал плечами Мельников.

— Но все же кое-какая разница есть, — так же осторожно сказал пан Пепел. — Ведь музыка — это не рациональная система знаний о мире, построенная на какой-то исходной аксиоме, например, на той, что предметы в мире автономны друг от друга, а какое-то другое знание — интуитивное, подсознательное, чувственное, внелогическое, не связанное с какими-то исходными посылками.

— Мы и сами-то толком не знаем, какую информацию о мире несет музыка или, скажем, поэзия, а хотим, чтобы эту информацию обнаружил в них кто-то другой! — возразил Мельников.

— А может быть, как раз эта-то информация и является понятной для всех живых и чувствующих существ Вселенной? — мягко поблескивая глазами, проговорил пан Пепел. — А?

Академик Мельников посмотрел сначала на меня, потом на пана Пепела. Затем подошел к селектору и нажал клавишу.

— Начинайте передавать им Баха! — негромко сказал он. — Что передавать? Передавайте все подряд! Возьмите в фонотеке полное собрание записей и транс-

лируйте с самого начала! Ясно? — И, повернувшись к нам, добавил: — Может быть, Стас и прав. Что ж, давайте ждать. Больше нам ничего не остается.

В раскрытое окно из-за густых сиреневых кустов проникал слитный, не разделимый на отдельные звуки шум большого города. Шли мгновения жизни. Щелкали словно пролетающие сквозь регистрационное устройство элементарные частицы. Мягко и неразделимо катились, как растекающееся по столу масло. Двигались, словно сцепленные воедино, великие звуки бессмертного Баха, в которых жили лучи, бьющие в разноцветные окна торжественных готических соборов, и белые паруса уходящих в таинственную океанскую дымку каравелл, костры из книг и высокие залы библиотек, заросшие травой, спящие под горячим июльским солнцем полустанки и мартеновские огни первых пятилеток, высокое счастье любви и черное горе предательства, вера и надежда, трудные пути рождения древней и юной земной цивилизации.

Разбросанные по чудовищным холодным вселенским просторам галактики слушали Баха.

— Если вы будете заседать целыми сутками, ваши жены перестанут пускать вас домой, — неожиданно услышали мы.

На пороге кабинета стояла Геля с чайным подносом в руках. Стука в дверь мы, вероятно, просто не заметили.

Геля поставила поднос на стол и, склонившись над чашками, стала разливать чай.

— Хотя бы чаю выпейте, мужчины, — сказала она. — Да, Геннадий Иванович, сейчас из созвездия Водолея звонил Скворцов, он с вами соединиться не мог, звонил в приемную и просил срочно передать вам, что инопланетяне прекратили преобразование материи.

Видимо, на наших лицах было что-то странное, потому что Геля удивленно вздернула брови и раздельно повторила:

— Скворцов просил передать, что инопланетяне остановили свои преобразования.

Станислав Александрович, вы не забыли о своем обещании? — вдруг повернулась она в мою сторону.

И мне показалось, что она... волнуется.

* * *

ЕЛЕНА ГРУШКО *повесть*

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Могло быть и хуже, могло быть куда хуже! Могло вообще случиться, что Денива родится раньше, чем Мать достигнет этой планеты, которая называется Джерана. А новорожденной в открытом космосе не выжить. Организм нестоек, неопытен, реакция превращений не развита, и пройти сквозь безвоздушность, а потом сразу — сквозь обжигающую оболочку Джераны самостоятельно Денива не смогла бы. Но признаки того, что Мать покидает ее, становились все сильнее. Стало труднее дышать — влага стремительно уходила из организма Матери. Слепая, неразумная, еще детская жажда жизни заставила Дениву резко забиться, чтобы вырваться на волю, однако постепенно пробуждающийся врожденный опыт многих поколений длугалагских покорительниц космоса подсказывал быть терпеливой и ждать. И она выжидала, сколько смогла, сдерживаясь изо всех сил, пока не поняла, что даже если ее и ожидает гибель тотчас после рождения, то не меньший риск и дольше оставаться в Матери. Гасли последние ощущения, делавшие их единым целым; по существу, Денива уже продолжала полет сама — вслепую, наудачу. Оставалось надеяться только на чудо и еще на то, что чутье Матери, подсказавшее ей прилететь из необъятного космоса именно на Джерану, где должна быть вода, не подвело. Но вот Денива почувствовала, что некогда заботливое тело Матери отторгает ее. Среди неисчислимого количества новых ощущений были мгновенная нежность, и жалость, и тоска прощания, и страх... Но она даже не успела заметить, как исчезла Мать, — и сделала свой первый вдох.

О-о!.. Благодарение Матери. Она не ошиблась в выборе планеты. Вода, жизнь!

Как ни радостно было это открытие, расслабиться Денива не могла ни на мгновение. Ведь, оказавшись в чужой среде, надо тотчас к ней приспособиться. Она напряженно ждала появления обитателей здешних мест.

И вот увидела... Абориген медленно парил над почвой, слегка отсвечивая тусклым серебристым телом. Оно показалось Дениве уродливым, и она даже с некоторой тоской приняла его форму, не забыв оставить шлейф

для взлета, который произведет сразу, как только наберется для этого сил. Денива обнаружила, что разум у встреченного ею существа убог и неконкретен, оно боязливо и неагрессивно, существование его зависит более всего от инстинктов. Денива, жизнь которой тоже основывалась прежде всего на инстинктивном знании и умении, не пожелала тем не менее счесть серебристого уродца собратом по разуму. Да, и ее Мать, и сестры Матери, и она сама, и все многочисленное потомство когда-то могучей и великой планеты Длугалаги рождались для разведки Жизни в космосе, но, едва вообразив холодную темную жидкость, которая лениво текла в этом унылом теле, заставляя пульсировать медлительную мысль, Денива почувствовала нечто вроде обиды, что ей так не повезло в самом начале жизни. Это создание вызывало у нее отвращение. Возможно, отчасти причиной тому была оставленная Матерью память о встрече с представителями цивилизации планеты Агуньо-Цу-Квана, их тупым разумом и неразборчивой жестокостью. Они были, судя по стойкому отвращению, которое испытывала к ним Мать до последнего мгновения, чем-то похожи на этих... И Денива ощутила прилив мгновенной тоски и острое желание поскорее оставить эту планету и взмыть в прекрасный космос, следовать там своей межзвездной дорогой, изредка улавливая в невообразимой черной глубине сигналы летучих длугалагских маяков, собирателей и обработчиков информации для Межгалактических хранилищ Знания; иногда опускаться на встречные планеты в поисках светоносной Жизни, накапливать сведения, чтобы потом опять передавать их маякам и неведомым, никогда не встречаемым на бесконечных космических дорогах сестрам, и снова, снова в одиночестве отдаваться радостному вихрю движения, пока не настанет и ее черед, умирая, дать жизнь новой неутомимой страннице, новой разведчице, новой дочери великой Длугалаги.

Ольга накануне долго плакала, а утром еле открыла глаза. Тихонько отодвинулась на краешек дивана, еще полежала немного, вслушиваясь в непотревоженное дыхание Ромки, а потом сползла на пол и на цыпочках выбралась из комнаты.

На кухне в ведре с водой дрожал солнечный луч, пуская зайчики по небрежно выбеленной стене. Ольга

посмотрела на свое неопределенное, дробящееся отражение и, кое-как собрав гребнем раскудрявившуюся косу, натянула платье, скомканное на стуле. Надо было бы, конечно, взять что-то другое, почище, не это — заношенное, но она боялась скрипом старого гардероба разбудить мужа. Дверь открывала тихо-тихо, не дыша...

На дворе было еще свежо. Август — обманщик, приманит дневным теплом, а ночью бьет поклоны близкой осени. Сонно шуршала вода за оградкой, еще пахло ночной сыростью. Вверху, на взгорке, просыпалось село... На воде дремал туман, но сквозь жемчужно-серую пелену неба пробивалась голубизна — день обещал быть солнечным.

Ольга оглянулась на тусклые окошки и сбросила платье на замусоренную плавником гальку.

Она плавала в тумане, и ей казалось, что вода холодно дымится вокруг ее разгоряченного неспокойным сном тела. Тяжелая, серо-коричневая, неспокойная вода... Ольга родилась, выросла, всю жизнь прожила на Амуре — любила и боялась его, как будто он был живым, угрюмым и непостижимым в своем величавом угрюмстве существом.

Она вышла на берег, хватаясь за борт лодки, потому что галька больно колола ноги. Кое-как обтерла подолом покрывшиеся пупырышками гусиной кожи, напрягшиеся от холода плечи и руки и натянула платье прямо на мокрое бельишко.. Надо бы скорее бежать в дом, но она, вздрагивая, сняла с кола цепь, забросила ее в лодку, перелезла на корму и, взяв под банкой слегка отсыревший за ночь ватник, скорчилась, будто хотела спрятать под этим подобием тепла высокую, длинноногую, худую и озябшую себя.

Ольга потрогала свернутую косу. Волосы намокли. Ольга вытащила гребенку, раскинула сырые пряди по спине. На шею подтекало. От холода и неприютности снова подступили слезы.

Лодка мягко колыхалась у самого берега... Ромка вчера был так измучен, что даже не снял мотор. Добро, не сыскался какой-нибудь ушлый да не унес. Или Акимов — додумался бы, так и все его проблемы разом бы исчезли. И ему легче, и Ромке проще. Ну что толку в этой Ромкиной маете? Ничего для Ольги в том нету, кроме угрозы позора и вечной тревоги, и отвращения к деньгам, которых пока мало, но которых, уверяет Ромка, когда-нибудь, «очень скоро», будет много. Да, им нужны деньги. Тогда они смогут купить в городе коопе-

ративную квартиру и уехать из этой промозглой избешки, и Ольга, может быть, вернется в институт, ведь последний курс. Хотя бы на заочное. Деньги нужны. Да разве деньги купят покой?

Помнится, она, перемазав неумелые руки темной кровью и слизью, взрезала бритвенно отточенным ножом сверкающую икряную и, бросив бледно-розовые ломти рыбы в котел, подвешенный над горько дымящим костром, тем временем опускала в тузлук нутряной «мешочек» с оранжевой крупной икрой, и потом ела ее, «пятиминутку», с толстым сельским хлебом, насквозь пропитанным добела растаявшим свежим маслом. А там доходила и уха, ломти кеты, покрытые серовато-белым налетом, с прилипшими почерневшими разваренными перьями дикого лука, паряще разламывались в миске...

Да, это вкусно и вообще замечательно, но ведь еще вспоминаешь, как смотрят запорошенные песком глаза мертвых кетин со вспоротыми, ослабевшими брюшками, и как колышутся на поверхности воды легкие одинокие икринки, а остальная икра, взятая из многих рыб, плотными слитками, огромными янтарями отсвечивает в полиэтиленовых пакетах, аккуратно перевязанных веревочками... Они увозили только икру, а рыбу оставляли, потому что, как сказал Ромка, у них же нет засольного завода, а если заниматься этим дома, так не то что Акимов — только глупый не заметит, да и сбыть рыбу труднее, чем икру: ту умостил в портфель да и свез в город, а в селе, где чуть ли не в каждом доме лодки, и сети, и другая снасть, у соседа рыбы не купят, а в город ее не навозишься. Икра — дело другое, чистое и тихое, не громоздкое. Куда там, разве до рыбы? И так уж Акимов, считай, глаз с Ромки не спускает, почему-то именно с него, хотя в селе каждый второй мужик по утрам тихо возвращается с ночного лова. С другой стороны, понятно же, что на всех этих тихих хитрецов одного рыбинспектора не хватит, вот он и вцепился в Ромку. Вчера Ольгин муж гонял за собой Акимова, пока тот и другой не выдохлись. Судя по тому, как был доволен Ромка, провел он Акимова и на этот раз. В лодке и садок и удочки: вроде бы Ромку только караси да сазаны интересуют.

Ольга качнула канистру — да уж, запас бензина у Ромки всегда есть. Ох, ненавидит она и этот берег, и халупу на берегу, и эту поганую лодчонку, и отлаженный, словно живой, подвесной мотор «Вихрь», дающий

лодке эту дьявольскую скорость и маневренность. А ведь все равно накроет Акимов Ромку — не теперь, так после. Чувствует это Ольга! И тогда ей уж точно никогда не выбраться из Малаховки, из продуваемой насквозь, заплатанной обрывками фанеры сараюшки. А ведь они могли бы снять комнату в городе уже сейчас. Ромка — шофер, с такой профессией не пропадешь. Она могла бы устроиться в больницу. Нет, если будет ребенок, лучше свою квартиру иметь... Да что гадать!

А где-то там, в заповедных уголках, притоплены Ромкины сети. И серебряное стадо рыбы, может быть, уже бьется в них. Найти бы их — да на дно, на дно, чтобы не всплыли, чтоб не увидел их никогда Ромка, чтобы не мотался больше ночами по амурским протокам...

Ольга вскочила, схватила весло и, тяжело отталкиваясь, отвела лодку, все еще мотавшуюся у берега, на глубину. Ватник свалился с нее, она подобрала его, набросила на плечи, застегнула у горла на одну пуговицу. Ватник был испачкан бензином. Ольга брезгливо сполоснула руки, возле бортов лодки поплыли жирные радужные пятна. Лодку беспорядочно качало и поворачивало. Ольга неловко цеплялась за борта, тупо глядя на колышущийся берег. Она сама еще не понимала, что хочет сделать. Лодка поворачивалась носом к стремнине. Ольга села и со злостью дернула веревочную петлю, запуская мотор.

Лодка стала на дыбы. Движением точно бы взрезало пласт льда, такая нахлынула прохлада. Ольга снова скорчилась под сырым ватником, словно ей было все равно, куда понесет ее ошалелая от свободы лодка.

* * *

Денива, извиваясь своим непривычным, показавшимся таким неуклюжим, телом, сделала несколько неуверенных движений. Абориген сонно смотрел на нее. И тут Денива почувствовала опасность. Опасность была прежде всего в том, что она не разгадала аборигена! Он вовсе не был туп — он был крайне утомлен. Денива внезапно ощутила веяние смерти, знакомое по расставанию с Матерью. Смертельной была его усталость. Казалось, замедленные движения отнимают его последние силы. Но неожиданно он с явной угрозой метнулся к Дениве — та едва успела отпрянуть, слегка колыхнув

какое-то растение, в котором, как она мимоходом отметила, вообще было не уловить следов разума — только невнятные ощущения.

А еще опасность была в том, что Денива почувствовала приближение многих других аборигенов. До нее донеслись волны единого напряжения, владевшего ими. Далее последовал миг испуганного изумления, когда она уже увидела их. И Денива — рожденная в одиночестве вечная одиночка — впервые поняла, как она слаба и как велика упорная сила множества.

...Те двигались в непроницаемой тишине, напирая друг на друга, словно последние подгоняли первых, и серебристые тела многих из них были покрыты ранами. Их единство и целеустремленность были угрозой для Денивы, но она, словно завороженная, двинулась с ними, в том же направлении, в том же ритме, потому что, проникнув в истоки их стремлений, она поняла, какая всевластная сила ведет их, — ведь тот же порыв вел Мать через космос к Джеране, инстинкт продолжения жизни. И даже их тела перестали казаться ей безобразными.

Околдованная силой, ведущей эту серебристую стаю, Денива напряглась, как будто принятая ею невзрачная оболочка уже сроднилась с нею и как будто она, незрелая золотистая капля, тоже готова к продолжению рода... И, пребывая в этом счастливом состоянии, она не сразу заметила, как ровное, мощное продвижение вперед нарушилось, словно бы наткнувшись на преграду. Окружающие заметались, толкая Дениву, она тоже растерялась, словно испугалась возвращения к одиночеству, потери чувства единения со многими, в чем-то схожего с великим родством, связывающим всех разбросанных в космосе сестер с Длугалаги. В гуще бестолково кружащихся тел она вновь была одна, словно в окружении космической пустоты. А потом началось нечто страшное: чужая, неопределимая, неразумная сила смешала их всех в некое бьющееся, трепещущее месиво и грубо, неостановимо повлекла куда-то вверх.

* * *

Ольга гоняла лодку то по фарватеру, то беспорядочно ныряла в протоки, словно надеясь вспомнить те места, куда привозил ее Ромка, но все протоки казались похожими одна на другую. Она надеялась, что, может

быть, случайио найдет что-иибудь... Ну и что тогда? Даже если ей удастся определить хотя бы один из Ромкиных добычливых уголков, что будет дальше? Разве приведет она туда рыбинспектора? Нет. Не сумасшедшая же! Разве покромсает сети иожом? Нет. И ножа нету, и Ромка потом не постесняется — так влепит... Удивительно: два самых близких человека, а говорят на разных языках: оиа — горожаика, случайио попавшая в прибрежиое село и рвущаяся обратно, он... Для тебя, скажет, идиотка, для тебя же стараюсь! Да то-то и оно-то, зиает Ольга. Старается для нее! А поиять друг друга — этого им ие дано. Неужели не дано?..

Она с ходу выгнала моторку иа гладкий песчаный берег и сошла. Слезы точили изиутри. Она легла иа горячий серый песок под тальниками, прикрывшись ватиником теперь уже не от холода, а от разогревшегося солица. Спасибо, оно изредка застилалось длинными перьями облаков, которые нещадио трепал верховик. Августовский иапористый ветер песчинки с берега ие вздымает, а так перепутает кроны, что сразу ясио: близка осеиь, и разор в убранстве деревьев, и сумятица туч... Пока же светило солнце, и млело иебо, и тугой ветер иадувал листву зелеиым парусом, и Ольга, зажмурившись, еще долго, долго слушала его голос, пока ие усиула.

Сказались тревоги и маетные ночи: оиа проспала почти до заката, ие поворачиваясь даже на другой бок, ие отрывая щек от промоченного слезами песка. Когда открыла глаза и увидела иеподвижиое расплавлеиное золото, заполнившее берега, а над иим, за густо посиневшими сопками, желтую полосу, переходящую в призрачио-зеленоватый тумаи, и сверху — фиолетовый пожар наступающей иочи, — испугалась. Остро захотелось домой, но Ольга спросоиок, с одурмаиеииой, тяжелой от жары головой, не сразу сообразила, куда ей ехать. Пока что иадо было выбраться из протоки в большую воду, а там, навериое, оиа сориеитируется по прибрежным огням и отметкам створов.

Она зашла по колеии в воду и долго плескала себе на лицо, ио протока прогрелась и вода не освежала. Потом, пока ие спихнула лодку, прошло еще какое-то время. И вдруг спохватилась: беизии-то иа исходе! Вставила весла и, неловко запрокидываясь иазад, ловя носками баику для упора, пошла махать обеими руками, пока ие свело судорогой отвыкшие от гребли

плечи и не засаднило ладони. По счастью, миновав кривун, она вышла в устье протоки почти сразу.

Небо уже погасло. Синева сопок смазалась. Серый сумеречный свет приглушил очертания дальних берегов, но вблизи было видно хорошо. Ольга решила, что как только минует устье протоки и нужно будет идти против течения, она включит мотор. Тревога мутила душу. Как там Ромка? Сходит с ума? Надо попытаться поговорить с ним еще раз...

Взглянув на замусоренную, беспокойную воду слива, там, где протока впадала в реку, Ольга кинула взгляд на берег — и ее зазнобило. Берег был как берег, с подмытым слоистым песком, но у самого обрывчика лежала серая от древности и ветров разлапистая коряжина со множеством щупалец-отростков, опутанных паутиной высушенных, как нити, водорослей. Ольга опустила весла. Она вспомнила эти места. Здесь Ромка всегда ставил сетку. Она поискала взглядом на воде метку-рогульку, но не нашла: сеть, если она здесь стояла, легла, притопленная, на дно, а значит...

Ольга покрутилась у самого берега, оглядываясь в сумеречной мути, и наконец нашарила в воде веревку, цепляющую сеть за коряжину. Перебирая по ней руками, отчаянно вытягивала край словно бы чугунной, отяжелевшей сети, попыталась поднять ее в лодку. Она была похожа на беспорядочно спутанный узел. Ольга тянула, вцепившись в губу зубами, не слыша, что придавленно стонет от натуги. И вот закипела вода, и Ольга, на миг остановившись передохнуть, не разжимая окаменелых рук, уставилась на эту бьющуюся груду серебра.

Казалось, от рыбы идет живой свет, и Ольга, которой однажды приходилось помогать мужу на ночном лове, поразилась этому блеску. На миг подняв глаза, она увидела огромную белую луну, тотчас превратившую сумерки в ночь, но даже луна, отразившись в чистом блеске чешуи, не могла дать такого света, который будто бы шел из самой воды.

Ладони Ольги онемели. Бестолково шарясь, не чувствуя новых ран на израненных руках, она начала выталкивать, выпутывать из сети ошалелых рыбин, которые били ее хвостами, и швырять их в реку. Ольга промокла, временами ей казалось, что и она, как та рыба, бьется в сети. И вдруг, погрузив в живую массу руки,

она вскрикнула, потому что ей, загипнотизированной игрой света, показалось, что она взяла в руки уголь. Холодный, но неистово горящий уголь!

* * *

Если бы только преграда оказалась живой! Тогда Денива смогла бы с ней справиться. Одно живое существо всегда поймет другое. Но она не поддавалась, она была мертвая — и неумолимая сила ее вытягивала жизнь из Денивы. Денива билась вместе с остальными, и всей энергии ее разума не хватало сейчас на то, чтобы осмыслить, успокоиться — и принять решение. Дениве показалось, что она вновь чувствует веяние смерти. Она могла бы преодолеть наполненное кислородом пространство только в полете, мгновенно... Надолго ее не хватит. А дыхание смерти становилось все более ощутимым. И вот вода оставила ее, и другая сила, не мертвая, но живая, стиснула, подняла оболочку Денивы. Денива забилась, пытаясь вернуть себе естественное состояние, но кислород парализовал ее силы, свобода превращений была утрачена, тело ее безвольно повисло. Однако она была еще жива, золотистым сгустком своего сознания еще могла воспринимать окружающее, видеть. Она видела невнятный силуэт и две медленно переливающиеся звезды, и они были близко, они были живыми, они словно бы втягивали в себя гаснущее сознание Денивы...

* * *

Ольга хотела ущипнуть себя: не сон ли?! — но для этого надо было разжать руки. Непонятно почему, она не могла себя заставить сделать это и зажмуриться не могла, а все смотрела, смотрела, оцепенев.

Золотая рыбка, словно ожившая звезда, лежала в ее ладонях, вяло вздымая шлейф хвоста. Еще она была похожа на раненого птенца, так беспомощно и покорно распростерлось ее тело. И только глаза... Они мерцали, переливались, и Ольге казалось, что они с непонятной силой манят, притягивают ее. Она вскрикнула, пошатнулась и неуклюже села на дно лодки, воздев руки и не выпуская добычу. На миг она показалась себе счастливицей, нашедшей золотую иголку в гигантском стоге серых будней. Воспоминание о садке возникло в

ее голове... Она задвигалась, ногой нашаривая и придвигая к себе садок, не разжимая жадных пальцев. Почему-то казалось, что если это пылающее холодом чудо будет с ней — как талисман, как оберег, как золотой символ вечной удачи... Да и если просто... За нее могут дать денег? Какие-нибудь биологи, ихтиологи, ведь это — рыба невиданная. Нет, деньги — вода, уплывут. Ей не нужна рыбка, но как расстаться с этой находкой, с этим радостным блеском?

Она забыла о другой рыбе, бьющей в лодку снизу и тянущей сеть в глубину. Она сидела на дне моторки, в воде и смотрела, смотрела, как гаснут золотые зори на крупных чешуйках, а глаза диковинной рыбки словно бы вели за собой. Где-то там, откуда приплыла она, непостижимый ветер пустоты гнал черные волны фантастических бурь, которые способны погасить даже звезды, будто это — слабенькие огоньки далеких свечей. Лица Ольги разом касались жар и лед, и страх, какого не ведало ни одно земное существо, разламывал ей не только нервы, но и кости, скручивая в гнилые веревки мышцы, и в то же время могучая радость, прерывая дыхание счастливым всхлипом, швыряла ее под хор неземных дальних голосов на солнечных качелях от холодной голубизны нетемнеющего неба к красному пламени негаснущего солнца. Ольга прикусила иссохшие губы. И вдруг застонала от жалости, похожей на то покаянное отчаяние, которое овладевает матерью, почуявшей боль своего ребенка. Ей показалось, что глаза ее обратились в потоки слез и вылились на грудь, и вся душа ее вытекает сейчас в горе, которое вот-вот станет непоправимым. Почему? Кто плачет в ее ладонях об угасающем, о несвершившемся, о загаданном, не пережитом? Не она ли сама плачет о себе в жестких ладонях своей женской доли?

Ольга хрипло застонала, и сознание вернулось к ней. Рядом встревоженно дышал Амур. Рыбка все еще лежала в ладонях, и глаза ее меркли, будто угасающие угольки. Ольга смотрела, будто слушала и пыталась понять. И вот смутная догадка кольнула ее в сердце и засияла в глазах, переливаясь из них в глаза золотой рыбки. Маленькое тело слабо дрогнуло в надежде. Ольга торопливо, пока понимание не покинуло ее, окунула руки в воду. Какой-то миг рыбка еще полумертво не покидала ее ладоней, а потом, теряя знакомые очертания, тугой золотистой каплей упруго

ушла в глубину. И странно — хотя она не несла в себе ощутимого тепла, расставшимся с нею Ольгиным ладоням почему-то стало неуютно и холодно.

— Суши весла!

Залп огня и крик прострелили Ольгу. Яростный прожектор и усиленный мегафоном голос она узнала сразу. Видимо, «Амур» рыбинспектора Акимова подкрался к ней на самых малых оборотах, из-под ветра. Да ведь она и не пряталась.

— Ну и семейка! — гремел над уснувшей рекой, вспугивая темную волну, голос. — Ромка с утра волосы на себе рвет, мол, баба сгинула, а она здесь втихаря икряночку гребет! Муж и жена — одна сатана! Придумали маскировочку! Ну и семейка!

Ольга растерянно поникла. Силы разом оставили ее, будто их из нее выжали, как воду из белья. Все. Она хотела спасти Ромку, но погубила и его, и себя. Разве объяснишь Акимову? Разве он поверит? Ночь, лодка, сеть...

Ольга тупо смотрела за борт, отвернувшись от выедающего глаза жара прожектора и оглушительных упреков Акимова. Вода черно, мутно колыхалась. И вдруг ей показалось, что изнутри медленно поднимается пятно золотистого света. И тут неизвестно почему мелькнула мысль, что она все сумеет объяснить, что не губила, а спасала, и Акимов непременно поймет ее. Поймет! Ведь поняла Ольга совсем недавно... что-то такое... Что она поняла? Что-то о безграничных просторах, о свободе вихря, об игре великой Жизни.

Ольга вцепилась в борт. Свет ослепил ярче прожектора. Неужели это ее золотая рыбка, словно жар-птица, улетела в свои дали?.. А за ней... рой серебряных пчел? Радостный вихрь снежинок? Заметен звездной метелью незримый след. Смеющаяся свобода невозможного и неожиданного!

«Что это, что? Уж не косяк ли, освобожденный мною, взвился вослед моей летающей золотой рыбке?» Ольга не удивилась. Сейчас казалось возможным все.

— Ладно, хватит тебе. Сама понимаешь, рано или поздно, а попались бы вы. И то скажи спасибо, что тебя за делом застал, а не Ромку твоего, пакостника кучерявого. Я б ему кудри пораспрямил! — произнес сзади Акимов уже простым, человеческим, а не мегафонным голосом, и Ольге показалось, что голос этот доносится из-под толщи воды, таким он был глухим, да-

леким и чужим здесь, в амурской тиши, и плеске волиы, и поскрипываиии весла, которому течеиием выворачивало уключииу.

— Сеточку, главное, сюда... — бубиил Акимов, и ои уже подцепил сетку багром и подволакивал ее мокрую тяжесть к борту своего катера.

Ольга тупо смотрела иа чериый, мокрый блеск сети, ползущей из лодки. «Значит, ои ничего не видел? Зиачит, мие это показалось? Игра света?..» Слезы навериулись иа глаза и вот уже поплыли по щекам. Едва давши волю первому рыданию, оиа так и зашлась, плача, как плачут до смерти усталые женщииы, уж ие по первопричиие беды, а обо всем белом свете, обо всех, кто забыт, как оиа сама, и уже даже обо всех, кто умер, а пуще всего — о тех, кто жив.

— А, чтоб тебя! — хрипло вскрикиул вдруг Акимов, и Ольга, приоткрыв остекленевшие от слез глаза, увидела, что ои ошалело крутит в темном воздухе багром. Оиа быстро утерла глаза еще колючими от чешуи, скользкими руками, ио и после того ие увидела иичего. Вот имеиио — иичего! А ведь только что иа акимовский багор был иамотаи бугорчатый жгутище сети. Сорвался? Этакий — да чтоб без всплеска? Да и ие мог он сорваться с кусачих крючьев!

Ольга бестолково пошлепала ладоиями по притоплеииому диищу своей лодки, пытаясь иащупать край сетки. Но только мокрое заиозистое дерево встречалось ее усталым пальцам. Нет... меж иими приглушеиио мерцали искорки: будто быстрые светлые улыбки подиимались из воды и вновь ныряли. Присмотревшись, Ольга различила в этом пересверкиваиии очертаиия своей сети. Но все тише и тише блеск, и вот уже пусто в лодке... Что-то успокаивающе шепчет Амур, медлеиио увлекая дальше, дальше Ольгиию лодку от катера потрясеииого Акимова:

— Эй, ты куда? А где?.. Нет, это как? Ни сетки, ии рыбы! Но ведь была же сеть, а, Олечка?! Была? А? И рыба была? Ну скажи, а то я уж совсем спятил с вами, браконьерами проклятыми!.. — стоиал Акимов, и Ольге стало жалко его.

— Была, была, и сеть, и рыба, да отвяжись ты! — тихо сказала оиа, облокотясь иа корму и не трогая весел.

— Куда?! Греби ко мне! Ольга!.. Мотор — тьфу! — гад!

Катер оставался неподвижен. Ольга погладила послушную темную волну и подняла усталые глаза к небу. Не скоро там, в успокоительной черноте, ей почудился удаляющийся золотистый промельк...

* * *

ГЕННАДИЙ БОЛЬШАКОВ *рассказ*

Профессор Белов летел в Атлантику. Несколько последних недель он очень много работал и после напряженного труда позволил себе отдохнуть. Любимым его отдыхом и развлечением были подводная охота и археологические поиски на дне морей и океанов.

Последние годы Иван Белов по нескольку дней проводил в центре Атлантического океана. Там примерно в 680 километрах к юго-востоку от Азорских островов на глубине около 850 метров он обнаружил следы древней цивилизации. Изучая затем археологические источники, Белов нашел краткую заметку о том, что еще в XX веке, точнее, в 1973 году экспедиция советских океанологов сделала в Атлантике сенсационное открытие. «Русские нашли Атлантиду!» — сообщала мировая пресса. Много времени прошло с тех пор. Шел XXII век, но Атлантида не торопилась раскрывать свою тайну.

Белов подозревал, что в результате геологических процессов дно Атлантического океана в том месте, где нашлась легендарная Атлантида, медленно, но неуклонно поднимается, поэтому с волнением подлетал к месту предстоящего погружения. Он внимательно оглядел просторную кабину аэролета и еще раз тщательно проверил акваланг и защитный костюм. Ведь ему предстояло одному погрузиться на почти километровую глубину. Это было связано с определенным риском, но Белов всегда предпочитал погружаться в одиночку. Наконец аэролет замер в воздухе, почти касаясь поверхности воды, и автопилот сообщил о прибытии на место назначения. Белов включил автомат стабилизации и не спеша стал одеваться, стараясь подавить невольное волнение.

В глубине души он чувствовал, что с ним сегодня должно случиться что-то необычное. Наконец все было готово. Белов еще раз внимательно осмотрел салон, включил гидромультипликатор и прыгнул в зеленоватую воду.

ТИШИНА сразу обступила его. Ритмично потрескивал гидромультипликатор, выравнивая давление. Белов взглянул на указатель глубины — стрелка медленно прошла отметку 750 метров. Луч прожектора отвесно падал вниз. Какие-то рыбки, попадая в луч света, сначала замирали на месте, а затем стремительно исчезали в темноте. Наконец внизу показались развалины замка, и вскоре Белов очутился среди них. Он находился на глубине 810 метров. Его предположение оправдалось — дно океана поднималось! Белов медленно поплыл среди развалин. В стенах с трудом угадывались места оконных проемов. Он плыл и думал о бренности земной жизни. В этом мертвом городе когда-то кипела яркая жизнь. Люди рождались, росли, любили, рожали детей, умирали. Все думали, что это будет продолжаться вечно. Но однажды ночью всколыхнулась земля, задрожали стены домов и цветущая страна стала погружаться в пучину океана. Белов представил себе ужас матерей, которые прижимали к себе детей, ничего не понимающих, но смотрящих на взрослых со страхом и надеждой. Размышляя таким образом, Белов вплыл в небольшой дом без крыши, но сохранившийся лучше других строений. Внутри этого дома было как-то особенно жутко; здесь все покрывал толстый слой осадков, веками падавших сверху.

Белов нажал на гашетку бластера и направил лазерный луч вдоль одной из стен. Около луча вода мгновенно вскипела, стремительно подымались вверх пузырьки. Отложения стали медленно отваливаться. Когда стена немного очистилась, Белов отплыл в сторону и замер на месте: перед ним была карта звездного неба! Слева внизу угадывался контур Большой Медведицы. Белов даже не удивился — он был к этому както психологически подготовлен. Он ждал необычного, и оно случилось.

Стены здания сохранились почти полностью. Белов поразился тому, как они могли устоять во время такой сильной катастрофы. Он увеличил мощность лазера, срезал часть стены и сразу понял, чем объяснялась необычная прочность стен. Кирпичная кладка чередова-

лась со слоямн свннца, толщниа которых достнгала двух сантнметров. Он насчитал однннадцать слоев свннца. Свиней, постепенно днффуиднруя в кирпич, намертво скреплял стены. Замки, построенные такнм образом, обнаружены еще в двадцатом веке на Кавказе в древних селениях Грузии.

БЕЛОВ осмотрел остатки найденных на полу скульптур и медленно поплыл к массивной металлической двери, ведущей в другую комнату, у которой сохранился даже потолок. В центре двери было укреплено изображение какого-то круглоголового божества. Счистив с него отложения, Белов вгляделся и... да это же изображение космонавта! Одежда напоминает космический скафандр, на голове шлем, из которого торчат антенны! Белов лихорадочно заспешил, быстро протиснулся в полуоткрытую дверь и сразу обратил внимание на большой сундук в углу комнаты.

Сундук был сделан из металла, прочность которого была увеличена массивной клепкой, но луч лазера легко срезал крышку. В центре сундука стоял небольшой ящичек серого цвета. Со всех сторон он был абсолютно гладким, лишь с одной стороны Белов обнаружил за защитным покрытием экран. Несомненно, это был какой-то электронный прибор. Послышался щелчок, экран засветился нежно-зеленым цветом, затем на нем возник силуэт аэролета, на котором Белов прилетел. Силуэт становился все ярче, затем в наушниках Белова внезапно раздался отчетливый голос: «Прошу вас подняться на поверхность».

Белов замер, потому что ожидал всего, только не этого. С прибором в руках он выплыл из комнаты и стал медленно подниматься вверх.

ПРИМЕРНО через полчаса Белов уже был на поверхности океана, быстро поднялся в салон аэролета и вздрогнул. В салоне находился высокий человек. Взглянув на него, он поразился виду незнакомца. У человека кожа была зеленого цвета! Зеленые кисти рук на фоне темной облегающей одежды выглядели необычно. Внимательно смотрели большие голубые глаза.

— Прошу вас ничему не удивляться и спокойно выслушать меня, — несомненно, что это говорил незнакомец, но поразительно было то, что он при этом... не раскрывал рта!

— Я являюсь представителем Внеземной Цивили-

зацин н прибыл сюда по вашему вызову, — продолжал звучать голос.

— Каким же образом я вас вызвал? — спроснл потрясеиный Белов.

— С помощью найдениого вамн прибора, — ответнл пришелец, — это аппарат вызова. Около двенадцатн тысяч лет назад, — продолжал ои, — экспедиция из иашей Звездной Системы посетнла вашу плаиету. Человечество находнлось на очень ннзкой ступеии развнтия. Более развнтой оказалась лишь цнвнлнзация, иаселявшая острова. Людн нас не поннмалн, счнталн богамн, спустившнмнся на землю, н поклонялнсь нам. Контакта не получилось, н мы покниули планету, оставнв иесколько специальных аппаратов. Аппараты были настроены таким образом, что автоматнческн приводнлись в действие только тогда, когда взявшее их в рукн мыслящее существо нмело достаточный уровень развития, чтобы поиять нас. Мы ожндалн, что людн вашей плаиеты достнгиут необходимого уровня развития через 20—25 тысяч лег. Но это случилось намиого раньше. Доказательством является мое прнсутствие здесь. Мне только не совсем понятно, почему вы вызывалн меия, находясь на дне океана. Вероятно, случилась катастрофа с той островной цнвнлнзацней, которую мы посетнли на этом месте?

— Да, вероятно, это так, — ответнл Белов.

— Жаль, еслн бы ие эта катастрофа, вы моглн бы вызвать нас еще раньше, — продолжал зелеиый незнакомец. — Ведь все развнтые цивнлнзацнн Вселеиной давно объеднненеы в Великую Еднную Систему Разума. И только ваша планета до снх пор оставалась в нее не включеиной. Мы решнлн главиые проблемы мыслящей матернн — это проблема Бессмертня, передачи матернальных тел через Пространство н Время, Гравнтацин, получеиия матернн н энергнн путем нзмеиеиня Пространства н Временн н многое другое, о чем вы даже не догадываетесь. Немного о Бессмертни — главиой проблеме жнвой матернн. Любое мыслящее существо представляет собой определенное сочетание н взанмодействне элементарных частнц н молекул. Поскольку Вселенная безграннчна во Временн н Пространстве, то всегда найдутся мыслящне существа, которые в этом сочетанни аналогнчны выбранному нндивнду. И когда прнходнт время, нанболее старое мыслящее существо входнт в контакт с нанболее молодым

своим аналогом, сливается с ним, передавая накопленную Полезную информацию.

— Простите, — прервал Белов пришельца, — мне не совсем понятно выражение «сливается с ним».

— Это очень просто: старое существо, в данном случае, например, я, перестает существовать после передачи Полезной информации молодому существу, например, вам. А старый организм перемещается в Антимир, который так же бесконечен, как и наш, и который служит исходным материалом для развития нашей позитивной Вселенной. Таким образом колоссально ускоряется прогресс Вселенной, потому что отпадает необходимость учить молодой разум элементарным, как у вас говорят, «азбучным» истинам. Эту операцию мы сейчас и проведем, поскольку вы являетесь моим более молодым аналогом.

— Подождите, — остановил Белов незнакомца. — Скажите, пожалуйста, какой же вы мой аналог, если у вас зеленая кожа?

— И все-таки мы с вами очень похожи. Всмотритесь получше в меня.

ПРОФЕССОР пристально посмотрел на пришельца и с удивлением стал отмечать, что незнакомец, в самом деле, очень был похож на него. Более того, он был почти зеркальным отражением Белова.

— Срок моей жизни кончается, — сказал незнакомец. — Мне скоро исполняется 675 лет. Это предельный возраст в нашей Звездной Системе. И я с удовольствием передам вам Информацию, накопленную нашими аналогами во Вселенной.

— Подождите еще немного, — остановил его Белов. — Мне так много хочется спросить у вас. Я хочу знать, как вы управляете Пространством и Временем. Я хочу также знать, как будет происходить слияние, почему вы разговариваете со мной, не открывая рта. И, в конце-то концов, неужели вам хочется умирать?

— Я мог бы не отвечать на ваши вопросы, потому что ответы на них вы получите при нашем «слиянии». Но вы еще молоды, и мне хочется продлить удовольствие, беседуя с вами, — ответил незнакомец. — Прежде всего, я не умираю, а перемещаюсь в Антимир, который является поставщиком материи для нашей Вселенной. Поэтому я снова возникну позже, чтобы в качестве аналога заменить того, кто к тому времени заменит вас, других наших аналогов. Биотоки вашего

мозга я воспринимаю непосредственно. Такой обмен информацией значительно экономичнее обычного примитивного обмена звуками: увеличивается скорость передачи информации, можно разговаривать в вакууме, отпадает необходимость в сотнях языков, язык становится единым для всей Вселенной. Что касается других ваших вопросов, то самым главным из них я считаю вопрос о том, как мы научились управлять Пространством и Временем. Мы умеем перемещать любые материальные тела практически мгновенно, в любую точку Вселенной. В частности, я прибыл на Землю из Галактики, которая находится от Солнечной системы на расстоянии 27 миллиардов световых лет. Для того чтобы вы поняли только математическую модель этого достижения, мне необходимо около двух месяцев передавать вам информацию обычным способом при нашем различии в уровнях развития. Суть открытия состоит в том, что материальный объект половину расстояния преодолевает со скоростью на доли процента ниже световой, а вторую половину пути на столько же выше световой. При сверхсветовой скорости время течет в обратном направлении, перемещаемый объект попадает через кривизну пространства в Антимир. В Антимире необходимо побыть, чтобы попасть в пункт назначения в соответствующее время, то есть мгновенно, считая от момента начала перемещения. Кстати, ваш землянин доктор Синха из Канады еще в XX веке выдвинул гипотезу о существовании во Вселенной большой Антигалактики, состоящей из частиц, движущихся со сверхсветовыми скоростями. Доктор Синха считал, и это впоследствии подтвердилось, что специальная теория относительности, согласно которой частицы не могут двигаться быстрее света, справедлива только для Млечного Пути и других известных Галактик.

ПРИШЕЛЕЦ замолчал. Белов тоже молчал, обдумывая услышанное.

— Дайте вашу руку. — Пришелец осторожно застегнул на запястье Белова кольцо из красного легкого металла. Небольшой проводник от кольца он включил в прибор, который Белов нашел на дне океана. Точно таким же образом пришелец присоединил к прибору и свою руку.

— Сейчас начнется передача Полезной информации, что займет по вашему исчислению Времени около

10 лет, ио мы включим ускоритель Времеии, и передача будет сделаиа за несколько секунд. Однако за эти секунды вы постареете иа те же 10 лет.

Увидев огорчеиие иа лице Белова, иезиакомец успокоил его:

— Но вы теперь будете бессмертиы...

Он нажал киопку в приборе, и Белов ощутил легкое приятиое покалываиие в левой руке. Его тело стало иевесомым и начало перемещаться в какое-то иебытие...

КОГДА Иваи Белов очиулся, то обиаружил, что ои был одии. Пришельца ие было, о нем иапоминал лишь прибор, который лежал иа коленях Белова, и два красиых кольца, одно из которых все еще находилось иа его запястье.

Белов сидел в пилотском кресле, сидел ошеломлениый. Через некоторое время он пришел в себя, включил автопилот и полетел домой в Новосибирск, где сразу же сел за подробиый доклад и представил его иа следующий деиь Президенту Научиого Цеитра Земли.

Землянам предстояла большая работа по включеиию в Великую Едииую Систему Разума Позитивиой Вселеииой...

* * *

ВЛАДИМИР ТИТОВ *рассказ*

НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

1

Голос иачальника базы с трудом прорывался сквозь треск радиопомех:

— Долго еще копаться будете?

— Минут через тридцать отправимся, — сердито буркиул Вадим, иажимая изо всей силы на защелку коитейиера с образцами пород. Коитейнер упрямо ие желал закрываться.

— Что-что? — не расслышал иачальиик.

— Да сейчас! — огрызиулся Вадим. — Закоичим погрузку и поедем.

— Поторопитесь! Надвигается буря!

— Знаю. Здесь она уже началась.

И словно в подтверждение его слов тяготение исчезло. Вадим в этот момент пытался закрыть упрямую защелку контейнера ударом каблука. Потеряв вес, он крутнулся вокруг собственной оси, взлетел к потолку. Контейнер, став вдруг невесомым, отскочил к стене, ударился и раскрылся. Стальные пеналы с образцами разлетелись по всей комнате. Ударяясь о стены, пол, потолок, они меняли траектории полета, сталкивались в воздухе, кувыркались.

Вадим чертыхнулся, нащупал на поясе регулятор гравитатора, сдвинул рычажок вправо. Приобретя таким образом относительный вес, он спикировал и приземлился, словно кошка, на «четыре точки». Пеналы и другие невесомые предметы продолжали метаться по комнате. Вадим не успел встать на ноги, как его вновь бросило на пол. Все вокруг вновь обрело вес, и эта перемена сделала Вадима в два раза тяжелее — ведь он не успел отключить гравитатор. Пеналы, разом рухнув наземь, больно ударили по спине и левой ноге.

Кряхтя, охая, Вадим дотянулся до пояса и сдвинул рычажок в нейтральное положение. Потом лег на спину и стал медленно сдвигать рычажок гравитатора в противоположную сторону, создавая для себя режим антигравитации. Он знал, что за антигравитационным всплеском последует всплеск перегрузок. Они не застали его врасплох.

«Кажется, гравибуря сегодня будет сильной», — с тоской подумал Вадим, поднимаясь с пола. Кряхтя словно старик — гравитационные перепады он всегда переносил болезненно, — он принялся собирать в контейнер разбросанные по всей комнате пеналы.

Открылась дверь тамбура, и в холл ввалился Сергей.

— Вот это болтануло! — восхищенно выпалил он. — Меня выше станции бросило! Даже сейчас качает как пьяного.

Вадима тоже качало. Это затихал гравивсплеск.

— Помогай складывать, — сказал он сухо. — Начальство сердится. Требует, чтобы немедленно отчаливали.

— Пожалей машину, Вадик! Вездеход и без этого контейнера с места не сдвинется. Ты его перегрузил — дальше некуда! Полтысячи кэмэ — это тебе не миску щей схлебать.

— Не спорь со старшими, — отрезал Вадим.

Сергей обиженно засопел. Он был моложе Вадима всего на год, но тот при каждой возможности стремился подчеркнуть разницу. По службе механик-водитель Сергей Наумов тоже должен был подчиняться геологу Вадиму Зябрину. Во всяком случае — здесь, на периферийной геологической станции. На базе у Сергея свое начальство, у Вадима — свое. Там Сергей за такую наглость послал бы Вадима куда следует... Но здесь, увы, Вадим Петрович — какой-никакой, а все ж таки начальник. Инструкция же требует беспрекословного подчинения начальству.

Сергей протяжно вздохнул и стал собирать продолговатые пеналы, складывая их на изогнутую руку как дрова.

2

Выехали со станции они только через час. Надо было не только забрать все необходимое — образцы, блоки памяти всевозможных приборов и тому подобное, — но еще и законсервировать станцию. Проще всего было обесточить все системы и закрыть дверь тамбура на ключ. Так советовал начальник базы. Но Вадиму и Сергею стало жалко станцию, в которой они прожили почти полгода. Они знали, если станция останется без защитного поля, сегодня же ночью в нее нанесут визит плавильщики. А после их визита...

Вадиму и Сергею не верилось, что земляне уходят насовсем. Именно поэтому они перевели все системы станции в дежурный режим и оставили ее под защитой поля. Топлива в реакторе хватит на сотни лет. Чем черт не шутит: вдруг земляне найдут управу на плавильщиков, и станция еще пригодится.

Радиосвязь исчезла. Через рев помех невозможно было услышать что-либо вразумительное. Так здесь бывает всегда, когда начинается гравитационная буря. Грависвязь отказывала еще раньше: за час-другой до начала бури.

Уже почти пять часов гусеничный вездеход несся по мертвой каменистой равнине. ЭВМ вездехода едва успевала реагировать на каверзы и выверты гравитационного поля планеты, то «утяжеляя», то «облегчая» машину гравитатором при гравивсплесках, противостоя боковым и лобовым порывам гравитационного ветра.

До базы оставалось еще почти двести километров. Вадима и Сергея, впечатанных специальными присосками в кресла, отчаянно тошнило. Земляне очень плохо переносили гравитационную болтанку, резкую смену гравитационного вектора. Не помогали никакие пилюли.

— Не гони так быстро, — попросил Вадим, борясь с очередным приступом тошноты.

— До ночи надо успеть на базу. Нельзя рисковать, — угрюмо ответил Сергей. По лбу его струились капли пота.

— Боишься плавильщиков?

— Да, боюсь.

— К черту их! Не гони так! Плавильщики в бурю не сунутся.

— В бурю не сунутся. А если буря кончится?

— Прорвемся.

— Хорошо бы.

— Я же просил: не гони так! — почти закричал Вадим. От болтанки лицо его стало бело-зеленоватым.

Сергей сбавил скорость, проворчал:

— Даже если ты ляжешь на землю — легче тебе не станет. Это же гравибуря!

— Ради бога, не учи! — простонал Вадим. — Без тебя тошно! Остановись.

Сергей остановил вездеход.

Вадим корчился в своем кресле. Сергея тошнило не меньше, но он умел держать себя в руках. Казалось, что внутренности взбеленились. То они подкатывали к горлу, то их с силой дергало вниз, то вдруг резко бросало куда-нибудь вбок. Дергался и вздрагивал весь вездеход. Отчаянно гудел гравитатор, по команде ЭВМ резко переходя с одного режима работы на другой, отвечая на гравиудары противоударами.

Бесспорно, гравитатор, управляемый ЭВМ, гасил удары разбушевавшегося гравиполя планеты, не давал вездеходу оторваться от поверхности, когда он вдруг терял вес или, хуже того, приобретал отрицательную массу. Не позволял раздавить машину вместе с людьми, когда вдруг обрушивались колоссальные перегрузки, защищал вездеход от горизонтальных рывков гравитационного ветра. Но делал он все это с микрозапозданиями — ЭВМ не могла предвидеть каждую очередную каверзу гравибури. Этих долей секунды — между началом действия гравиполя планеты и началом противодействия гравитатора — вполне хватало земля-

нам, чтобы чувствовать себя неимоверно отвратительно.

— Ну что? — спросил Сергей через минуту. — Едем дальше?

— Как хочешь, — прохрипел Вадим, откинув голову на спинку кресла.

Сергей положил руку на кнопку пуска ходовых двигателей, но нажать на нее не успел. Справа по борту раздался оглушительный треск: многотонная каменная плита отломилась от ближайшей скалы, вздыбилась и метнулась вверх. Но в ту же секунду вектор гравиполя резко сменился, и плита рухнула на вездеход. Гравитатор не успел отразить удар. Глыба снесла его шарообразную антенну, установленную на крыше вездехода.

— А, черт! — только и успел крикнуть Сергей.

Вездеход, лишенный защиты гравитатора, метнулся вправо, врезался в скалу, потом дернулся вперед, подпрыгнул метра на два вверх и, с силой ударившись о каменную поверхность планеты, перевернулся...

3

Первым пришел в себя Сергей Наумов. Все тело нестерпимо ныло, словно его били железными палками. С трудом открыв глаза, он невольно зажмурился: низкое ярко-белое солнце слепило.

Несколько секунд Сергей сидел неподвижно в ожидании очередного, возможно, последнего для них, гравиудара, но поле планеты успело успокоиться. Гравибуря закончилась, как всегда, неожиданно. Преодолевая боль, Сергей дотянулся до пульта управления и затемнил лобовое стекло кабины. Теперь, когда свет больше не бил прямой наводкой в глаза, Сергей мог осмотреться.

Вадим неподвижно лежал в кресле. Маленький индикатор жизни на нагрудном кармане геолога показывал, что Вадим жив, но потерял сознание.

Вездеход стоял почти нормально, то есть не на спине и не на боку, а чуть завалясь на правую гусеницу. Похоже, он перевернулся несколько раз и все же встал на «ноги».

Сергей нажал клавишу контроля системы вездехода. Дисплей на пульте вспыхнул, и ЭВМ начала показывать одну за другой схемы важнейших систем, комментируя их состояние и повреждения. Герметизация

кабины не нарушилась. Большинство систем функционировало нормально. Гравитатор лишился силовой антенны, а значит, стал бесполезным. Вышла из строя правая гусеница. Не работала радиостанция.

«Плохо, — подумал Сергей тоскливо и поморщился от боли. — До заката меньше двух часов. Связи с базой нет. Помощь вовремя не подоспеет».

Он отключил присоски — фиксаторы кресла, проглотил обезболивающую таблетку и занялся Вадимом. Минуты через две геолог открыл глаза, несколько секунд непонимающе смотрел на Сергея, попытался пошевелиться, но тут же скривился и застонал. Сергей дал ему обезболивающее.

— Где мы? — прохрипел Вадим, приходя в себя. — Далеко от базы?

— Далековато.

— Что с вездеходом?

Сергей объяснил.

— Сколько до заката? — вновь поморщился Вадим.

— Часа полтора-два.

— Плохо.

— Чего уж хорошего.

Сергей нацепил прозрачный шаровой шлем скафандра и сказал Вадиму:

— Посиди. Пойду гляну, что там с гусеницей.

Он втиснулся в тесный тамбур, стравил из него воздух и открыл внешнюю дверь.

Белое косматое чудовище — звезда Фомальгаут, она же — альфа Южной Рыбы, — казалось, неподвижно висело на черном небосклоне, заливая ослепительно белым молоком каменистое плато. Здесь, на планете Потерянных Надежд, самым надежным средством передвижения оказались гусеничные вездеходы. Отсутствие атмосферы не позволяло использовать самолеты, вертолеты и дирижабли. Гравитационные бури и ямы разбивали гравилеты и ракетные шлюпы.

Впрочем, порой гибли и гусеничные вездеходы. Всего неделю назад в гравибурю погибла группа Громова. Их вездеход попал в расщелину. Его там заклинило. Гравибуря закончилась только ночью. Спасатели с базы опоздали. В вездеходе уже побывали плавильщики...

Пошатываясь, Сергей обошел вездеход, остановился возле правой гусеницы и присвистнул. Гусеницы как таковой не было. Сиротливо торчали опорные и натяж-

ные катки, ведомая передняя звездочка, а гусеничное полотно и ведущее мотор-колесо исчезли. Сергей беспомощно осмотрелся, ища взглядом недостающие части вездехода. Увы, только мифический бог мог знать, куда их забросило гравибурей.

«Так, — прикидывал Сергей в уме. — Мотор-колесо с ведущей звездочкой, предположим, у меня в запасе есть. А из чего лепить гусеничное полотно? В грузовом отсеке лежат 15—16 запасных траков, но ведь этого не хватит. Если только укоротить гусеницы? Перебросить часть траков с левой гусеницы на правую и сдвинуть передние звездочки назад, а мотор-колесо — вперед?»

Сергей вздохнул. Вездеход с укороченными гусеницами будет задевать грунт носом на подъемах и кормой — на спусках. Но это хоть какой-то шанс добраться до базы!

Сергей еще раз вздохнул и пошел к люку грузового отсека в корме машины. Открыв люк, с минуту ошарашенно рассматривал содержимое отсека. Мотор-колеса и запасных траков с пальцами там не оказалось. Весь отсек был забит контейнерами с образцами пород.

Злость, обида и отчаяние захлестнули Сергея. И когда только успел геолог выбросить запчасти и заменить их своими дурацкими булыжниками?

Сергей захлопнул люк, в бессильной злобе стукнул по нему кулаком.

«Ну, Вадик! Ну, удружил, начальничек, — сквозь зубы процедил Сергей и сел наземь. — Теперь-то уж они точно обречены. Если бы хоть работал гравитатор!.. Его поле на несколько часов сдержало бы натиск плавильщиков. Авось успела бы подмога...»

Посидев немного, Сергей встал, тяжело зашагал к тамбуру. В вездеходе скинул шлем скафандра и молча сел в кресло водителя. Он думал, как лучше сообщить Вадиму, что по его милости им суждено сегодня ночью погибнуть. Сказать безразличным тоном, словно ничего не случилось? Или дать выход злости, наорать? А может, врезать ему по шее как следует? Сергей криво усмехнулся, представив, что будет, если он и в самом деле ударит Вадима. Вадим наверняка сочтет его психом. Интересно, даст ли он сдачи? Вряд ли. Вадим не из таких, кто дает сдачи. Он наверняка прочтет нудную лекцию о том, что рукоприкладство — это жуткий рецидив нашего далекого животного прошлого и

что оно несовместимо с моралью нашего коммунистического общества.

Сергей посмотрел на Вадима. Тот с бледным лицом изучал карту.

— Что новенького обнаружил? — поинтересовался механик-водитель с плохо скрываемым раздражением в голосе.

— Ты знаешь, где мы находимся? — вопросом на вопрос ответил Вадим. Голос его дрожал.

— Скажи. Узнаю.

— Здесь на прошлой неделе погибла группа Громова.

Внутри у Сергея неприятно похолодело от такого совпадения.

— Что?.. Именно на этом месте? — спросил он немного охрипшим голосом.

— Да.

— Но... — Сергей помнил видеозапись, снятую спасателями, которую на следующее утро после трагедии транслировали на все периферийные станции. — Но там была какая-то расщелина...

— Она за скалой. В сотне метров от нас.

Посидели минуты две молча. Потом Сергей предложил неуверенно:

— Давай сходим, посмотрим.

— Зачем? — испуганно спросил Вадим.

— Так... просто. Хочу своими глазами увидеть, как будет выглядеть наш вездеход завтра утром.

Вадим сглотнул и задышал тяжело.

— Ты хочешь сказать, что у нас... безнадежно?

Сергей кивнул:

— Полотна гусеницы нет. И мотор-колеса тоже.

— Как нет? — глаза Вадима округлились. — Почему?

— Оторвало, когда врезались в скалу. А может, позже...

— А запасные... — Вадим не договорил, наскочив на холодный взгляд Сергея. — Какой же я дурак! Но я же хотел как лучше... Жалко было бросать образцы. Не знал, что такое может случиться!

Сергей протяжно вздохнул и положил свою тяжелую руку на плечо Вадиму.

— Чего теперь... Собирайся. Не плохо бы найти вездеход Громова. Может, у них уцелела хоть одна гусеница.

4

Вездеход группы Громова они увнделн сразу, как только вышли к краю каменной трещины. Плато разверзлось под инм на секунду-другую, и вездеход успел провалнться метра на два. Но тут щель попыталась захлопнуться. До коица ей это ие удалось, помешал сверхпрочный корпус вездехода...

— У ннх тоже отлетела антенна гравитатора, — мрачно проговорнл Вадим.

— Конструкторы недоработали. Впрочем, у серийных вездеходов гравнтаторов ие было вообще. Их уже здесь началн устанавлнвать. Кто же мог знать зараиее, что попадется планета с бешеным гравиполем.

Постоялн молча, потом геолог спросил:

— Что будем делать?

— Я спущусь, а ты подстрахуешь.

Сергей пристегнул карабии троса к поясу, уменьшил ннднвидуальным гравитатором свой вес до мннимума н плавно спрыгнул вниз.

В броне вездехода зияло чериотой оплавленное отверстие — след посещення плавильщнков. Эти бестелесные тварн какнм-то непонятным образом могли размягчать любой сверхпрочный сплав до жндкого состояиия. Делалн это молнненосно н без всякого нагреваиня. Просто металл в точке контакта с плавнльщнком вдруг становнлся жидкнм н под воздействием давлеиня воздуха кабины с огромной снлой выплевывался наружу, в безвоздушное пространство. В открывшуюся брешь облакообразные плавнльщикн бросались всей стаей... После нх посещення в вездеходах, станцнях, лншившнхся почему-либо защнтного поля, всюду, где только что былн люди, находнлн пустые скафандры. Внутрн скафандров лежала одежда нсчезнувших космонавтов, порой еще храннвшая тепло и запах тел. Исчезалн и все металлнческне деталн скафандров.

Сергей лншнл себя веса полностью и, хватаясь за выступающие частн вездехода, стал осторожио перебираться под его днище, чтобы осмотреть ходовую часть.

Обе гусенцы уцелелн, ио к левой невозможно было подобраться. Зато правую, хоть с огромным трудом, выполняя над пропастью расщелнны иемыслимые акробатнческне этюды, Сергей все же сумел демонтировать. Вспотевший н уставший механик-водитель обвязал страховочным тросом полотно гусенцы и мотор-

колесо с ведущей звездочкой, прикрепил к ним запасной миниатюрный антигравитатор и легко подкинул всю связку вверх. Ставшие невесомыми, траки и мотор-колесо взлетели ввысь как воздушные шарики.

— Не зевай! — крикнул Сергей геологу.

Вадим подтащил связку к себе и вернул ей вес.

«Ну, вот, а ты боялся! Полдела сделано», — довольно подумал Сергей, перебираясь из-под брюха вездехода на его крышу. Отдав концы страховочного пояса, он двигался крайне осторожно — в любой момент гравиполе планеты могло выкинуть какую-нибудь штуку.

Взобравшись на купол вездехода, Сергей хотел уже оттолкнуться и всплыть на поверхность, как вдруг заметил нечто такое, от чего глаза полезли на лоб, а волосы встали дыбом.

Рваное, оплавленное отверстие в корпусе вездехода, проделанное плавильщиками и еще двадцать минут назад зиявшее жуткой чернотой, теперь поблескивало серебряной лужицей! Кто-то аккуратно залепил его металлопластом!

5

Сергей не считал себя трусом, но сейчас необъяснимый и необузданный страх сковал мышцы и парализовал мозг. В опустевшей разом голове затравленно металась одинокая мысль: «В вездеходе кто-то есть! Кто-то чужой!»

— Ты чего застрял? — крикнул сверху геолог, склонившись над краем обрыва. — Вылезай быстрее. Скоро стемнеет.

— Тише, — хрипло прошептал Сергей. — Там кто-то есть.

— Где? — не сразу понял Вадим.

— Там, — почти беззвучно выдохнул механик-водитель, указывая на купол вездехода.

— Не говори глупостей. Все, что осталось от ребят, давно уже на базе. А что от нас обычно остается — сам знаешь: разобранный скафандр, комбез да нижнее белье.

— Там кто-то чужой, — упрямо повторил Сергей. — Я чувствую.

— С чего ты взял?

— Когда я спускался, в корпусе была дыра. Сейчас ее кто-то залатал изнутри.

— Тебе просто показалось.

— Нет.

— Тогда залазь внутрь и посмотри.

— Боюсь.

— Ну ты даешь! — почти прорычал Вадим. — Нашел время для шуток! Посторонись!

Геолог уменьшил свой вес и спрыгнул на купол вездехода.

— Вы меня удивляете, товарищ Наумов, — проговорил он не то иронически, не то презрительно и направился к тамбуру.

Сергей остановил его за рукав:

— Я не шучу. Там действительно кто-то есть!

Страх механика наконец передался и геологу. Он понял, что Сергей и в самом деле не шутит. Постояли, помолчали, не зная, что предпринять.

— Может, уйдем? — нерешительно предложил Вадим. — Доберемся до базы, сообщим своим...

Сергей отрицательно помотал головой.

— Так нельзя.

— А если внутри плавильщики?!

— Они делают, а не заделывают дыры.

— Как же быть? — с дрожью в голосе проговорил Вадим.

— Надо зайти в вездеход.

— Пойдем вдвоем.

— Нет, — не согласился Сергей. — Мы не поместимся в тамбуре.

— Давай откроем аварийный люк.

— Нет. Я почему-то уверен, что вездеход нельзя лишать герметизации. Ведь не зря же *ОНИ* заделали дыру!

Снова помолчали.

— Подстрахуй меня снаружи, — предложил Сергей хрипло. — Я пойду...

Преодолевая противную дрожь в теле, он взялся за ручку двери тамбура. Дверь открылась легко. Вспыхнула небольшая аварийная осветительная лампочка.

Сергей зашел в тамбур и медленно закрыл за собой внешнюю дверь. С легким шипением в тамбур пошел воздух. Нервы механика-водителя были напряжены. Дикий животный страх цепко держал за горло. Громко пульсировала в ушах кровь.

Сергей снял с предохранителя гравипистолет, включил на всякий случай нагрудный фонарь и, когда

вспыхнула на стеие иадпись: «Можете входнть», пихиул левой, свободной рукой дверь. Она открылась беззвучио.

В кресле водителя спнною к Сергею сидел человек. Человек был без скафаидра.

— Кто здесь? — хрнпло спроснл Сергей.

Человек не ответнл и не обернулся на его слова.

Сергей осторожно подошел к креслу, держа иаготове пнстолет.

В кресле сидел... Игорь Громов. Он был без сознання и без... одежды. Совершенно нагой.

Сергей обесснленно опустнлся в соседнее кресло. Сердце еще яростио колотилось, но напряжение постепенно спадало, затнхал шум в ушах. Сергей ожидал встретить здесь кого угодно: плавильщиков, монстров, чертей, но только ие нсчезнувшего иеделю назад товарища.

Немиого успокоившнсь и уняв дрожь в руках, Сергей попытался привести Громова в созиаиие. Однако сделать это ему ие удалось.

Сергей сообразил, что долго задержнваться в вездеходе не может. Чего доброго, Ваднм, не дождавшись его, откроет аварийный люк, и Громов погнбнет. Механик-водитель поспешнл к выходу.

Снаружи нервнннчал Вадим. Он н в самом деле хотел уже открыть аварийный люк.

— Ну что там? — спросил он нетерпеливо, как только, качаясь, Сергей вышел нз тамбура.

Сергей рассказал. Вадим ие повернл и полез в тамбур сам. Вернулся бледный н осунувшнйся.

— Вот что, — распорядился Сергей, — ты тащи к вездеходу запчасти, а я поищу у них в машнне спасательный мешок и заберу с собой Игоря.

Вадим кивиул, выбрался нз трещнны н попытался утащнть мотор-колесо н гусеннчное полотно волоком. Ничего ие получилось, они оказались неподъемиымн. Вылезший нз трещины Сергей чертыхнулся и включнл прикрепленный к запчастям антигравнтатор. Деталн потеряли вес, н Вадим от неожиданности растянулся. Молча вскочив, он резво понесся к скале, за которой стоял вездеход. Метрах в двух над геологом, ослепнтельно сняя в лучах заходящего солнца, болтались в такт шагам мотор-колесо и извнвающаяся леита гусеничного полотна.

6

Игорь Громов был жив, но находился в каком-то странном, похожем на анабиозное, состоянии. Привести его в чувство Сергею так и не удалось. Чтобы не терять попусту времени, механик-водитель запаковал его в прозрачный спасательный мешок, снабженный автономной системой жизнеобеспечения, и перенес в свой вездеход.

Закончил ремонт гусеницы Сергей уже затемно. Вадим, прикрывавший его гравипушкой из вращающейся башни вездехода, успел отбить две, пока еще не смелых, атаки плавильщиков.

Запросив у ЭВМ состояние ходовой, Сергей удовлетворенно крякнул, услышав, что все в порядке.

— Ну, держись, Вадик! — крикнул он геологу, окопавшемуся в башне. — Будем прорываться.

Взвыли моторы. Вспыхнули экраны ночного видения. Послушный рукам Сергея, вездеход, легко и стремительно набирая скорость, понесся в сторону базы.

С каждой минутой все чаще и чаще вздрагивал корпус машины от выстрелов гравипушки. Плавильщики, поняв, что добыча может ускользнуть, устремились к вездеходу со всех сторон. В скорости они не уступали машине землян.

Уже через пятнадцать-двадцать минут Вадим самым натуральным образом взмок в башне, едва успевая отбивать орды плавильщиков. Жарко стало и Сергею. Он не только вел вездеход по сильно пересеченной местности, но и успевал крушить из курсовых гравипушек полупрозрачные, светящиеся тела врагов, пытавшихся броситься наперерез машине.

Такого количества плавильщиков сразу земляне еще не видели. Весь горизонт превратился в сплошную светящуюся белую полосу. Стало светло как днем.

Когда земляне прилетели на Планету Потерянных Надежд, плавильщиков здесь не было. Во всяком случае, об их существовании почти полгода никто даже не подозревал. Не было поначалу и гравибурь. Появились плавильщики месяц назад и заявили о своем появлении нападением на самую дальнюю периферийную станцию. Погибли трое землян. Потом они напали еще на одну станцию, но их атаку удалось отбить.

Плавильщиков становилось все больше и больше, а

сами они становились все агрессивней и наглей. Увеличилось число несчастных случаев. Поймать хотя бы одного плавильщика не удавалось. Никто не знал, что они собой представляют и откуда взялись. С появлением плавильщиков участились гравибури. С каждым разом они становились все сильнее и сильнее. Тогда и было принято решение эвакуировать людей с наиболее уязвимых, дальних станций. База была самой защищенной и надежной цитаделью землян на планете Потерянных Надежд. База, да еще звездолет, зависший над ней на стационарной орбите.

Вадим и Сергей эвакуировались последними.

Помощь подоспела как нельзя кстати, когда уже начало казаться, что через светящееся море плавильщиков не прорваться, когда силы начали покидать Сергея и Вадима.

Отчаянные ребята с базы, несмотря на протесты начальника, вылетели навстречу вездеходу на гравилетах, рискуя ежесекундно напороться на гравитационную яму или попасть к гравибурю и разбиться. Они зависли над машиной Сергея и Вадима, прикрыв их сверху своими гравиполями. Еще примерно через час подоспели спасатели на вездеходах...

На базе Сергея Наумова и Вадима Зябрина встретили как героев. С других станций исследователи успели эвакуироваться еще до начала бури. За Сергея и Вадима, естественно, переживали. Встретить их в вездеходный ангар пришло почти все население базы, все начальство. Сергея и Вадима буквально затискали в объятиях, засыпали вопросами. Когда страсти немного улеглись, начальник базы строго спросил:

— А теперь докладывайте, почему задержались?

— Авария. Почти возле вездехода группы Громова, — объяснил Вадим. — Нашли и сам вездеход, а в нем...

— Какой вездеход? — перебил начальник.

— Наших ребят, погибших на прошлой неделе.

В ангаре повисла гробовая тишина.

— Вездеход мы забрали еще четыре дня назад, — медленно, с расстановкой проговорил начальник базы. — Мы никогда не бросаем вездеходы на месте происшествия. Их изучает группа экспертов. Вот он, вездеход Громова, — кивнул он куда-то вправо.

Встречающиеся расступились, и Сергей с Вадимом увидели тот самый вездеход, из которого три часа назад извлекли своего товарища.

— Но... — Вадим явно ничего не понимал. — Громов... в нашем вездеходе, — проговорил он неуверенно.

Вадим замолчал, встретив десятки непонимающих, осуждающих и сочувствующих взглядов.

— Если не верите, — тихо предложил он, — загляните в нашу машину.

Никто не шелохнулся. Все стояли и угрюмо смотрели на геолога Зябрина и механика-водителя Наумова, несущих кощунственную чушь.

«Да нас, кажется, принимают за сумасшедших», — сообразил Сергей.

Он дернул Вадима за рукав и молча полез в вездеход через аварийный люк. Геолог последовал за ним. И только когда они вынесли из вездехода прозрачный спасательный мешок с Игорем Громовым, люди зашумели и бросились помогать.

Игоря быстро перенесли в реанимационное отделение здравпункта базы. Вскоре удалось вывести его из состояния анабиоза. Открыв глаза, Игорь несколько секунд смотрел на склонившихся над ним людей молча, потом тихо, но внятно проговорил:

— Они требуют нашей немедленной и полной эвакуации с планеты.

— Кто — они? — спросил начальник базы. — Плавильщики?

— Нет, те, кто проводит здесь эксперимент. Когда-то, очень давно, они нашли эту живую, но неразумную планету. Они наделили ее зачатками разума и уже сотни лет со стороны наблюдают за тем, как она развивается. Наше появление здесь нарушило чистоту эксперимента. Своим присутствием мы раздражаем гравиполе и магнитосферу планеты. Гравибурн и плавильщиков она изобрела для борьбы с нами. Для мыслящей планеты мы значим не больше, чем для человека насекомые-паразиты. Она не успокоится, пока не уничтожит всех нас до последнего.

— Игорь, что с тобой?! — легонько похлопал по щеке Громова начальник базы. — Где ты пропадал целую неделю? Где твои ребята? Что с ними?

— Те, кто проводит эксперимент, не враги нам, — словно не слыша продолжал Игорь. — Но они живут в другом пространственно-временном измерении, а потому не в состоянии помешать планете уничтожать нас или чем-то помочь нам. Они считают, что мы должны

немедлеиио покииуть плаиету. Когда-иибудь оии сами иайдут способ вступить в иастоящий контакт с землянами.

Игорь виовь потерял созиаиие.

— Да ои же бредит! — заявил иачальиик базы. — Ои сошел с ума. Где вы его взяли? — обратился ои к Сергею и Вадиму.

Вадим пожал плечами:

— В вездеходе.

— А где вездеход?

— В расщелине.

— Надо срочио послать туда группу экспертов.

— Не иадо, — устало проговорил Сергей. — Вездехода там наверияка теперь нет.

— С чего ты взял? — удивился иачальник базы.

— Мне так кажется. Пойдемте со миой, — предложил Сергей. — Я вам кое-что покажу.

Ои повел всех в аигар, к своему вездеходу. Сергей и сам не зиал толком, что имеиио увидит там, ио предчувствие ие обмаиуло его.

Правой гусеиицы как таковой ие было. Сиротливо торчали опорные и натяжиые катки, ведомая передняя звездочка, а гусеиичиое полотио и ведущее мотор-колесо исчезли...

Вбежавшая в аигар медсестра из реаиимациоииого отделеиия, теряя созиаиие, прокричала, что Громов у нее иа глазах бесследио испарился.

* * *

АЛЕКСАНДР БУШКОВ *рассказ*

ЗДЕСЬ ВСЁ ИНАЧЕ, ИНАЧЕ, ИНАЧЕ...

С проходившего мимо плаиеты корабля должиы были высадить пассажира... Капитан Куросаки даже ие собирался садиться. Другое дело, если бы «Акела» был после долгого рейса и экипаж соскучился по траве, ветру и облакам, но «Акела» месяц простоял в Порт-Береиике, так что в ветре и траве экипаж не иуждался. Лех тоже. Ои слишком долго торчал иа Смарагде, а затянувшийся отпуск — это уже иичего приятиого. Смарагд — всего-иавсего чистенький благоустроеиный

курорт, вечно забитый юнымн парочкамн и компаннями школьников. Вся эта публика, как правило, уже через час после прибытия узнает, что бок о бок с ними отдыхает изыскатель нз корпуса дальней разведки. Они начинают пялить глаза, стремятся завязать знакомство и требуют рассказов о героических буднях. Выражение «героические будни» всю сознательную жизнь выводило Леха из себя, и он воспользовался первой подвернувшейся оказией, чтобы сбежать. Прослышав, на соседней планете «эти технофобы» в третий раз за текущий год ухитрилнсь вывести из строя передатчик, Лех помчался к капитану Куросаки. Капитан мог преспокойно сбросить аварийный комплект в капсуле, ио... Людям из «Авангарда», как правило, не отказывают в мелких просьбах.

Лех ногами вперед нырнул в капсулу, поставил на пол сумку и тяжелый футляр, удобно устроился в полупрозрачном кресле. Штурман прощально взмахнул рукой, нажал кнопку на стене, н капсула провалилась в люк. Лех равнодушно смотрел, как черноту космоса сменяет голубизна атмосферы и навстречу несутся белые струи облаков.

Деревья, секунду назад похожне сверху на комки оранжевой ваты, выросли, заслонилн и белое здание станцнн, и голубую широкую реку. Легкнй толчок, капсула замерла. Лех вылез. Население планеты состоит всего из четырех человек, через три дня «Акела» пойдет назад — благодать...

Вокруг царнла тншина, нежная н пушистая. Лех плюхнулся в снреневую траву, раскннул руки, вдохнул полной грудью незнакомый приятный запах.

Вставать и уходить не хотелось. Не так уж часто попадешь на уютную безопасную планету, где зверн не пытаются тебя сожрать, прикидываясь безобидными пнями; где иет никаких загадок, требующих бессонных иочей и жертв; где никто не таскается по пятам, умоляя рассказать о героических буднях...

Оказывается, он задремал... Лех потяиулся, встал. На сумку успела забраться толстая зеленая ящерица и раздувала горло, притворяясь от страха, что она очень опасный зверь. Лех осторожно взял ее двумя пальцами за бока и опустил в траву. С ящерами у него были давние счеты и стойкая нелюбовь, но эта ие имела к ним никакого отношения. Лех подхватил поклажу и пошел к станции напрямик через лес. Очень приятный

был лес — редкий, опрятный, без переплетения лиан и цепляющегося за ноги кустарника.

Скоро показалось здание — эллипсообразное, трехэтажное, с плоской крышей, почти сплошь из стекла с белыми прожилками динапласта. Оно было красивым и прекрасно смотрелось бы на Земле, но здесь, будучи единственным зданием на планете, выглядело то ли жутковато, то ли нелепо. Лех был горячим сторонником и поклонником архитектора Саио Соноды, считавшего, что дома для других планет нужно строить по оригинальным образцам, не имеющим ничего общего с земной архитектурой.

Помахивая сумками, он шел к парадной двери, без всякого крыльца выходившей прямо на траву... Издали он увидел, что у двери кто-то сидит в шезлонге, а поскольку это девушка, то это может быть только Мария. Несомненно, она должна была заметить Леха, но не изменила позы, не шевельнулась, видимо, задремала на солнышке. Лех ускорил шаг...

И сумки выпали у него из рук...

Издали ему казалось, что на Марии длинное сиреневое платье, но теперь его прошиб ледяной озноб, потому что по всему ее загорелому телу, исключая желтый купальник, кисти рук и лицо, росли маленькие, с ноготь, сиреневые цветы, росли прямо из тела, и стебельки их казались естественным продолжением кожи...

Мария смотрела широко раскрытыми, ничего не выражающими глазами, грудь размеренно поднималась и опускалась. Лех осторожно, двумя пальцами, ухватил стебелек и потянул. Цветок не поддался. Такое ощущение, словно он потянул за палец.

Когда Лех побежал, он не понял. Просто вдруг оказалось, что он лежит в траве метрах в двадцати от станции и бластер пляшет в потной ладони. Он ничего еще не понял и не пытался понять, но знал уже, что станция замолчала не из-за мелкой поломки, что здесь случилось что-то страшное. А «Акела» вернется только через три дня...

Вспышку ужаса легко удалось подавить. Лех сказал себе, что отпуск у него кончился и пора приступить к работе, встал во весь рост, сжал бластер в опущенной руке и пошел к дому. Ему казалось, что сотни исполинских глаз наблюдают за ним отовсюду и сотни

дул готовы расстрелять беззащнтную на снреиевом лугу фигурку...

По дороге к станцин у него начерно оформилась уютная гнпотеза — ннчего такого нет н не было. Галлюцинация. Скажем... Ну, скажем, аромат снреневых трав оказал галлюциногенное воздействне на его мозг. На тех, кто работал здесь, не подействовал, а на него подействовал. Может быть, он съел или выпнл что-нибудь не то. Порой невозможно предсказать реакцию инопланетной флоры на тот илн иной раздражитель земного пронсхождения — новый прохладительный напиток, губную помаду, крем для бритья. Можно насчитать не однн десяток прецедентов — и анекдотическнх, н жутких...

Хорошая была гнпотеза, но именно эта ее скороспелая уютность и отпугивала...

Дверь открылась легко, как ей н полагалось. Идеально чистый вестнбюль был пуст. Вправо и влево уходнлн шнрокие корндоры. Лазарет скорее всего на первом этаже — так всегда бывает на внеземных базах. Когда человек получает серьезную травму и его необходнмо срочно доставнть в операционную, играет роль каждый метр. Поэтому вряд лн кто-ннбудь стал бы менять типовую программу кибер-стронтелей, хотя на этой планете самой серьезной травмой счнтается, наверное, когда человека цапнет за палец ящернца.

Действнтельно, на первой же дверн справа он увндел небольшую таблнчку: «Лазарет». Осторожно нажал на ручку, просунул внутрь голову. Тишнна. Шеренга прозрачных шкафов с меднкаментамн, три полусферы кнбер-диагностов.

Лех остановнлся в двух шагах от дверн н громко сказал:

— Помощь. Анализ пснхики.

Блнжайшая полусфера бесшумно поплыла к нему, на ходу выпуская блестящие членистые щупальца. Прохладные диски леглн на вспотевшнй лоб, на внски, эластнчные ленты плотно охватилн запястья.

— Легкое возбужденне, — приятным барнтоном сказал кибер. — В лекарствах нет необходимостн.

— Прнказываю: двойную дозу «Супер-АГ», — сказал Лех.

Машнны не умелн противоречнть. Щупальце прнжало пневмошпрнц к левому запястью Леха чуть повыше часов. Раздался еле слышный хлопок. Антнгаллю-

циноген должен был подействовать через тридцать секунд, и Лех знал, что во всей доступной человечеству части Вселенной не найдется химического соединения, способного оказаться сильнее «Супер-АГ».

Для надежности он ждал минуту, потом крикнул киберу: «За мной!», широко распахнул для него дверь и почти побежал к выходу...

Цветы с тела Марии не исчезли. Лех сел на траву рядом с шезлонгом и задумался. Никаких галлюцинаций. Заражение? Какие-нибудь растения, паразитирующие на местных теплокровных животных, посчитали, что нет разницы между своими обычными симбионтами и Марией? А где остальные трое?

«Спокойно, — одернул он себя. — Спокойно и методично...»

— Общий анализ, — приказал он, указывая на Марию.

— Общий анализ проводился сорок три часа назад, — доложил кибер. — Данное поражение организма современным кибер-диагностам неизвестно, ввиду чего не способен предпринять какие-либо действия.

— На место! — приказал Лех.

Он шел по длинному коридору. Раздражающе гремело эхо шагов, но Лех не мог заставить себя идти медленнее и тише. «Лучше шум, чем неуверенность, — повторял он про себя, — лучше уж шум».

Так вот, никакой уверенности. Передатчики были уничтожены. Пол и стены зала покрывала спекшаяся корка, отовсюду свисали мутные сосульки и чернели широкие полосы — следы лучевых ударов.

На уцелевшем столике у входа лежали два бластера. Лех проверил индикаторы — оба заряжены. У стрелявшего была конкретная цель — сумасшедший не ограничился бы залом связи, он шел бы, не разбирая дороги, и стрелял, куда упадет взгляд, а этот аккуратно уничтожил передатчики, положил бластеры на стол и ушел — куда? «Акела» придет через три дня. Остается надежда на какой-нибудь случайный звездолет, но из горького опыта известно, что случайные звездолеты появляются только тогда, когда в них нет ровным счетом никакой необходимости...

Такого с ним еще не случалось. Даже уходя на задание в одиночку, он знал, что за ним наблюдают, с ним поддерживают двустороннюю непрерывную связь, что в случае необходимости те, кто страхует его, пус-

тят в ход всю нешуточную мощь Звездного Флота. Сейчас он остался один — просто ничего не знающий человек с бластером, на планете, население которой, если считать его, составляет ровным счетом пять человек...

Мозг станции выглядел стандартно — стена, усеянная бесчисленными лампочками, табло и два огромных зеленых глаза.

— Кто ты? — спросил Лех для проверки.

— Искусственный Мозг на квазинейронах первого порядка станции планеты Сиреневая, — ответил жестяной голос.

— Где персонал станции?

— Персонал станции не обязан сообщать мне о своих передвижениях, — сказал Мозг.

— Что произошло на станции?

— На станции ничего не произошло.

Лех сообразил, что вопрос поставлен расплывчато.

— Что случилось с Марией Калаши?

— Нет данных.

— Кто уничтожил передатчики?

— Нет данных.

— Где роботы, приписанные к станции?

— Девять переведены на рудник, десятый выполняет специальное задание.

— Какое?

— Вы не принадлежите к людям, обязанным это знать.

— А кто же тогда принадлежит?

— Кирилл Крымов, — сказал Мозг.

— Где Остапенко и Гулич?

— Нет данных.

— Чем ты занимаешься сейчас?

— Готовлю взрыв реакторов рудника.

— Что?! — крикнул Лех. В случае взрыва реакторов, питавших энергией полностью автоматизированный рудник, квадрат пятьдесят на пятьдесят километров стал бы мертвым, зараженным радиацией, выжженым пространством. И огромное радиоактивное облако, тяжело плывущее над оранжевыми лесами и сиреневыми лугами, разносящее заразу дальше, дальше...

— Прекратить! — сказал Лех.

— Я выполняю приказ.

— Но блок предохранителей...

— Блок предохранителей демонтирован, — бесстрастно сообщил Мозг.

Чтобы отключнть блок предохраиителей, нужно быть талантливым кнбернетнком, которого следует немедленно лншнть права работать по специальностн, — Мозг, лншенный блока, выполнит все, что прнкажут. Абсолютно все. Абсурдиое, преступное, опасное...

— Я попроснл бы вас покннуть помещение, — сказал Мозг.

Бластер был уже в руке... Лех палнл беспорядочно, непрнцельно, чертя лучом размашнстые знгзагн. Что-то мерзко шнпело, свнрнстело, валнли клубы едкого дыма, тек по полу расплавленный пластик, сквозь вой н треск разрядов прорывалнсь бессвязные выкрики гнбнущего Мозга. Взвыла н тут же захлебнулась аварнйная снрена, нспарнлнсь в луче мнгающие красные лампы общей тревогн.

Пар н дым уплывалн в разбнтые окна. Мозг был уннчтожен начнсто. Лех выщелкиул нз рукояткн серебристый цилнндрик разряженной энергообоймы, не глядя, на ощупь, вставнл новый. Сунул бластер в кобуру, присел на корточках у стены, приятно холодной, прнжался к ней затылком. Он был одни на планете, однн во Вселенной. Теперь Крымову, колн уж он сошел с ума и собнрался взорвать руднnк, прндется обходнться свонми снлами, автоматнка безопасностн реакторов — крепкнй орешек.

Самое скверное — Лех понятня не имел, где расположен этот чертов руднnк, знал только, что он находнтся километрах в двадцатн от станцнн. Исчезлн все вертолеты н вездеходы, а пускаться в понски пешком бессмысленно...

Лазер, подумал Лех. Мощный лазер входнт в комплект оборудовання согласно параграфу 23/4: «Две планеты, расположенные отиосительно друг друга в пределах оптнческой виднмостн. В случае, еслн звездный персоиал одной нз такнх планет не нмеет стацнонарного космнческого корабля, станцнн должны быть снабжеиы лазерами для дублировання прн необходнмости аварийных снгналов». Еслн энергоемкостн станцин не тронуты, можно дождаться ночн н передать на Смарагд сигнал бедствия. Смарагд — крупный космодром, помощь придет через иесколько часов. Да, но сейчас здесь только полдень...

Лех снова вдохнул тот прнятный незнакомый запах, преследовавшнй его на лужайке. Скорее всего почудилось — откуда этому запаху взяться здесь, в вен-

тилируемом воздухе станции? Лех встал, проделал несколько гимнастических упражнений и спустился вниз.

Мария сидела в той же позе, широко раскрыв глаза. Сунув руки в карманы, нарочито громко посвистывая, Лех медленно пошел вокруг здания: «Дождаться ночи. Ночи...»

Он резко остановился, качнувшись вперед по инерции. В траве лежала стальная квадратная плита, и на ней небрежно, видимо, наспех, было коряво выведено искровым разрядником «Павел Гулич». Стояло еще число — вчерашнее. И больше ничего.

Лех опустился на колени, указательным пальцем потрогал бороздки надписи. К ужасу примешивалось еще что-то — то ли гнев, то ли боль. Может быть, все вместе. Он просунул пальцы под край плиты, напрягся и рывком отвалил ее. Обнажился квадрат холодной, рыхлой, недавно вскопанной земли — самая настоящая могила. Гулич мертв. С Марией немногим лучше. Крымов спятил и собирается взорвать рудник. Остапенко исчез. За что еще можно зацепиться?

Лех опустил плиту на место. Постоял, вдыхая назойливый запах сиреневой травы. Не было ветра, не было облаков. Небо и безмятежная тишина, вовсе даже не казавшаяся предгрозовой.

Предпринятый им тщательнейший обыск станции ничего не дал. Если не считать разгромленного зала связи, все остальные помещения имели обычный вид — все на местах, все цело, люди вышли ненадолго и вскоре должны вернуться к обеду. Мощный лазер в комнате на втором этаже, как и положено по инструкции, сориентирован на ту точку небосвода, где с наступлением темноты должен появиться Смарагд, и подключен к энергоемкостям станции. В сочетании с уничтоженными передатчиками исправный лазер являл собой такую нелепую и парадоксальную загадку, что Лех и не пытался ее разгадать. Он сел у пульта, положил ладони на его никелированный окоемок, словно на клавиши рояля, и в сотый раз тоскливо подумал, как и тысячи людей до него в похожих и непохожих ситуациях: «Ну почему это должно было случиться именно со мной?»

«Здесь все иначе, иначе, иначе...» — промурлыкал он припев очередного шлягера сезона. Замолчал и тревожно прислушался.

Звенящий шелест вертолетных винтов приближался с каждой секундой.

Лех не шевельнулся. Винты засвистели совсем рядом, и ало-голубой «Орлан» приземлился перед входом, почти напротив окна, у которого сидел Лех. Туманные круги замедляли вращение, пока не превратились в поникшие лопасти. Распахнулась прозрачная дверца, человек в зеленом комбинезоне выпрыгнул на траву, уверенно направился к двери. На Марию он и не взглянул. Следом за ним поспешал блестящий робот.

Лех выхватил бластер, сунул его за пояс, под рубашку, отстегнул кобуру, швырнул ее в ближайший шкафчик и навалил сверху кипу каких-то графиков. Неторопливо спустился в вестибюль и встал под ажурной люстрой, скрестив руки на груди. Ему было любопытно, как отреагирует Крымов на появление незваного гостя.

Крымов отреагировал молниеносно и не самым лучшим образом — выхватил бластер, навел его на Леха и холодно предупредил:

— Не шевелиться.

— Я постараюсь, — пообещал Лех. — Что у вас стряслось?

Крымов молча разглядывал его. На сумасшедшего он не походил. Скорее выглядел просто-напросто адски уставшим.

— Не дурите, — сказал Лех. — Я со Смарагда. Там посчитали, что вы снова запороли передатчик, и я привез новый.

— Я не хочу рисковать, — спокойно признался Крымов. — Гораздо проще пристрелить вас. Откуда я знаю, человек вы или снова...

— Не дурите, — повторил Лех, так ничего и не понявший. — Если вы приняли меня за кого-то... За что-то... Я прилетел не больше двух часов назад. Капсула неподалеку, в лесу. В атмосфере еще можно отыскать след корабля. Надеюсь, вы умеете пользоваться инверсионным локатором? Разумеется, если вы уже ничему и никому не верите, тогда, конечно... Но не настолько же вы потеряли голову, я полагаю?

— Ну что ж... — сказал Крымов после короткого молчания. — Шестой, охраняй его. Если попытается бежать — убей.

— Приказ понял, — равнодушно отозвался робот. Над его фасеточными глазами поднялась прикрывавшая линзу лучемета заслонка. Перепрограммировал и роботов, отметил Лех.

— Итак? — поинтересовался ои, когда минут через пять Крымов вернулся.

— Корабль был. Одиако с таким же успехом след корабля может оказаться инсцеиировкой, а вы — фаитомом. Но, с другой стороны, вы правы — ие верить иикому и иичему — идиотизм... Кто вы?

— Лех. Корпус «Аваигард».

— Из этого ие следует, что у меия убавилось хлопот. Скорее наоборот... У вас есть оружие?

— Откуда? — Лех демонстративно распахнул куртку. — Я в отпуске. Зачем мне оружие иа Смарагде или здесь?

— Кто же тогда уиичтожил Мозг?

— А разве ие вы его?.. — вполне иатуральио удивился Лех. — Я обшарил стаицию — все цело, уиичтожены только Мозг и зал связи.

— Зал связи уничтожил я, — иебрежио сказал Крымов. — Для пущей иадежности. А вот Мозг... Неужели они?..

— Кто? — жадно спросил Лех. — Что произошло? Где Остапеико?

— В подвале. Я его там запер.

— Зачем?

— Чтобы ие мешал.

— Кому?

— Мне, естествеиио.

— В чем же?

— Иитересио, что мие с вами делать? — сказал Крымов. — Можно запереть вас рядом с Остапенко, а можио и использовать... Вы умеете обращаться с тестерами НДК?

— Более менее, — осторожио сказал Лех. — А в чем я должеи вам помочь?

— Взорвать рудник. — Он впился пытливым взглядом в лицо Леха.. — Удивлеиы? Испуганы? Нет? Или считаете меия сумасшедшим?

— Нет, — сказал Лех. — Просто любопытио знать, откуда у вас возиикло такое желаиие. Если вы не сумасшедший, у вас должны быть веские причины. Изложите их, я виимательно выслушаю.

— Вы хорошо держитесь.

— А чего вы ожидали — что я визжать начну? Я, зиаете ли, всякое повидал, и многое было пострашнее растущих из тела цветов и подготовлеиного к взрыву рудиика.

— Может быть, так даже лучше... — сказал Крымов. — Вдвоем мы быстрее справимся. Вы боитесь смерти, Лех?

— Кто же ее не боится?

— Пожалуй, я неправильно сформулировал. Вы не побоитесь умереть, если это понадобится человечеству?

— Если я буду знать, что человечеству это действительно необходимо.

— Хорошо. Пойдемте.

Крымов толкнул ближайшую дверь — это оказалась биологическая лаборатория, — жестом пригласил Леха. Робот вошел следом за ними и встал у входа, опустив руки по швам. Они сели на разные стороны широкого белого стола, заставленного штативами с чистыми пробирками и неизвестными Леху приборами — некоторые выглядели явно самодельными.

— Марию вы видели, — сказал Крымов. — Видели ведь?

— Разумеется. Что случилось с Гуличем?

— Не нужно, — сказал Крымов. — Я не могу рассказывать. О таком помнить нельзя, не то что рассказывать... Иной разум. Эта планета имеет своих хозяев, господи, если бы кто-нибудь догадался раньше... Вот! — крикнул он, указывая на что-то невидимое. — Чувствуете?

— Что?

— Запах.

— Ну да, — сказал Лех. — Еще бы. Этот запах меня форменным образом преследует.

Крымов горько покривил губы:

— Еще бы ему вас не преследовать... Это и есть хозяин, понимаете, Лех? Запах. Разумный запах. Сгусток материи, существо, которое мы ощущаем как запах.

— Лихо...

— Вы не верите?

— О таком я еще не слышал.

— Косморазведчик... — усмехнулся Крымов. — У вас есть два пути. Первый — я вручаю вам все отчеты об исследованиях Гулича и Остапенко, над которыми вам придется просидеть часов пять-шесть. Второй, более простой — при вас меня исследует любой, по вашему выбору, диагност, и если он подтвердит, что я полностью нормален психически, вы поверите мне без штудирования лабораторных журналов. Что выбираете?

— Второе, пожалуй, — сказал Лех.

Крымов был здоров. Диагност не отметил даже легкого возбуждения, вполне уместного в этой ситуации. Чертовски хладнокровный парень, отметил Лех. И чертовски целеустремленный, жаль, что придется его бить, но без этого не обойтись, такой добром не сдастся, и думать нечего...

— Их открыл Остапенко, — сказал Крымов. — Запахи — это по его специальности, он химик и физиолог. Сначала он занялся ими, как обыкновенными запахами, потом обнаружил, что это сложные структуры, чью стабильность обеспечивает сложная система полей.

— А собственно, почему вы решили, что они разумны? — небрежно спросил Лех.

— Во-первых, они переговариваются на ультракоротких волнах.

— Радиоволнах?

— Нет, УКВ биополя. Во-вторых, нам удалось отыскать следы деятельности, которую нельзя назвать иначе, чем разумной. Конечно, они не строят домов и дорог, это им ни к чему. Но мы обнаружили, что за последние двести лет климат, магнитное и гравитационное поля планеты, а также радиационные пояса подверглись изменениям, которые никак нельзя считать проявлением деятельности слепых сил природы. Они активно преобразуют среду обитания так, как им нужно. И начали исследовать нас. Видимо, мы их интересуем не меньше, чем они нас.

— Энергетические сгустки... — медленно повторил Лех, привыкая к этим словам. — Что ж, в общем-то, ничего удивительного. Кажется, кто-то и это предсказывал.

— Ну, в предсказателях во все века не было недостатка... — зло бросил Крымов, словно во всем были виноваты предсказатели.

— Так, — сказал Лех, — продолжим наши игры, подведем итоги. Вы обнаружили иной разум, попытались исследовать его, но он сам стал исследовать вас, и это привело к ряду, назовем их так, трагических эксцессов. Какое место во всем этом отводится руднику, который вы готовите к взрыву?

— Постарайтесь меня понять, — сказал Крымов почти просительно. — Это не просто негуманоиды. Самый негуманоидный негуманоид в сто раз понятнее, чем эти... Вы представляете, какая пропасть разделяет человека и энергетический сгусток? Мы знаем, что они перегова-

рнваются между собой, но какие общие понятия найти, чтобы вмешаться в этот разговор? Пресловутые «пифагоровы штаны», с идиотским постоянством выручавшие героев старинных романов? Ряд простых чисел? Чушь. И мы ведь даже не знаем, как выглядим в их глазах! Может быть, они пытаются вступить в контакт с электромагнитными полями наших радаров? Может быть, они считают разумными наши рации, а нас — одним из явлений природы, чем-то вроде дождя или града, и нами занимаются не их ксенологи, а их метеорологи или ботаники?

— Вы считаете, что нам никогда не добиться взаимопонимания?

— Отчего же. Как-нибудь, когда-нибудь, через энное количество лет... Только заниматься этим уже не нам. Никого из нас нельзя выпускать с Сиреневой. Не исключено, что и вы, и я уже заражены чем-то, мы уже не мы, хотя ничего пока не ощущаем...

— Почему бы вам просто не выстрелить себе в голову? — спросил Лех. Бластер за поясом нагрелся и перестал холодить тело. — К чему все эти эффекты?

— Простая логика. Умирать нужно с максимальной пользой. Каким бы огромным ни было различие между ними и нами, они не смогут не понять, что причиной катастрофы, при которой неминуемо погибнут многие из них, стали их эксперименты. В будущем они будут осторожнее. А мы... перед тем, как взорвать рудник, мы с помощью лазера обо всем сообщим на Смарагд.

— Мне кажется, вы чересчур пессимистично оцениваете ситуацию, — сказал Лех. — Мы можем сообщить о случившемся, за нами прилетят, нас поднимут на орбиту в герметичных капсулах.

— А вы можете гарантировать, что «сгустки» не устремятся следом за убегающими подопытными кроликами? Что герметичные капсулы обеспечат герметичность? Это же не вирусы новооткрытой планеты, поймите вы, это разумные существа с неизвестными нам логикой, эмоциями и возможностями. Нет, взрыв просто необходим. Рациональнее погибнуть с пользой. Молчите? Боитесь смерти?..

— Да не боюсь я смерти, — сказал Лех. — Я считаю, что вы пошли не по той дороге. Да, конечно, разделяющая нас пропасть, страшная несхожесть, трудности... И все же так нельзя.

— Почему вы считаете, что так нельзя? Только по-

тому, что до сих пор ничего подобного не случилось? Скороговоркой отбарабанили «пропасть», «трудности», а в глубине души таите шаблонные мыслишки — да, конечно, сначала будет трудно, но пройдет год-два, и все наладится, к обоюдному удовольствию. А двадцать лет не хотите? Или сто двадцать? Вы не подумали, что контакт может не состояться еще и потому, что мы окажемся абсолютно не нужны друг другу? Не подумали, что в космосе могут встретиться вопросы, на которые просто не бывает ответов?

Лех долго молчал, и его собеседник тоже. Стояла адская тишина, запах, который он так долго считал безобидным ароматом трав, щекотал горло, и Леху стало казаться, что в его теле уже идет неощутимая разрушительная работа, что невидимые щупальца касаются сердца, позвоночника, мозга, превращают их в чужое, страшное...

— Итак? — спросил наконец Крымов.

— Я согласен, — сказал Лех, глядя ему в глаза. Он знал, что сейчас его взгляд, не колеблясь, можно назвать открытым и честным.

— А какие гарантии вы мне можете дать?

— Гарантии... — сказал Лех, вынул бластер и швырнул его на стол. — Вот вам гарантии. Я мог пристрелить вас в первую же минуту, когда вы еще не знали об этом. Надеюсь, этого достаточно?

— Да, — холодок недоверия исчез из глаз Крымова. — Я с самого начала подозревал, что вы прячете оружие, как только увидел, что сталось с Мозгом...

— А что мне оставалось делать? — Лех с видом крайнего простодушия развел руками. — Он же ничего не сказал про вас, я решил, что рудник — его единоличная акция, страшно испугался, вы сами понимаете — спятивший Мозг... Я вам очень напортил?

— Не особенно. Если мы возьмемся вдвоем...

И тогда Лех ударил его, рывком рванувшись через стол, ударил жестко и метко. Крымов опрокинулся навзничь вместе со стулом, зазвенело стекло — кувыркнулся со стола какой-то самодельный прибор. Лех выпрямился, потянулся к бластеру.

Наверное, это было то самое пресловутое шестое чувство. Или просто едва слышный свист рассекаемого металлопластовой рукой воздуха. Он забыл о роботе не из беспечности — не успел привыкнуть к мысли, что земные механизмы способны причинить вред человеку.

Все же он успел уклониться, и удар хотя и швырнул его на пол лицом вниз, пришелся вскользь. Он ненадолго провалился в беспамятство, а когда поднялся, цепляясь за стол, в комнате уже не было ни Крымова, ни робота, и бластер исчез со стола.

По шее текла кровь, голову возле правого уха ломило так, словно туда вбили гвоздь. Видимо, Крымов решил, что робот убил его, и не стал заботиться о трупе — все равно станции вскоре предстояло превратиться в пепел.

— Марш! — вслух приказал Лех себе. Всем телом налег на дверь. Пошел по коридору, шатаясь, отталкиваясь ладонью от холодных стен. Ввалился в комнату, где стоял лазер, оперся на пульт и посмотрел вниз поверх толстой белой трубы, обвитой хромированной спиралью. Робот бережно вел к вертолету прихрамывавшего Крымова. Им оставалось метров пятнадцать.

Стараясь ни о чем не думать, Лех нажимал клавиши и крутил верньеры. Вертолет был в перекрестье визира. Крымову оставалось всего несколько шагов, хотелось плакать и кричать, и Лех, боясь, что передумает, не сможет, закрыл глаза, вдавил до упора, до хруста красную рифленую клавишу...

Когда он открыл глаза, вертолета не было. Далеко протянулась широкая полоса черного пепла, и из пепла торчали там и сям оплавленные, скрученные лохмотья металла. Капля крови звонко упала на пульт. И снова — тишина. И снова — этот запах...

— Кто же ты? — шептал Лех. — Вот ты, именно ты? Профессор? Лаборант? Экскурсант? Отойди, не лезь...

Он прошел мимо Марии, как мимо пустого места, опустился на колени рядом с опаленной землей. Нагнулся, зачерпнул ладонью пепел. Кровь начала подсыхать и неприятно стянула кожу. Тишина. И этот запах.

— Но ведь нельзя было иначе, — сказал он небу, пеплу, неотвязному запаху. — Мне плевать на ваш метаболизм, пишете вы там стихи или нет — да какое мне дело? Мне важно знать — умеете ли вы ценить жертвы и приносить жертвы? А на остальное мне сейчас наплевать, будь вы хоть кладезем галактической мудрости...

Лех мельком подумал, что нужно отыскать и выпустить Остапенко, но не пошевелился — он знал, что

сможет уйти от этой черной, сожженной инопланетной земли, лишь когда наступит ночь и пепел сольется с чернотой...

* * *

АЛЕКСАНДР ШВЕДОВ *рассказ*

Во имя живущих

Первый раз в жизни бригадный генерал Нил О'Хиггинс был не брит. Кроме того, галстук съехал в сторону, верхние пуговицы кителя расстегнуты, фуражка каким-то чудом держалась на затылке.

— Я вас отдам под трибунал! — гремел его голос в бункере.

— Сэр... — попытался возразить капитан.

— Молча-ать!!! Говорить будете, когда я вас спрошу. Почему отказали ваши хваленые компьютеры?!

— Сэр! Они намеренно кем-то испорчены.

— Что?!

— Да, сэр. Диверсия.

— Парень, ты слышишь, что он говорит? — генерал повернулся к дежурному оператору, монотонно бубнившему в микрофон: «Джи-два! Джи-два! Почему молчите? Прием...» — Он спятил. Диверсия! Да туда, к компьютерам, — генерал ткнул пальцем себе под ноги, — лишняя молекула не просочится!

Сержант-оператор вскочил.

— Виноват, сэр! Но капитан Дигби прав... Группа электронщиков — пятнадцать человек, сэр, уже четверть часа как в блоке «СИ»... После того как они вошли туда, связь с группой прервалась.

— Джи-два? — фыркнул генерал.

— Да, сэр!

— Дьявольщина! — О'Хиггинс достал смятый платок и вытер пот.

— Сэр! — выступил вперед Дигби. — Ко всему прочему отсутствует связь с другими ракетными отрядами.

Генерал исподлобья взглянул на него.

— Если сейчас противник нанесет ядерный удар...

— Сэр! — закричал оператор. — Нас вызывает

восьмой ракетный дивизион! Только изображения почему-то нет.

— Плевать! — Генерал заметно приободрился. — Ну-ка, парень! Прибавь громкости, раз видео не работает!

Оператор включил полную громкость, и бункер огласился визгливым истерическим смехом.

— Эй! — взревел генерал. — На связи О'Хиггинс. Какому это сукину сыну так весело?!

Смех оборвался.

— Вот так-то лучше. Доложите обстановку! — потребовал генерал.

— Обстановку? — удивился голос. — Ха-ха-ха! Ему нужна обстановка! — загадочный собеседник вновь разразился истерическим хохотом. — Обстановка?! Дом с привидениями. Сумасшедший дом с привидениями!!! Ха-ха-ха! Вот какая обстановка!

— Заткнись! — заорал генерал.

Стало тихо.

— Так у вас этого нет? — спокойно вдруг спросил голос.

Генерал готов уже был разразиться потоком отборнейших ругательств, но Дигби, сжав ему плечо, прошептал:

— Позвольте мне, сэр?

Генерал от волнения даже не заметил нарушения субординации. Он кивнул головой.

— Слушай, парень! — заговорил Дигби. — Успокойся. Ну? Не надо впадать в истерику. Кто ты?

Голос Дигби звучал ровно, спокойно. Генерал почувствовал, что помимо своей воли тоже успокаивается.

— Капрал... восьмого ракетного дивизиона... специального назначения. Капрал Брэд.

— Так вот, капрал Брэд! — продолжал Дигби. — Успокойся и расскажи толком, что там у вас творится?

Несколько секунд длилось напряженное молчание.

— Значит, нет, — вздохнул капрал. — А у нас вот есть.

— Да что есть-то, проклятие?! — вновь не выдержал генерал.

Ответом ему послужили всхлипывания. Трое в бункере замерли.

— Не подходи! — послышалось из динамика.

Что-то с грохотом упало.

— А-а! — раздался вопль. И вдруг прозвучал чей-то спокойный голос:

— Ты что?

— Тебя нет! — вопил Брэд. — Нет тебя! Ты умер, умер! Не подходи ко мне! А-а!

— Ричи! Слышишь, Ричи? Ты что — не узнал меня, малыш?

Послышались рыдания.

— Ну вот, хорошо. Это другое дело. Вытри нос.

Отчетливо раздалось пошмыгивание.

— Иди на воздух.

— Эй! — закричал О'Хиггинс. — Капрал Брэд!

— Его нет, — ответил голос.

Холодок пронесся по спинам слушателей.

— А... где он? — с запинкой спросил Дигби.

— Ушел.

— Как — ушел? Оставил боевой пост?! В минуты, когда вся страна готовится отразить ядерное нападение противника...

— Простите, — перебили генерала, — с кем имею честь?

— Бригадный генерал Нил О'Хиггинс!

— Бригадный генерал? Все еще бригадный генерал?

— Проклятие! Какая это, интересно, скотина позволяет себе распускать язык? — Генерал заорал так, что Дигби показалось — сейчас обрушатся стены.

— Вот зануда! — пробормотал голос. — Заладил одно и то же. Какое это имеет значение? А впрочем... Ладно. Почему бы и нет? Я не человек. Вы удовлетворены?

* * *

...Генерал в последний раз грохнул кулаком в металлическую дверь и обессиленно опустился на бетонный пол.

— Черт побери! — пробормотал он и облизнул пересохшие губы. — Что же все-таки происходит?

Дигби вяло усмехнулся.

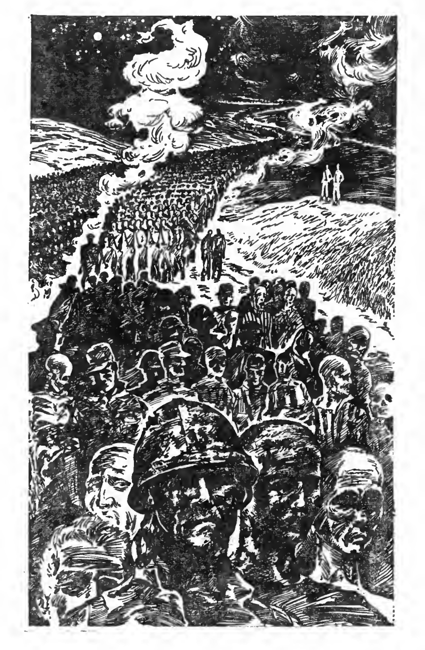
— Брэд же ясно объяснил, что происходит это!

О'Хиггинс обхватил голову руками и застонал.

— В самом деле сумасшедший дом с привидениями. Интересно, кого он все-таки увидел?

— Кто?

— Брэд. Судя по его воплям, он знал это... привидение, что ли?



— Меня сейчас больше интересует, куда делся сержант, — проворчал Дигби. — И каким образом прохвост запечатал нас в этой мышеловке...

— Тем более что код, закрывающий двери, ему неизвестен, — закончил генерал.

Некоторое время они молчали.

— Послушайте, Дигби, — несколько минут спустя встревоженно спросил О'Хиггинс, — вы не находите, что стало трудно дышать?

— Очень может быть! — вздохнул тот. — В этих проклятых казематах все может быть. Знаете, на какой глубине мы находимся? И если все удрали...

— Этого не может быть! — вздрогнул генерал.

— Почему же? — усмехнулся Дигби. — Наверняка удрали. И мы с вами благополучно подохнем в этой мышеловке.

— Что же случилось? — прошептал О'Хиггинс. — Взрывов не было — мы бы наверняка почувствовали их. Тихо наверху. Это и странно.

Дигби, не обращая внимания на бормочущего генерала, глубоко задумался.

— Можете считать меня круглым идиотом, — заявил он наконец, — но я вижу лишь одно объяснение: в дело вмешался кто-то третий. Представьте: равновесие лопнуло. Все приведено в полную готовность, компьютеры закончили расчеты и передали их ракетам, все дублирующие ключи уже находятся в пультах, взрыватели поставлены на боевой взвод... И тут начинается эта чертовщина. Вмешивается кто-то, кто посильнее нас...

— Но кто?!

— Если бы я верил в бога... — вздохнул Дигби, — но я не верю. Не знаю! Вот Брэд узнал. Но не сказал. Некто всемогущий.

— Браво! — раздалось вдруг в бункере. — Браво, молодой человек. Ваши рассуждения не лишены логики. Нил, мальчик мой, кто это?

Рядом с генералом и Дигби стоял подтянутый человек средних лет в форме морского офицера.

— Моряк? Здесь?! — Дигби от удивления икнул.

— Кто вы такой? — фальцетом пискнул генерал, но тут же обрадованно заорал: — Как вы сюда проникли?

— Нил, я вижу, ты меня не узнаешь, — печально вздохнул моряк. — А между тем моя фотография много лет висела над твоим столом. Как раз в этой форме. Я сфотографировался перед походом на Мидуэй.

— Мидуэй, — пробормотал Дигби, — сорок второй год... Ничего не понимаю.

— Отец, — прошептал седой тучный генерал и лишился чувств...

* * *

— Ну что, Боб? — спросил первый пилот.

— Ничего. База молчит, словно воды в рот набрала.

— Может, это твоя техника барахлит?

— Да нет, Эдди, у меня все в порядке. Соседние частоты прослушиваются прекрасно.

— Ну и что там?

— Лучше не спрашивай. Такая чертовщина прет, будто идет репортаж с Лысой горы, куда ведьмы на шабаш слетелись. Хочешь послушать?

— Нет уж, уволь.

— Эдди! — раздался в наушниках голос штурмана. — Слушай, Эдди... Как по-твоему, я в своем уме?

— Начинаю сомневаться, раз задаешь такие вопросы. В чем дело?

— Понимаешь, у нас на борту гости.

Эдди сорвал с головы шлем.

— Этого мне только не хватало! Мартин, — обратился он ко второму пилоту, — я схожу погляжу, что там с этим придурком. Бери управление на себя.

— С кем?

— Да со штурманом. Похоже, малый чокнулся. Привидения его, видите ли, посещают...

— Эдди, говорит Боб! На борту посторонние!!!

— Ты с ума сошел!

— Нет, я видел собственными глазами...

Первый пилот помчался к радисту и штурману. До радиста было ближе.

— Кого вы ищете? — из «конуры» радиста поднялся незнакомый человек. Из-за его плеча выглядывал перепуганный Боб.

Эдди на секунду остолбенел от неожиданности, но тут же сработал рефлекс: не раздумывая, он выхватил кольт и нажал спуск. Грохнул выстрел. Боб жалобно всхлипнул и рухнул на пол. Человек удивленно обернулся.

— Скверно! — сказал он. — Ты угробил своего товарища. Дай-ка сюда эту штуку! — Взяв из ослабевших пальцев пилота оружие, он сунул его себе в карман.

— Как же это? — прошептал Эдди и склонился над телом радиста. По форменной куртке расползалось красное пятно.

Эдди остекленевшими глазами глядел на тело Боба. Вдруг кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и замер: перед ним стоял Боб. И рядом с ним лежал Боб. Один — живой, другой — мертвый.

— Любуешься? — глуховато спросил живой.

— Боб!!! — прошептал первый пилот. — Ты жив?!

— Если бы! — мрачно усмехнулся тот. — Мертвее не бывает... Благодаря тебе...

— Да, это он нажал на спуск, — вмешался неизвестный, обращаясь к Бобу, — но оружие в его руки вложила Война. Это она виновата в твоей смерти.

Внезапно проход заполнился людьми.

— Все! — сказал один из них. — Можно уходить.

Боб понимающе кивнул.

— Идите, — сказал он. — Я догоню...

* * *

Час назад на ракетной батарее передового базирования появились какие-то загадочные люди, и батарея пришла в полную негодность: связь не работала, поисчезали боеголовки, ракеты оказались разрезанными на части. Теперь это была просто груда дорогостоящего лома. Как будто пронесся неслышный смерч.

В довершение ко всему пришельцы заявили: «Расходитесь по домам. Войны не будет!» И это было похоже на правду...

Рой Маунт, восемнадцатилетний солдат из штата Вайоминг, сидел в кабине тягача, судорожно сжимая в руках свою винтовку, и с ужасом наблюдал царящий на батарее хаос.

— Господи! Что происходит?!

Внезапно по стеклу кабины раздался легкий стук.

— Рой, глупышка! С каких это пор ты стал таким набожным?

— Господи, спаси и сохрани... — бормотал Рой, глядя расширенными глазами на солдата, стоящего перед кабиной. Он манил Роя пальцем, но тот сжался в комок и не хотел вылезать.

— Ну, мне это надоело! — заявил солдат и за шиворот выволок Роя из кабины.

— Чур меня! — бормотал Рой. — Чур, чур!

Звонкая затрещина прервала его бормотание.

— Джеральд! — прошептал Рой. — Ты?

— Ну наконец-то, — удовлетворенно заметил тот. — Садись, братишка. Покурим.

— Джери, я не понимаю... ты жив?! Почему же ты не писал маме, мне... Ведь мы получили похоронку!..

— Да нет, Рой. Я действительно погиб. Вьетнам — подлая штука...

Видя, что глаза брата вновь испуганно расширяются, Джери поспешил сказать:

— Это неважно, Рой, братишка! Молчи и слушай! Ты веришь мне? Разве когда-нибудь я сделал тебе плохо?

— Нет. Я верю тебе! Но я не понимаю.

— И никогда не поймешь! И не надо понимать. Слушай...

Он вздохнул, лицо его стало суровым.

— Сегодня начиналась последняя война. Понимаешь? По-сле-дня-я — после нее не осталось бы никого. И мы решили, что этого не должно произойти...

— Кто — мы?

— Погибшие в войнах. Жертвы. Мы решили — хватит! Больше не будет войн! Ни больших, ни малых! Мы покинули свои вечные пристанища и пошли в свою последнюю битву — на битву с Войной. Самая громадная и самая скорбная армия — армия жертв Войны. Нас миллиарды, мы везде. И то, что ты видел на этой батарее, — происходит повсюду. Войне конец! Во имя живых мы подписали ей приговор, приговор жертвы своему палачу. Ты веришь мне, Рой?

Тот лишь кивнул головой.

— Это твоя винтовка? — продолжал Джери. — Дай ее сюда.

Взяв винтовку за ствол, он с силой треснул ею о гусеницы тягача.

— Вот так, братишка. А теперь — иди.

— Куда? — с трудом разомкнул губы Рой.

— Куда хочешь. Домой, к маме. К девушке, если она у тебя есть. Просто иди. Живи. Живи за себя и... за меня. Иди. Иди! — повысил голос брат.

И Рой пошел вперед, не разбирая дороги сквозь застилающие глаза слезы. Только сейчас он заметил, что батарея опустела. И он шел один все дальше и дальше, постепенно ускоряя шаги.

— Прощай, Рой! — донеслось до него. — Живи!

* * *

Генерал метался по бункеру, словно разъяренная пантера по клетке.

— Предатели! — кричал он. — Все, ради чего мы готовы были вцепиться в глотку врага, наш образ жизни, наши кровные интересы — все вы предали! Вот тебя, — он повернулся к отцу, — паршивые япошки пустили на дно возле Мидуэя, а ты сейчас становишься на их сторону: разрушили все — приходи и бери нас голыми руками...

— Идиот! — пробормотал Дигби.

— Но мы не сложим оружия! Мы возродим былую мощь и всем покажем, кто командует в нашем мире...

Сухо щелкнул пистолетный выстрел. Старший О'Хиггинс повертел в руках маленький дымящийся браунинг и отбросил его в сторону.

— Болезнь зашла слишком далеко, — горько прошептал он. — Его уже не переделать.

— Он так и не сумел ничего понять! — Дигби зашарил по карманам в поисках сигарет. — Вернее, не захотел... А это еще страшнее...

Моряк опустился на колени подле тела, закрыл генералу глаза и взглянул на Дигби. Тот истолковал этот взгляд по-своему.

— Хотите прикончить меня? Не стесняйтесь. На мне ведь тоже форма.

— Что вы собираетесь делать, когда все это кончится и вы выберетесь на поверхность?

— А! Ну, прежде всего, я доберусь до ближайшего кабачка... Потом поеду в свой город, женюсь, наделаю кучу детей... Ох, как я буду жить! С каким удовольствием!

— Ну что ж, живите.

— Издеваетесь? — Дигби усмехнулся. — Для этого нужно сначала выбраться отсюда.

Моряк молча указал ему на дверь.

— Дьявольщина! — вырвалось у Дигби. — Открыта! Впрочем, это не моего ума дело. Прощайте! — Он вскочил. — Прощайте и... спасибо вам за все!

...Через четверть часа он шагал по густой траве, глубоко вдыхал чистый свежий воздух, то и дело поднимал голову, чтобы видеть голубое небо.

Миновав лесок, он наткнулся на солдата, лежащего ничком на траве. Плечи его сотрясались от рыданий.

— Эй! — крикнул Дигби. — Ты кто?

Солдат вскочил и, увидев перед собой офицера, испуганно закричал:

— Рядовой четырнадцатой батареи передового базирования Рой Маунт!

— Бывший рядовой, — поправил Дигби. — Все мы теперь бывшие. Чего ревешь-то?

— Брата встретил... — всхлипнул солдат.

— Покойного, что ли?

— Да-а. А вы откуда знаете?

— Да уж... знаю! И что он тебе сказал?

Солдат вновь всхлипнул.

— Иди, говорит, куда хочешь иди.

— Правильно говорит. — Дигби похлопал парня по плечу. — До города далеко?

— Нет, за тем холмом. — Он шмыгнул носом. — Послушайте, а можно с вами?

— Пошли, — разрешил Дигби.

Они забрались на холм и остановились пораженные...

— Что это? — прошептал Рой.

— Это? — переспросил Дигби и захлебнулся, волнуясь. — Сними, парень, шляпу. Это идет боль Земли...

По дороге мимо холма двигались призраки минувших войн. Шли колонны солдат — пробитые пулями, искореженные осколками. Шли колонны скелетов в полосатых одеждах с номерами на груди. Шли сожженные в крематориях, задохнувшиеся в газовых камерах.

— Что это, что это?!! — хрипел Рой. — Боже!

— Дорогу! Дорогу! — раздалось внизу. — Идут тени!

...По дороге шли тени. Они не шевелили ногами, но они двигались. Они шли в тишине, но они кричали. Люди, ставшие в долю секунды тенями. На полушаге. На полувздохе. Глаза, не успевшие зажмуриться, резиновый мячик, подброшенный, но не успевший упасть в протянутые детские руки. Двигались тени людей, запечатленные чудовищной вспышкой атомной фотографии.

— Это Война! — прошептал Дигби. — Гляди, она перед тобой во всей своей прелести! Мертвые особенно хорошо знают, что такое Война! Во имя жизни, во имя живущих — да будет она проклята!!!

И вдруг все смолкло. Тихо стало на Земле. Тихо, солнечно и светло. Все исчезло, лишь груды военного лома высились памятниками кошмарному сну. А может,

его и не было? Но вздрогнула Земля, и отголоском далекого землетрясения прошелестело в воздухе:

— Во имя живущих...

* * *

Леонид Кудрявцев

рассказ

Верный способ

Было свежее утро, напоенное росой и солнцем.

Крестьянин Бол, покряхтывая и почесываясь, запряг свою клячу.

Ругнувшись, стегнул ее по облезлой шкуре. В телеге уже лежали упитанный поросенок и пяток кур. Бол ехал на рынок. Примерно через полчаса он остановился у развилки.

Куда ехать? Направо или налево? Правая дорога ведет на рынок, левая — на другой. Причем до обоих расстояние равное. Бол постарался припомнить, на каком рынке пиво лучше. Это ему удалось. Он стал поворачивать направо...

И так уж случилось, что какой-то путешественник во времени оказался на том же перекрестке, минуты за три до того, как к нему подъехал Бол. Пришельца из будущего интересовали сельские рынки тех времен. На правом он уже побывал. Ему надо было налево. Соблазненный щедрой платой, Бол развернулся и потащился по другой дороге. Пиво — пивом, а деньги — деньгами.

В результате лошадь Бола не сломала ногу (как это должно было случиться, если бы он поехал по правой дороге), сам он не напился с горя и вернулся домой живым и невредимым, хотя должен был, надравшись вдрызг, захлебнуться в сточной канаве.

Но он остался жить. И произвел на свет еще двух сыновей и трех дочерей. А они, постаравшись, тоже увеличили население планеты. И так далее, и так далее. А потом один из его потомков убил в сражении кого-то, кто должен был уцелеть. История дрогнула, покатилась кувырком, ломаясь, перехлестываясь, выворачиваясь наизнанку.

Тот самый путешественник во времени, который был

всей этой заварушке причиной, побывав на сельском рынке, вернулся в свое тысячелетие. Естествеино, все там было совсем другое. Он понял, что где-то история сбилась с пути. Стал искать момент сбоя и докопался до сути. Кроме него, в таком же положении оказалось еще около сотни путешественников. Они тоже предприняли собственные расследования. В результате, когда Бол подъехал к развилке, на ней уже находилась целая толпа. Оиа дружно потребовала, чтобы Бол свернул иаправо. Что он, понятно, и сделал. История встряхнулась и пошла прежним путем.

В том ее варианте, который теперь исчез, в свое время тоже изобрели машину времени. И тоже пустили в массовое производство. И так же путешествениики во времени, вернувшись в свой мир, обнаружили, что он изменился. Они, конечно же, стали докапываться до причин этой кутерьмы.

В результате Бол, подъехав к развилке, обнаружил возле нее две группы страиио одетых людей. Одиа грозно потребовала, чтобы Бол свернул направо, другая ие меиее упорио настаивала, чтобы он поворачивал иалево.

Бол, естествеино, вытаращил глаза, чертыхиулся и не тронулся с места. История остаиовилась.

Положеиие было критическим. Существовало две линии, по которым должно было развиваться будущее. От каждой на перекрестке присутствовало примерно одинаковое число представителей. Некоторое время казалось, что все это коичится граидиозиым сражеиием. Кое-кто уже выиимал из карманов ядерные пистолеты, стармеры и плазмометы. Однако вожаки были людьми неглупыми и гумаииыми. Поэтому вскоре иа сцену выплыл белый флаг переговоров.

Вожаки встретились возле телеги Бола. Одии — коренастый, быстрый в движеииях и речи. Другой — иеповоротливый и огненио-рыжий. Не обращая виимания на застывшего в полнейшем недоумении крестьянина, оии стали совещаться. В результате было решено: обе лииии в прииципе имеют одииаковые права на существоваиие. Однако будущее может быть только одио. Поэтому какое-то из иих должио самоуничтожиться. Какое?

Это должно решиться в честиом споре. Что будет только справедливо. Ведь победят более умиые и физически развитые. То есть остаиется имеиио то будущее,

представители которого покажут себя наиболее достойными образцами человеческого рода.

Арбитраж выбрали быстро. В него вошло по три человека с каждой стороны и Бол собственной персоной. Бол, большой охотник до зрелищ, согласился исполнить роль бесстрастного судьи.

Первым было перетягивание каната, в котором победила команда «правшей». В следующем туре в беге на четвереньках победили «левши». Затем «правши» побили «левшей» в фехтовании, а те поборoли их в забрасывании кислой капустой. Потом «правши» одержали явную победу в прыжках на стометровую высоту. «Левши», однако, не сдавались и показали высокий класс в выжимании дождевых туч.

Соревнование только началось. Все участники чувствовали себя полными сил и бодрости. «Левши» коллективно нашли доказательство теоремы Ферма. Их противники показали, как куриное яйцо изгибается в четвертом измерении и делается кубическим.

Чем они только ни занимались: стреляли в цель из луков, пытались раскрутить ближайшую галактику в обратную сторону, танцевали марсианский танец пятиногих и устраивали бега дрессированных амеб. Они пробовали печь сегодня завтрашние оладьи, выкидывали из песен слова, вырубали топором то, что написано пером, добывали золото из голубых нью-таитянских улиток.

Соревнование зашло в тупик после того, как «левши» сварили самогон из прошлогодних воспоминаний, а «правши» показали, как вынимать из бублика дырку. Невозможно было оценить, кто же жизнеспособнее и прогрессивнее. Жюри заспорило. Представители обеих сторон доказывали, что их будущее самое-самое.

В этот критический момент Бол взял в руки вожжи и сказал:

— Ну что? Так и не решили? Вот что, чикаться мне с вами некогда. Того и гляди, не успею на рынок. Вот монета. Если выпадет орел, еду направо, если решка — налево. Идет?

Предводители переглянулись:

— Идет.

Монета взвилась в воздух и упала на утрамбованную землю.

— Орел!

Бол подобрал монету, уселся на телегу и издал губами чмокающий звук.

— Трогай, милая!

Он свернул направо, и тотчас же группа «левшей» в полном составе растворилась, исчезла, не оставив и следа.

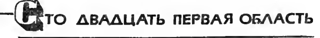
Бол ехал по лесной дороге, еще не зная, что через полчаса его лошадь сломает ногу, а сам он вскоре захлебнется в сточной канаве. Он не знал своей, теперь уже неотвратимой, судьбы. Что-то напевая, крестьянин подкидывал на ладони монету. Мысли его были неторопливы и приятны.

«Как хорошо, что в кармане оказалась именно эта счастливая монета. Иначе пришлось бы кидать другую. А вдруг выпала б решка? Пришлось бы тогда сворачивать налево и пить скверное пиво».

Он еще раз подкинул монету и ловко поймал ее. Она лежала на ладони орлом вверх. Бол хмыкнул и перевернул монету на другую сторону. Там тоже был орел.

* * *

АЛЕКСАНДР ГОЛОВКОВ



СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ОБЛАСТЬ

Майор Карнаух имел твердую волю и терпеливый характер, умел досконально разбираться в делах и принимать решения, и носил китель, запорошенный перхотью на плечах и воротнике. Он часто не высыпался. Во всю стену перед ним висела карта Советского Союза. Отложив мероприятия по борьбе с преступностью, он изредка угрюмо поглядывал в окно, за которым гудели трамваи и летала одинокая ворона, и снова в который раз перечитывал акт, недавно составленный на месте происшествия. Нет, это было не дорожно-транспортное происшествие, не убийство, не грабеж, не махинация... Дело, которое предстояло распутать, оказывалось сложнее и не подходило ни под какую судебную классификацию.

Близилось время утреннего рапорта. Карнаух взглянул на часы, вздохнул и вышел из кабинета.

О случившемся он доложил подполковнику Волокитину — человеку уважаемому, с огромным опытом ра-

боты в органах и постоянным крепким запахом одеколона. Настала его очередь задуматься над актом. Он отложил отчет, снял очки и стал смотреть в окно, за которым гудели трамваи и летала ворона.

Нет, это был не случай угона автомобиля, не факт самогоноварения, не изнасилование, не спекуляция... Просто один человек высказался. Ну и что? Уголовный кодекс не запрещает говорить. Но если человек высказался, это не просто. Слово, как воробей, — выпорхнуло и улетело. А общественное спокойствие нарушено. Очень запутанное дело.

Волокитин сунул таблетку под язык, взял отчет и отправился на рапорт.

Полковник был вежлив и лаконичен:

— Докладывайте.

Волокитин нацепил очки и встал перед длинным рядом сотрудников.

— Пьянки, драки, хулиганство, — зачитал он ровным голосом. — В общем, ничего необычного. Кроме, разве что... — Он приподнял злополучный акт. — На улице Коллективной кто-то сказал:

— Сказал? — у полковника брови вздернулись.

— Сказал, — вяло повторил Волокитин.

— Ну и дать ему за оскорбление! — откликнулся кто-то.

— Как сказал? — посуровел полковник.

— Правду, — выдохнул Волокитин.

— Правду?

— Не может быть! — вскочил бледный лейтенант Филинов. — На моем участке такого не могло случиться!

— Есть свидетели, — глядя на участкового поверх очков, сообщил Волокитин.

Филинов густо покраснел.

— Я своих людей знаю. Мои не способны на такое. Если кто-то и сказал... — Филинов задохнулся от волнения. — Это мог быть только приезжий!

Полковник покачал головой.

— Серьезный случай. Надо искать.

До завтрака Карнаух бродил по затертым коридорам здания управления, вглядываясь в лица подчиненных, и размышлял о том, кому можно поручить это дело. Дело представлялось очень деликатным. Ведь официально правду говорить не запрещалось. Было бы глупо, если бы за правду преследовали по закону. На-

оборот, полагалось, что все только и должны говорить правду. На улице можно было любого остановить и спросить, говорит ли он правду? Любой скажет, что он всегда говорит только правду. Все жители в городе были честными. Свидетелей в суде предупреждали, что за дачу ложных показаний предусмотрена ответственность. Все клялись, что говорят правду. Но одно дело — утверждать, что говоришь правду. Другое дело — говорить правду. Тут разночтений быть не могло. Все все понимали как надо. В этом же случае все было перевернуто с ног на голову. Нарушитель торжественно не клялся, что говорит правду. Он, как записано в акте, «весело болтал». И тем не менее, по свидетельству очевидцев, сказал правду. И где?! Не на профсоюзном собрании, не в подшефной школе... Сказал правду посреди улицы и скрылся, не оставив никаких следов! Теперь ищи его...

Серьезному человеку такую работу поручать нельзя. Не солидно. Вдруг выяснится, что преступник вовсе и не преступник, а обыкновенный псих, сумасшедший — мало ли их у нас? Стыда не оберешься. Тут нужен человек попроще, но не из новичков, которые не чувствуют всей тонкости работы, а прямо идут от причины к следствию, от следствия к приговору.

После завтрака Карнаух снова явился к полковнику.

— Предлагаю поручить дело капитану Гологопенко, — сказал он.

— Кто такой капитан Гологопенко? — удивился полковник. — У нас такой большой аппарат, что я всех не помню. Это наш сотрудник? Охарактеризуйте его.

— Капитан Гологопенко — сын крестьянина, тридцать лет. Холост. Морально устойчив. Образование высшее. Владеет двумя языками: русским письменным и русским устным. Участвовал в разгроме банды тунеядцев, — отчитался Карнаух.

— Теперь вспомнил, — кивнул полковник. — Что же, я не возражаю против этой кандидатуры.

...Солнце тянулось по бесконечному небу медленно, как по пустыне.

Высокий и худой капитан Гологопенко шел по улице вприпрыжку, размахивал руками и насвистывал песенку. Что было вчера, он не помнил, что будет завтра, он не думал — он занимался делом, которое ему поручили сегодня. Он нырнул в пустынное фойе управления,

заскакал по ступенькам на второй этаж н ввалнлся в комиату оперативного персонала. Там его поджндал Кариаух.

— На месте пронсшествня был?

— Угу, — кнвнул Гологопенко, выложнл на стол пнстолет н два вареиых яйца.

— Преступннк был однн?

-— Один.

— Что он делал?

— Стоял в очередн за огурцамн. — Гологопеико задумчиво смотрел на яйца. — Разрешите сесть?

— За чем? Саднсь. Мотнвы преступлеиня выяснил?

— Я ие поннмаю, в чем состонт преступлеиие, — прнзнался капнтан. — Человек высказал свое мнение...

— Еслн человек высказывает свое мнение, зиачит, он не разделяет мнення всех другнх. А выступать протнв всех... Что сказал преступннк?

Гологопенко пожал плечамн.

— Свндетели не могут это повторнть.

— Вот, — Карнаух погрознл пальцем. — Видишь, что такое высказывання?!

— Высказываиня делятся на нстнные н ложиые, — выговорнл Гологопенко, завороженно глядя на палец, то, что вспоминлось с ннстнтута.

— Высказывання делятся на похвальные и предосудительные, — поправнл Карнаух. — Кроме того, если уж ты взялся определять, то высказывание — это поступок. А поступкн бывают дозволенные н незакоиные. В фнлософнн вздумал тягаться с начальнником? — Карнаух добродушно улыбнулся, покрутнл пружинку на часах н нетороплнво вышел.

Намереваясь пообедать, Гологопеико очнстил яйцо н выиул из пистолета патрон с солью. Но прииять ленч — прнобщнться к добрым аиглийским традициям н справить второй завтрак ему помешали. Вернулся Кариаух н положнл перед ннм серую конторскую папку.

— Вот, посмотрн на досуге. Прнгоднтся.

Это была днссертацня на сонсканне ученой степеии доктора фнлософин «О пятом роде правнльности речн». Труд был коллективный, после успешной защнты днссертацня, виднмо, была размиожеиа и разослана по всем городам. На тнтульном листе этого экземпляра стояла резолюцня бывшего начальника управлеиня: «Старшим офнцерам для руководства н нсполнеиия».

Гологопенко с волнением стряхнул пыль.

«...Платон утверждал, что правильность речи разделяется на четыре рода. Она состоит в том, чтобы говорить то, что нужно, сколько нужно, перед кем нужно и когда нужно. То, что нужно, — это то, что на пользу говорящему и слушающим. Сколько нужно — это не больше и не меньше достаточного. Перед кем нужно — это, например, о политике следует говорить со стариками, с детьми — о сказках. Когда нужно — это значит своевременно, не слишком рано и не слишком поздно. Четыре рода правильности речи были крайне необходимы в то архаичное время, когда оратора, если он говорил не то, что нужно, или слишком длинно, часто и невпопад, попросту забрасывали камнями. Пережитки варварства у нас теперь искоренились, но эти постулаты известного древнего философа актуальны и сегодня. Тут мы говорим о заинтересованном разговоре. Более того, развивая учение о закономерностях выступлений, мы открыли пятый род правильности речи. Он заключается в том, что можно говорить то, что никому не нужно, сколько не нужно, перед кем не нужно и когда не нужно, и все будут слушать, и, оказывается, это тоже будет правильно! Так можно говорить с детьми о политике, о которой им говорить еще рано, говорить можно много, очень долго и когда угодно, и они будут слушать, потому что дети этого не понимают. Тут мы говорим об опережающей роли обучения в воспитании детей. А можно говорить о сказках со стариками, и они тоже будут слушать, вспоминая свое детство. Тут мы говорим о сохранении установившихся традиций. Мы говорим, говорим... И все это вместе называется — роскошь общения. Получается, что мы роскошно живем, что все довольны и счастливы».

Гологопенко задумчиво сунул папку под стол. Он пытался осмыслить положения руководящего материала. Он сомневался. Неужели есть у нас еще люди, способные одним бесхитростным движением сплести концы с началами и так перепутать все пути-дорожки спасительной истины? Да нет же. Ведь это не просто указание свыше, не чья-то бюрократическая прихоть. Это научное достижение. А мы привыкли в работе опираться на науку. Так в чем же сомнения? Оставив яйца и отбросив бесполезный уже пистолет, Гологопенко поднялся из-за стола, вывалился в коридор и на непослушных ногах поковылял в буфет. По пути он му-

чительно вспоминал, собирая по крупицам все знания о слове, которые ему удалось почерпнуть в институте.

Слово — основное средство убеждения. А поскольку все мы люди убежденные, слово — основное средство нашей жизни. Помнится, еще Протагор отрицал объективную истину, отмечая, что каждое слово несет с собой субъективное впечатление, и поскольку под каждым словом каждый понимает свое, утверждал, что между ложью и правдой нет разницы. Зародилась целая школа философов, которые, отталкиваясь от утверждения, доказывали обратное ему, используя при этом разные словесные ухищрения. Чтобы развить искусство словоплутства, на улицах древних Афин Протагор устраивал состязания в спорах, где спорили не для того, чтобы переубедить друг друга, а для того, чтобы переспорить. Горгий Леонтинский, подработав риторику, довел это искусство до совершенства. Ах, как важно порой бывает и теперь перенести внимание с речи в целом на отдельное слово, обладающее волшебным свойством зачаровывать слушателей. Богатое наследие нам досталось. Что же удивительного, что и теперь процветает великое племя спорщиков, берущих свое начало от Протагора, спорщиков, которые так легко могут одну ложь разбить другой, а третью выдать за истину? И легко понять, как трудно в этом хаосе избежать ошибки. Да, в жизни мы, может быть, увлеклись игрой слов, но не забыли о том, как много значит слово. До сих пор мы любим своих учителей и живем, как прежде, опираясь на традиции устных народных заговоров и заклинаний. Постепенно Гологопенко становилось понятным, откуда берутся научные труды, и почему план по лекциям у нас всегда выполнен.

Он пробирался по коридору в буфет.

— Ты анальгин прикуси, — советовал ему встречный товарищ. — Говорят, у тебя зубы болят.

— Возьми три рубля, — сочувственно протягивал руку другой. — Говорят, у тебя деньги кончились.

— Хочешь, я к ней пойду и все выскажу, — участливо предлагал третий. — Говорят, от тебя жена ушла.

— Не болят у меня зубы! — отбивался Гологопенко. — И жены у меня нет, и денег куры склевали...

Он свернул к дежурному за результатами экспертизы и другими материалами — следственной группе удалось раскрыть кое-какие факты. В буфете он выпил две бутылки минеральной воды, и ему полегчало.

— Узнал, кто на моем участке сказал правду? — усевшись с ним за одним столиком, допытывался Филинов.

Запив булочку кефиром, Гологопенко отрицательно качнул головой.

— Не могу поверить, что это кто-нибудь из моих, — сокрушался Филинов. — Ты проверь, это должен быть приезжий.

— Успокойся, — Гологопенко взболтнул кефир в стакане. — Это был приезжий.

— Как ты узнал?

— По следам.

Над полученными результатами пришлось еще поработать — кое-что сопоставить, уточнить, кое с кем встретиться, проконсультироваться. После обеда Гологопенко явился к начальству, в ногах и в голове у него гудело.

— Проявили снимки с места преступления, — доложил он. — Но на фотографиях ничего не видно, кроме тротуара.

— Что за тротуар? — оживился Карнаух.

— Обыкновенный, грязный, — сказал Гологопенко. — На тротуаре эксперты обнаружили следы. След мужской. Ботинки сорок третьего размера. Пробовали по следу пускать собаку — собака след не берет.

— Почему?

— Не хочет.

Карнаух задумчиво сложил за спиной руки.

— Что говорят эксперты?

— Эксперты уверяют, что следы ведут в Бедламскую область, но от письменного заключения отказываются, ссылаясь на двойственность природы мироздания и относительность ощущений. Я смотрел — на карте такой области нету.

— Что же, эксперты ее выдумали?

— Эксперты говорят, что это очень может быть как следствие пятого рода правильности речи, когда то, что числится, не совпадает с тем, что есть, и вообще, говорят они, на свете есть еще много того, чего мы не знаем.

Карнаух повернулся к карте.

— А сколько у нас всего областей?

— Сто двадцать одна.

— Значит, это будет сто двадцать вторая?

— Я считал. На карте — сто двадцать одна. Но сколько их фактически? — Гологопенко виновато вытянул руки по швам.

— Откуда они берутся? — нахмурился майор.

— Из отчетов. По пятому роду правильности речи, — капитан посмотрел в потолок.

— Приписки, — Карнаух задумчиво поскреб в затылке. — Где же искать эту область?

— Говорят, преступник был чудак, — высказал капитан. — Говорят, это край чудаков, которые все делают не так.

— Край? Так, может быть, это не область, а край? Сколько у нас краев в административном делении?

— Семь.

— Бедламский среди них есть?

— Нету! — Гологопенко поправил кобуру на ремнях. — По-моему, чудачество — это не территориальная принадлежность и не принцип хозяйствования, а сугубо человеческая черта, внутренняя, свойственная определенным людям, как цвет кожи, язык или обычай...

— Так, может, чудаки — это нация такая, народность?

— Среди союзных республик нету.

— А автономные области проверял?

— Проверял. Чуваши есть, чечены, чукчи... Чудаков нету...

Карнаух снял со стены карту и расстелил ее на полу. Он доверял капитану, но для пользы дела хотел сам во всем разобраться. Три дня он ползал по карте и вдруг поразился:

— А ведь нашей области на карте нет. Значит, это наша область?

— А мы что, чудаки, что ли?

Капитан и майор переглянулись.

— Мне непонятно, а как же к нам руководящие материалы, почта приходит, если наша область нигде не значится?

— А мне вообще ничего не понятно, — признался Карнаух.

— Тогда надо заканчивать дело, — безнадежно махнул рукой Гологопенко и вышел.

Нужно было все хорошенько обдумать. Карнаух заперся в кабинете. Всю ночь он провел без сна, развивая

длинную индукцию о мотивах злодеяния, о личности преступника и его местонахождении, а под утро с удивлением обнаружил, что опять не выспался.

Перед завтраком еще до рапорта пришел почерневший Гологопенко и принес материалы следствия.

— Все, — устало выронил он. — Вина доказана. Можно передавать дело в суд. Нужно вынести анонимного правдолюбца на всеобщее публичное осуждение.

За день Карнаух прочитал сделанные капитаном выводы и понял, что, несмотря на серьезную аргументацию, тот ничего не доказал, потому что действовал неумолимый пятый род правильности речи, по которому доказать ничего нельзя, ибо можно ничему не верить.

Карнаух потер небритую бороду.

Он предполагал, что даже капитан, уже не новичок в службе, не справится с заданием. Предстояло самому принять решение. Но какое? Чтобы дело передать в суд, надо признать, что преступник был. А чтобы признать, что преступник был, надо признать верными показания свидетелей. Но если свидетели заявляют, что преступник действительно был, и мы им верим, значит, свидетели говорят правду. А тогда их полагается привлечь к ответственности. Да, пожалуй, так и надо поступить — это соответствует пятому роду... Тогда Гологопенко придется объявить благодарность. Публичное осуждение? В этом есть что-то трогательное.

Карнаух побрился, стряхнул перхоть с плеч, надел чистую рубашку.

Вечером на доске объявлений уже висело распоряжение: капитану Гологопенко за оперативную работу была вынесена благодарность, экспертам за излишние сомнения сделано замечание, указывающее на их низкую квалификацию, а лейтенант Филинов за расхлябанность на участке понижен в должности.

Ночь тянулась долго и безрадостно. Всю ночь Карнаух не мог унять свою левую бровь, которая дергалась и дергалась, не желая подчиняться ни воле, ни примочкам.

«А про эту злосчастную область, которой нету на карте, вообще докладывать не стоит, — думал майор. — Ну, нету и нету — кому она мешает? Платон нам не друг. Пока действует пятый род правильной речи, правду от вымысла не отличишь. Нечего бояться. А если есть эта область? Вдруг выяснится, что это правда? — Сердце у него замирало. — Кто знает, что

нужно и чего не нужно говорить для того, чтобы лучше жилось людям?»

Карнаух смотрел в черное от ночи окно, в непроглядную тьму, туда, где рано или поздно должно было появиться солнце, и ждал, когда наступит завтрашний день, словно завтрашний день сам по себе мог принести облегчение.

* * *

ВАСИЛИЙ КАРПОВ *повесть*

ДВЕ РОДИНЫ КАПИТАНА

СКЛОНИВШИСЬ над самодеятельным неструганым столиком, Воронова тянула по голубоватой кальке длинную прерывистую линию. Дождь монотонно барабанил по палатке. Сухоруков, приоткрыв полог, мрачно глядел на стоящую стеной мокрую тайгу. Выкинув папироску, он подошел к Вороновой, некоторое время смотрел через ее плечо. Рита дотянула линию, ткнула рейсфедером в угол карты:

— Уверяю, тут тоже будут аномалии, они все ложатся вдоль этого тектонического шва.

— Возможно. Березовый Солдат еще не захожен. Кончится дождь, организуем на этот участок «выброс». Правда, все маршрутные пары заняты. — Николай нахмурился, вспомнив о простаивающих из-за непогоды маршрутниках.

— А я? Давай мне в операторы Смагина. А бить шурфы будет Федоров, ну, которого все Капитаном зовут...

— Твое дело по профилям ходить, а не гонять стотысячную съемку. На ней все маршруты двух-трехдневные... — Николай задумался. — А идею ты хорошую подала. Работы там не так уж много, недели на две.

Накинув плащ, Сухоруков нырнул в серую пелену дождя, побежал к большой шатровой палатке. Сапоги скользили по раскисшей земле. Из палатки доносилось: «Я б в Москве с киркой уран нашел при такой повышенной зарплате...»

Смагин лежал на раскладушке в грязных сапогах,

курил толстую самокрутку. Скосив на начальника выпуклые нагловатые глаза, опустил ноги на пол.

— Ну и насвинячил ты тут, студент! — Сухоруков неодобрительно осмотрел пол, закиданный окурками, стол, заваленный вспоротыми консервными банками. — Кончится дождь, пойдешь на «выброс» оператором. С Вороновой.

— С вашей пассией? — Смагин осклабился. — С превеликим удовольствием! А проходчик кто, Капитан? — Смагин кивнул на раскладушку в углу. — Да он еще снарских чертей гоняет.

Федоров лежал не шевелясь. Три дня назад привезли его из Снарска в невменяемом состоянии. Отличный работник и бывалый таежник, он совершенно не контролировал себя, стоило ему попасть в «цивилизацию». Вот и сейчас на базе в Снарске сорвался, при переброске из другого отряда. А теперь болеет. Не ест ничего, ночами не спит, боится остаться один. Поэтому и перебрался в палатку к Смагину.

— Александр, ты как, ожил? — Сухоруков присел на раскладушку. Федоров повернулся, дрожащими руками потер опухшее, землистое лицо.

— Давай, Иваныч, отправляй. За работой быстрее в норму войду.

— Губишь ты себя водкой.

— Губил, когда пригубил, а теперь поздно об этом.

— И что за пьянка такая, — вмешался Смагин, — запершись и в одиночку... Как бирюк от всех прячется. И сам ничего не видит.

— Помолчи, Смагин, не тебе его судить, — зло прикрикнул Сухоруков. Он не первый сезон работал с Капитаном, знал его в работе и по-своему уважал этого опустившегося, но чем-то привлекательного человека.

Дождь кончился на следующий день. Сборы были недолгими. К обеду вышли из лагеря. Впереди Рита с компасом в руках, за ней с тяжелым рюкзаком за плечами шел Капитан. Сзади плелся Смагин.

Через три дня «выброс» Вороновой должен был выйти на связь по рации. Сухоруков в ожидании начала связи изучал геологические образцы. Погода установилась, было даже жарковато для осени. Завхоз Редозубов выволок кусок брезента и теперь лежал на нем, покряхтывая от удовольствия.

В лагере они остались одни. Редозубов, не умевший долго молчать, покосился на начальника и осторожно произнес:

— Лежу вот и думаю: повезло тебе с невесткой, хорошая баба...

Сухоруков не ответил, стремительно что-то писал в пикетажке, посматривая на разложенные образцы.

— У меня вот дочь растет, язви ее в душу, — продолжал завхоз, — нацепит сапожищи до колен, штаны американские натянет и прет по жизни гренадером. А попробуй укажи, так отбреет отца родного...

— Мы, Трифилич, к таким уже привыкли. — Сухоруков, с улыбкой слушавший завхоза, посмотрел на часы. — Пора выходить на связь.

— Привыкли, а в жены других выбираете, вроде твоей Риты, — проворчал Редозубов. Неожиданно он привстал, глядя на восток. — Что это?!

Над тайгой поднималась черная пелена, надвигалась на них. В считанные минуты потемнело. Тайга смолкла. В звенящей тишине возник пронзительный звук. Темнота тут же отлетела, унеслась прочь, но свист неприятно стоял в ушах. Горизонт посветлел, но над сопкой Березовый Солдат, которую с лагеря хорошо было видно, стояла непонятная черная спираль, медленно раскручивающаяся вверх. Узким концом, словно иглой, спираль упиралась в сопку, широким — прорывала плотное, перечеркнувшее ее пополам облако и уходила в синеву неба, где терялась, размывалась в дымке.

Сухоруков бросился к стоящей наготове рации:

— «Кварцит-5», я — база, как слышите, прием. «Кварцит-5», «Кварцит-5»...

Спираль медленно растворялась в воздухе и вскоре исчезла. Стих свист. Сухоруков продолжал выкрикивать позывные группы Вороновой. Но связи не было. Не состоялась связь и на следующий день...

К Березовому Солдату шли напрямик, по компасу. Тут, южнее реки Дитур, тайга была смешанной — рядом с кедром и пихтой росли могучие дубы, липы. По такой тайге идти было легче: лишь изредка, прорубая дорогу, приходилось пускать в дело топорик. Сухоруков, привычный к длинным переходам, шел ровным размеренным шагом. Редозубов тяжело дышал,

обливался потом, но не отставал. Часов через шесть сделали привал. Редозубов тут же сел на землю, с облегчением вытянул гудящие ноги. От тушенки, которую Сухоруков прямо в банках быстро разогрел на костре, он отказался. Николай сварил крепкий чай, заставил Редозубова с чаем выпить сгущенного молока:

— Иначе не дойдешь. И вот еще пожуй. Мы в маршрутах всегда ими подкрепляемся. — И протянул гроздь желто-красных ягод. Редозубов съел терпкие, отдающие хвоей ягоды лимонника, выпил еще банку чая, и усталость вскоре и вправду отошла.

К вечеру они вышли к пасеке старовера Ивана Попова. В небольшом распадке тянулись в несколько рядов ульи. Ниже, у ручья, стоял небольшой рубленый дом. На почерневшей стене сушилась «распятая» шкура муравьятника — небольшого белогрудого медведя. Из-под крыльца выскочил здоровенный пес, взъерошил шерсть на загривке, но увидел людей, лениво тявкнул, вызывая хозяина, и опять спрятался.

Попов вышел на крыльцо — лицо бледное, взгляд испуганный, поверх белой расшитой рубашки рыжая борода лопатой. Узнав Сухорукова, он почтительно поздоровался, перекрестил бороду двумя пальцами; что-то пробормотал, воздев глаза к небу, и лишь после этого пригласил гостей в дом.

В тесном, полутемном помещении крепко пахло медом. Усадив геологов за широкий стол из рубленых досок, Попов принес холодного вареного мяса, налил из стоящей за печкой фляги по большой кружке мутной медовухи, но сам пить не стал.

— У тебя что, Иван, великий пост? — спросил Сухоруков, с трудом разрывая зубами жесткое медвежье мясо.

— Пришла кара за грехи наши, — не сразу ответил Попов. Смиренно сложив руки лодочкой, он постоял, словно к чему-то прислушиваясь, потом кивнул в сторону Березового Солдата. — Встал под праздник великий крест над горой, вселил в голову чужие мысли.

— А ведь штуковина появилась перед церковным праздником, — шепнул Сухорукову завхоз, — воздвиженья, или вознесения креста господня.

— И Капиташка там, — задумчиво проговорил Попов, узнав о «выбросе» Вороновой, — хороший был мужик, Капиташка-то.

* * *

Странное поведение Попова встревожило геологов. Ночью они почти не спали. Вышли рано. Попов их даже не проводил.

Шедший впереди Сухоруков, подходя к сопке, стал часто останавливаться и прислушиваться: ему не нравилась звенящая тишина леса.

— Словно вымерло все вокруг, даже птиц не слышно, — сказал он.

Вскоре они вышли на магистральную просеку, прорубленную для геофизического профиля еще весной. За лето ее затянуло листвой, но она еще просматривалась далеко вперед.

Неожиданно на вершине, в просвете просеки возник, повис в воздухе силуэт большого бесформенного тела. Тело тут же рухнуло вниз и широким махом, беззвучно перелетая через валежины, понеслось по просеке навстречу людям. Некоторое время они завороженно смотрели на ритмично вздымающуюся над поваленными деревьями широкую бурую спину. Сухоруков первый пришел в себя, резко толкнул с просеки Редозубова. Медведь, почуяв людей, взревел, но ходу не сбавил, пронесся мимо, обдав геологов крепким звериным запахом.

— Трифилич, ты цел?

Бледный Редозубов, страдальчески морщась, рывком выдернул из бедра шип элеутерококка длиной в полпальца.

— Прямо в «чертовый перец» приземлился, — проговорил он, выпутываясь из лиан дикого винограда. — Давай-ка, Николай, посидим, что-то ноги у меня ослабли...

Они сидели довольно долго. Возбуждение от встречи с медведем прошло, но что-то другое мягко и властно давило на их волю, притупляло сознание. Редозубов, поддавшись, прикрыл веки, опустил отяжелевшую голову. Сухоруков, не понимая, что с ним происходит, несколько раз приказывал себе встать, но так и остался на месте. В голове кружилось, что-то вспоминалось, но загадочными были эти воспоминания, словно он видел их когда-то не своими, а чужими глазами...

...Капитан, вылив шампанское из бутылок в ведро, мыл им памятник Хабарову у вокзала. К памятнику сквозь толпу зевак продирался милиционер. Увидев его, Капитан приложился к ведру. Шампанское грязными струйками потекло по бороде, по выбеленной дождями и солнцем штормовке. Милиционер приближался, а Капитан не спеша пошел мимо расступившихся людей к такси. Водитель угодливо подрулил, распахнул дверцу. Капитан упал на сиденье, помахал на прощание Хабарову. «Волга», сделав широкий разворот по площади, понеслась в город. За ней вплотную шла вторая, на переднем сиденье которой стояли ржавые, стоптанные до подметок сапоги Капитана...

Сухоруков крепко провел по лицу рукой, прогоняя странное, почти реальное видение, вскочил, яростно затряс Редозубова. Тот рывком вскинул голову, уколол каким-то чужим взглядом, очень похожим на наглый вызывающий взгляд Смагина. Николай отшатнулся, но холод в глазах завхоза сменялся обычным его добродушием.

— Никола-ай... — хрипловато протянул он через некоторое время, словно только что узнал его.

Они так и не поняли, что за наваждение на них нашло. Сумбур в голове прошел, но осталось ощущение чьего-то присутствия, чьего-то внимательного взгляда.

— Неспроста отсюда ушло зверье и птица, — бурчал Редозубов.

— Надо идти, — Сухоруков встал, — по-моему, нас даже кто-то приглашает.

Они не удивились, когда возле запорошенных разноцветной листвой палаток увидели знакомых, но очень странных людей. Воронова, Смагин и Капитан, сидели в совершенно одинаковых позах рядом на бревне. У них было одинаковое выражение лица, одинаковый взгляд. В три пары знакомых глаз на пришедших смотрел кто-то один, далекий и чужой...

ПОЗЖЕ, в Хабаровске, рассказывая об этом случае, Сухоруков и Редозубов не могли вспомнить, что происходило при встрече. Более месяца поисковые группы прочесывали вдоль и поперек Березовый Солдат и ближайшие сопки. Но следов Вороновой, Смагина и Федорова не обнаружили. Лишь две их палатки так и стояли на склоне, уже припорошенные снегом. В палатках ничего не было тронуто — звери обходили сопку

стороной. С наступлением зимы поиски прекратились. К выяснению причин пропажи людей привлекли сотрудников научного центра. Очень уж странными были некоторые обстоятельства их исчезновения.

Сухоруков пропадал в краевой библиотеке, пытаясь самостоятельно понять случай на Березовом Солдате. И вскоре наткнулся на статью, очень его заинтересовавшую. Идея статьи была, что называется, «бредовой». Автор путано рассуждал о возможностях человеческого мозга. Рассуждения сводились к тому, что разум человека, по существу, результат взаимодействия двух полушарий мозга, причем каждое рассматривалось как самостоятельный мозг.

Мозг всех животных симметричен — его правая и левая половины построены однотипно как по составу и количеству отдельных строительных элементов, так и по общей архитектуре. У животных правая и левая половины мозга выполняют и одинаковую работу. У человека же полушария имеют различные функции, это как бы два разных мозга. Совместная их работа и обеспечивает нормальную психическую деятельность. Чем не коллективный разум?

Автор статьи указывал на необъяснимый пока факт — мозг человека использует лишь малую часть своих нейронов. И сделал смелое предположение — «запасные» нейроны использовались, ведь природа ничего не делает напрасно. Другими словами, коллективность разума человека в далеком прошлом, возможно, не ограничивалась двумя полушариями. Могла существовать биосвязь с полушариями других людей. Не прямая связь, как между двумя соседними полушариями, а на расстоянии. Автор приводил исторические примеры — в умах древних значительное место занимали божественные силы, которые настолько для них были реальны, что участвовали в войнах на стороне того или иного народа. В статье были ссылки на Гомера. Долгое время его поэмы принимали за красивую сказку. Но нашелся чудак, поверивший Гомеру, — Генрих Шлиман. И раскопал легендарную Трою... Автор статьи пошел дальше. Он осторожно высказал мысль, что столь же реальны, как и Троя, божественные персонажи «Илиады» и «Одиссеи». Каждый — не что иное, как коллективный разум родственных людей, стоящий над разумом отдельно взятого человека...

Сухоруков, конечно, не принял всерьез «реальность» богов древних народов, но мысли о коллективном разуме его взволновали. Он вдруг понял, что именно в нем разгадка странного поведения трех человек на сопке Березовый Солдат. Николай вышел из библиотеки и машинально прошел несколько остановок, непрерывно размышляя о своей догадке. Возле кинотеатра «Гигант» он присел на скамейку, с отсутствующим видом уставился на афиши и сидел так довольно долго.

Вдруг над кинотеатром беззвучно возник огненный шар яркого желто-красного цвета, диаметром около метра. На глазах многочисленных прохожих шар прошелся вдоль карниза, плавно снизился и полетел над тротуаром, медленно увеличиваясь в размерах. Прохожие замирали на месте, испуганно глядя на непонятное явление. Шар свернул с тротуара к скамейке, на которой продолжал сидеть Сухоруков. Николай почему-то не испугался, напротив, даже подался туловищем вперед, всматриваясь в шар. Он вдруг вспомнил, что происходило на сопке Березовый Солдат...

ТАМ, на сопке, их остановила властная команда, прозвучавшая прямо в мозгу. Сухоруков и Редозубов застыли неподвижно шагах в десяти, поняв, что ближе подходить опасно. Лица сидящих напряглись. На Капитана и Смагина словно лег дополнительный груз. Их черты неуловимо изменились, стали жестче. А с Риты слетела напряженность, она легко вскочила, шагнула навстречу. Глаза ее заполняли слезы...

— Я не могу надолго выходить из структуры *ЕГО* разума, — торопливо заговорила она, — вы выслушайте, не перебивайте.

А Николай смотрел поверх ее головы. За бревном, там, где только что сидела Рита, притаилось странное, вызывающее безотчетный страх существо. Отливающая металлом треугольная голова, ничего не выражающие огромные ячеистые глаза. Тонкие прутики антенны, торчащие на голове, нацелились прямо на Риту. За бревном словно привстал на дыбки гигантский муравей. Рядом с ним виднелись другие.

Что-то угрожающее почудилось Сухорукову в позе «муравья». Он загородил собой Риту и шагнул вперед. Тут же острая боль пронзила виски, заставила остановиться, шагнуть назад.

Рнта сбивчнво говорила, что иа сопке произошел контакт землян н иопланетяи. Прибылн оин с плаиеты Руфа, как ее назвала Рнта, нз далекой Солнечиой системы в созвездни Скорпиона. Биологнческое строеиие иноплаиетян существенио отличалось от строення высших земных органнзмов. И тем ие меиее оии вполие вписывалнсь в земную систематнку животного мнра...

На Руфе, как н иа Земле, жнзиь эволюционировала по двум основным путям: неуклонной машннообразиой целесообразности (классический пример — земиые насекомые, в которых с рождення заложены все иавыкн и знания) н гнбкого, бескоиечно варьирующего поведення (классническнй пример — земные млекопитающие). Второй путь на Земле привел к созданию разумиого существа — человека. На Руфе более плодотворным оказался первый путь...

Мозг насекомого — ндеальный многопрограммиый автомат, превосходящий по ряду параметров современные ЭВМ. На Земле ои так н остался автоматом, в нем не блеснула нскра разума. А на Руфе эволюцня сделала качествеиный скачок в развнтин одного из видов насекомых, по образу жнзни схожнх с земнымн муравьями. Мозг каждого (тот же многопрограммный аппарат) стал нграть еще и роль логнческой ячейкн, которые в совокупностн образовывали коллектнвиый разум. От количества логических ячеек прямо зависела мощь разума. И иа плаиете медлеиио, но неуклоиио пронсходило объединенне большнх н малых разумов.

Связь логнческнх ячеек друг с другом осуществлялась посредством мощных биотоков. Группа в семь-десять нидивидуумов уже способиа к образоваиию отдельиого разума. На планете существовал целый свод законов, регламентнрующих образование этих разумов, так как нмеиио они, а не отдельные бездушиые ницивидуумы представлялн планету.

Разумные насекомые актнвио исследовалн космос. Космическне экспеднцни чаще всего были строго специалнзнрованны. Отправлялась группа в три-четыре нндивидуума, не способиая к образованию разума. Тогда каждый нз ннх выступал в роли жестко запрограммироваиного насекомого — робота. У земиых муравьев в несравненно меиьшем диапазоне наблюдается нечто подобное — у ннх свои солдаты, рабочие, пастухн. Геологов иа Березовом Солдате посетнлн, можно сказать,

коллеги — они были запрограммированы на изучение инопланетных полезных ископаемых. И насекомые выполнили бы свою задачу, не обращая внимания ни на что другое, если бы не непредвиденное обстоятельство...

Контакт двух цивилизаций привел к рождению третьей. Это было удивительно, но это было так. Родился новый разум, носителями которого стали наполовину земляне, наполовину инопланетяне. Мозг людей сыграл роль недостающих логических ячеек.

Процесс рождения нового разума был длительным и мучительно трудным, болезненным, причем в основном из-за людей, перенесших сильный стресс. Рита и Смагин неоднократно теряли сознание. Сказывалась и психологическая несовместимость людей, оказавшихся столь разными. К тому же каждый из них в отличие от инопланетян уже был носителем разума. И подсознательно боялся слияния, отчаянно сопротивлялся. И только высокая пластичность мозга людей, огромное количество запасных нейронов спасли их от безумия.

Закончив свой торопливый рассказ, Рита на прощание обняла Николая и, оглядываясь, пошла к бревну. Николай непроизвольно шагнул за ней, не обращая внимания на боль в висках, но навстречу уже шел Капитан.

— Осторожнее, Иваныч, у *НЕГО* очень высокая реактивность биополя. — Капитан кивнул на сидящих. — Сейчас *ОН* прикладывает все усилия, чтобы вы не включились в биосвязь. В малой степени вы ее почувствовали на склоне после встречи с медведем.

Без Капитана Вороновой и Смагину было очень трудно. Пот градом катился по их лицам. Инопланетянам тоже доставалось, под невидимой тяжестью они жались к земле, оседали за бревном. Капитан с тревогой посмотрел на них, быстро подошел к бревну и уже с места крикнул:

— Об инопланетянах вам придется забыть до нашего возвращения, когда *ОН* достаточно окрепнет!

Через несколько минут Сухоруков и Редозубов остались одни. Трое бывших землян и трое инопланетян попросту растворились в воздухе, исчезли. У оставшихся на время померкло сознание. Придя в себя, они долго смотрели на потемневшее вдруг небо. Поднявшийся ветер потянул почему-то прямо вверх. Осенние

листья, ковром устилавшие землю, закружились вокруг и тоже пошли вверх, закручиваясь спиралью...

ЭТИ воспомииаиия вихрем проиосились в голове, а приближающийся шар между тем вдруг резко увеличил размеры и яркость. В глазах людей потемиело иа иесколько секуид, а когда зрение восстаиовилось, все увидели, что шар исчез. А иавстречу торопливо шла молодая жеищииа в полевой геологической одежде. Николай неувереино подиялся со скамейки, подхватил ее на руки: «Рита!»

— Я вериулась к тебе, — тихо сказала Рита, — вериулась совсем...

Оии медлеиио пошли по проспекту вииз, к реке. Там, в парке, долго сидели на скалистом берегу Амура. Сидели и... молчали.

Сухоруков сразу заметил, что Рита измеиилась. Перед иим был человек, увереииый в себе, неимоверио повзрослевший, ио оставшийся миловидиой молодой жеищииой. Николай иичего ие сказал об этом, ио Рита вдруг улыбиулась своей прежией улыбкой:

— Я иошу опыт трех земных и трех инопланетиых жизией. Но пусть тебя не пугает дистанция между иами. Оиа — временная.

— А где сейчас Смагии и Федоров?

— Смагии, прежний Смагин, ие оставил иа земле ничего, что ои искренне бы любил... Впрочем, иет уже прежиих ии Смагииа, ии Федорова, — Рита помолчала, вздохиула. — Я им очень обязана возвращеиием. Вернув меия на Землю и приняв иа себя дополнительиую нагрузку, оии потеряли возможиость выходить из структуры полиразума даже иеиадолго. Теперь это единый неразрывиый оргаиизм.

И он вскоре предстал перед людьми как сгусток энергии в качестве посредиика между цивилизациями двух плаиет. Он ие был привязан к определениой планете, его домом был безбрежиый океаи космоса. Для полиразума это было вполие возможио: живая материя сделала иовый, качествеииый скачок в своем развитии. И полиразум, как звездиый лоцмаи, иес через космический океан мысли, чувства и чаяиия двух иародов — Земли и Руфы.

Рита иазвала его Капитаиом...

* * *

ОЛЕГ КОСТМАН *рассказ*

СИЛЬНЕЕ ВРЕМЕНИ

В невероятно далеком будущем маячили петровские реформы и основание Санкт-Петербурга. Где-то в дали веков предстояло прозвучать призыву нижегородского гражданина Козьмы Минина об освободительном походе на Москву. Целых два столетия должно было пройти до покорения Сибири Ермаком. Еще даже не отблестели шеломы и кольчуги на Куликовом поле...

А книга эта уже жила.

Я нетороплива вчитывался в ветхую рукопись, и ровные строчки тщательно выписанного устава все глубже погружали меня в мир, давно ставший небытием. С ее страниц дышала степь, шумели города и звенели колокола шестивековой давности. Я представлял себе ссутулившуюся тщедушную фигуру писца, изо дня в день, из лета в лето твердо и старательно выводящего в своей сумрачной келье все эти бесчисленные юсы, глаголи, буки... Какая сила заставляла его, забывая обо всем, вот так корпеть, склонившись над чистыми листами? Ведал ли он, что кто-то, отделенный непроницаемой толщей веков, сможет благодаря ему погрузиться в тревоги, заботы и надежды той далекой эпохи?

За окном спешил, грохотал и засорял окружающую среду двадцатый век, а я все никак не мог стряхнуть с себя мысли, навеянные чтением рукописи.

Сколько раз могли эти листы сгореть в пожарах, утонуть при наводнениях, погибнуть в междоусобицах, да просто исчезнуть безо всяких следов, как во все времена исчезает большинство вещей, которыми каждый день пользуются люди! И все же не погибли, не потерялись, не были объявлены еретическими, а лежали сейчас передо мной, уцелевшие в бурях шести столетий.

Удивительная вещь — слово! Скрылись под толстым слоем земли развалины неприступных крепостей. Забыты могущественные государи, одно лишь имя которых заставляло трепетать десятки народов. Время неумолимо — оно не щадит ничего. И только слово — невесомое, неосязаемое, ничем не защищенное — продолжает жить!..

...Вежливый стук в дверь комнаты прервал мои размышления.

— Гражданин, разрешите? — услышал я незнакомый голос.

Если субботним утром к вам в дверь стучится незнакомый и называет вас гражданином, видимо, следует подготовиться к разговору официальному и, может быть, не совсем приятному.

— Войдите! — откликнулся я, торопливо застегивая рубашку.

Дверь распахнулась, и незнакомец прошел в комнату. Выглядел неожиданный посетитель весьма странно. При взгляде на него в голову невольно приходила мысль, что одежду свою он позаимствовал в какой-то театральной костюмерной, где были свалены в кучу костюмы персонажей из самых разных спектаклей. Из-под распахнутой тужурки — точь-в-точь, как те, что зимой и летом служили комиссарам гражданской, — виднелась щегольская кружевная рубашка с большим бантом. Ноги вошедшего обтягивали джинсы, по контрасту с которыми особенно забавно смотрелись матерчатые боты, в годы моего детства широко известные под неофициальным названием «Прощай, молодость!». Венчала ансамбль неопределенного цвета кепка, словно только что снятая с отрицательного персонажа очередного теледетектива. Притом необычным казался не только наряд незнакомца сам по себе: было в его одежде еще нечто странное, чего я сразу не мог определить.

— Мое почтение! — приветствовал он меня. И приветствие его тоже прозвучало странно.

— Честь имею! — в тон ему ответил я. — Чем могу служить?

Я указал на кресло — самое обыкновенное, не очень новое кресло. Но он уселся в него так осторожно и почтительно, словно это был по меньшей мере трон какого-нибудь из Людовиков.

— Позвольте мне прежде всего удостовериться, — с непонятной церемонностью начал он, — не ошибся ли я в адресе? Вы, как мне было говорено, занимаетесь исследованием древних книг?

— Совершенно верно...

— Стало быть, все правильно. Смею заметить, я ваш коллега. Я вижу, речь моя не вполне привычна вашему уху. Прошу вас, не обращайте внимания — на то есть причина. Скоро я заговорю в точности как вы. Кстати,

пока мы не приступили к делу, по которому я прибыл, не будете ли вы так любезны сообщить, к какому веку относится сей манускрипт?

Боже, как витиевато он говорит!

— К четырнадцатому... А что?

— К четырнадцатому?!

Он вскочил с кресла и завороженно впился глазами в страницы так, словно книга относилась по меньшей мере к четырнадцатому веку до нашей эры. И это тоже было странно. Конечно, шестьсот лет — возраст, вполне заслуживающий уважения. Но все же для профессионального археолога шестисотлетняя рукопись — не такая уж, в общем, диковинка.

С превеликой осторожностью ранний гость перевернул несколько страниц.

— Весьма сожалею, но позволить себе познакомиться с этим подробно, увы, не могу. Время, отведенное мне, крайне ограничено. Да, по чести говоря, и специализируюсь я совсем по другой эпохе... Поэтому давайте обратимся к делу.

«Полегче на поворотах, коллега! — мысленно осадил я его. — Время, отведенное тебе, видите ли, крайне ограничено... А есть ли время у меня — этим, значит, интересоваться не стоит?»

— Когда вы узнаете, что привело меня сюда и какая роль отводится в нашем деле вам, вы отложите в сторону то, чем сейчас занимаетесь, и посвятите все свое время и силы именно этому...

Мне показалось, он прочитал мои мысли. Однако не слишком ли он самоуверен? И дело уже стало «нашим», и роль мне какая-то в нем отведена...

— То, что вы сейчас услышите, скорее всего покажется вам невероятным, — продолжал он. — Но я прошу поверить всему, что будет мной сказано. События двух ближайших дней убедят вас, что я говорю правду. И потом, у вас все-таки двадцатый век...

(«А у вас?» — чуть было не сказал я.)

...И эта идея достаточно хорошо известна. По крайней мере, фантасты ваши изволили съесть на этом деле не одну собаку. Скажем, в том же четырнадцатом веке объяснить все бывает значительно сложней...

(«Хотел бы я знать, каким образом ты мог бы объяснить хоть что-нибудь людям четырнадцатого века...»)

— Я уже сказал, — невозмутимо продолжал гость, — что занимаюсь древней литературой. Только

мы с вами вкладываем в данное понятие различное содержание. Потому что для меня древняя литература — это книги, по времени к вам куда более близкие, а также сочинения ваших современников и даже потомков...

Я бросил взгляд на телефон. Как бы сейчас узнать, психиатрическая «Скорая помощь» — тоже ноль-три? Жаль, никогда раньше этим не интересовался...

— Не торопитесь с психиатром. Поверьте, я говорю правду!

Мне опять показалось, что он прочитал мои мысли... И тут внезапная догадка обожгла меня.

— Вы что же — хотите сказать, будто явились из будущего?..

— Вот видите, вы уже сами все поняли...

Карандаш в моей руке хрустнул и переломился.

— Чем вы это докажете?

— Сейчас — ничем. Поймите, я не могу отвечать на вопросы, касающиеся будущего относительно момента нашей встречи...

— И даже на один-единственный, сугубо личный?

— Вы желаете узнать, сколько лет вам осталось жить? — впервые за все время улыбнулся грустно гость. Его умение читать мысли производило ошеломляющее впечатление.

Ладно. Примем эту игру. Допустим, он действительно каким-то образом прибыл из времен грядущих. Но ведь на меня-то он наткнулся не случайно — судя по его словам, именно я и был ему нужен. Это что — о моей персоне еще помнят в его далеком веке?

Разумеется, гость и в этот раз прочитал мои мысли.

— Да. То, что я пришел именно к вам, совсем не случайность. Не хочу вас обольщать — ваши витаскульптуры не стоят в спальнях наших барышень рядом с витаскульптурами какого-нибудь Педро Ямамото. Но в кругах специалистов по древней литературе ваше имя достаточно известно...

Ах, какая захватывающая перспектива! Любопытно, это через сколько же столетий? Переборщил, приятель, переборщил... Но кто же ты на самом деле? И зачем я тебе нужен?

— Вы сказали — Педро Ямамото?

— О, совсем забыл — вам же это имя ничего не говорит! Педро Ямамото — наш знаменитый брилингист, кумир молодежи...

— Брилингист — это кто: музыкант, актер, спортсмен? И что такое витаскульптура?

— Брилингист — это брилингист, — с улыбкой, но твердо прервал он меня. — Не пора ли нам все же перейти к делу?

Это было сказано так, что я понял — игра кончилась.

— В чем состоит ваше дело?

— Я сказал, что у нас ваше имя известно. Но вы не дали мне закончить — известно не по тем исследованиям, которыми вы занимаетесь. Будем смотреть правде в глаза — память веков очень строго отбирает имена...

Открыл Америку! Я и раньше как-то догадывался об этом...

— Ваша историческая роль, — спокойно и уверенно продолжал гость, — будет состоять в другом: вы поможете нам сделать достоянием человечества то, что потом назовут одним из величайших шедевров вашей эпохи — неизвестную современникам книгу, одну из тех, по которым века спустя люди будут судить о вашем времени...

Вот это да! Лучшая книга эпохи — ни больше ни меньше!

— Только сначала такую книгу не мешало бы еще написать...

— Она уже написана...

— Уж не вами ли? — Я опять почувствовал себя объектом нелепого розыгрыша.

— Вы все еще не верите? Повторяю — через два дня вы будете иметь достаточно доказательств, чтобы убедиться: я тот, за кого себя выдаю...

— Но почему же о таком ценном, как вы утверждаете, достоянии никто из современников даже не догадывается?

— Вы не досказали свой вопрос. Вы ведь еще подумали: «Стоит ли тогда вообще о нем догадываться?» Браво! Блестящая идея! Разумеется, не заметить — проще всего. К тому же не заметить — это ведь вовсе не то что отвергнуть! Тут совесть чиста — никто никому не должен...

— Ну, знаете, это уже переходит границы...

— Простите... Я не имел в виду лично вас... Но вы спросили — я отвечаю. Извольте дослушать! Я хотел сказать вот о чем — кто возьмется сосчитать те костры, на которых горели не оцененные современниками вели-

кие творения? За десятки веков люди позволили потоку времени поглотить вот так, незамеченным, вместе с мусором эпох столько ценного и важного... А ведь были еще и другие костры — те, на которых жгли создавших эти творения...

— Что вы хотите этим сказать?

— Слушайте! Пока в поток бросают шелуху, течение легко уносит ее. Но если в него столкнуть огромную глыбу, она останется на месте, заставляя измениться само течение — вместо прежнего плавного движения появляются воронки, завихрения... Это же очевидно...

— Вы полагаете, что нечто подобное происходит и в потоке времени?

— По сути — да. И не полагаю, а знаю. Законы природы универсальны. Хотя внешне это проявляется совсем не так. Поэтому лишь научившись плавать во времени против течения, люди открыли, что есть вещи, которые не могут бесследно кануть в прошлое. Потому что они адресованы будущему, они — сильнее времени. И всякий раз, когда современники обрекают их на забвение — безразлично, по неведению или с умыслом, — нормальный ход времени нарушается. К сожалению, это тоже поняли слишком поздно. Многое уже необратимо. Но часть завалов на реке времени мы сумели ликвидировать...

— Странно... Вы говорите об очистке потока времени точно так же, как мы — о борьбе против загрязнения окружающей среды...

— Чего же тут странного? Меньше, чем за сто лет до вас мысль о том, что природу надо охранять от человека, вообще никому в голову не приходила. Ваши современники постигли необходимость заняться этим. Но со словом «природа» вы пока связываете только пространство. А время — это ведь тоже окружающая среда...

— Выходит, чтобы восстановить нормальный ход времени, приходится взламывать историю?

— Нет. История не делается дважды — ее невозможно переписать заново. Существует единственный способ — предоставить кому-то из живущих в прошлом шанс не допустить, чтобы ход времени нарушился...

Черт возьми, а если это все же правда? Кому же я должен помочь опубликовать такую книгу — сильнее времени? И почему вдруг для такого дела нужна имен-

но моя помощь? В голове замелькали имена известнейших писателей разных стран...

— Тем, о ком вы сейчас подумали, помощь не требуется. Ваша задача — открыть современникам слова, сказанные одним из тех, кто... — гость на секунду запнулся, — живет в вашем городе.

В нашем городе? Вот так штука! Кто бы это мог быть? Неплохие книги есть у Александра Петровского. Но он уже много лет, с тех пор, как возглавил толстый журнал, не живет в нашем городе. Может, Василий Ситечкин — известный поэт, лауреат...

— И вы уверены, что мне удастся сделать эту книгу достоянием человечества?

— Да. Только это будет нелегко. И удастся далеко не сразу.

— Что же, мне предстоит стать кем-то вроде Мусина-Пушкина?

— Мусин-Пушкин?.. — Гость слегка задумался. — А, вспомнил! На встречу с ним ушел один мой коллега. Он должен был посоветовать ему с великим тщанием поискать... Нет, в ваше время, наверно, лучше сказать по-иному — порыться как следует... Да, порыться как следует в библиотеке одного старого монастыря. Именно там, по нашим сведениям, хранился уникальный шедевр, о котором тоже обязательно нужно было сообщить людям. Верно? Ну, если хотите, можете считать, что у вас с ним схожая задача... А сейчас скажите, на каком автобу́се я смогу доехать до площади Героев?

Он так и сказал — не «на авто́бусе», а «на автобу́се», как говорили в двадцатых годах. Мне сразу вспомнилось маршаковское: «Бежит, подбрасывая груз, за автобу́сом автобу́с». Странно... Судя по его языку, он вовсе не из будущего, а скорее откуда-то из минувших времен. Все эти «автобу́сы», «барышни», «манускрипты», старомодная церемонность...

— А вы, что же, думаете, это так просто — с ходу абсолютно точно войти в нужный хронологический срез живой речи?..

(«Вот дьявол! Никак не могу привыкнуть, что он читает мысли!»)

...— Вы, не испытавшие обратимости времени, привыкли в обыденной жизни воспринимать язык как некую статичную систему, хотя теоретически и знаете, что он постоянно развивается. А мы, хронавты, чувствуем

это на каждом шагу. И не всегда получается говорить так, чтобы не прорвалось ни одного странного на слух живших в данном времени оборота. Вот откуда все мои «барышни», «манускрипты», «автобу́сы». И «бриллингисты», между прочим, тоже... Впрочем, сейчас это уже вряд ли имеет какое-нибудь значение, — непонятно для чего добавил он и замолчал.

— А одежда! — подхватил я, радуясь, что могу продолжить его мысль. — Ведь это, наверно, еще хуже, чем язык! Стоит ошибиться с модой на какой-то десяток лет — и ты уже донельзя смешон! Когда вы шли по улице...

Спохватившись, я закрыл рот и в который раз подумал, что, безусловно, не рожден быть дипломатом.

— Я не шел по улице. Я сразу оказался у вас...

(«Точно, — только тут дошло до меня, — он ведь даже не позвонил в квартиру... Он постучался прямо в комнату. Как я не обратил на это внимания сразу!»)

— ...а мой наряд — вопрос особый, — грустно улыбнулся он. — Дело в том, что хронотранспортировка требует колоссальных затрат энергии и подчиняется очень сложным закономерностям соответствия времен. И если бы в моем веке пропустили ту временную точку, из которой возможен прыжок в ваш сегодняшний день, повторить попытку уже не удалось бы. А мы слишком долго не могли выяснить, как это все у вас произойдет. Детали операции во всех подробностях определились буквально в последний момент — времени на подготовку почти не оставалось. Вот и пришлось материализовывать первую попавшуюся типичную одежду двадцатого века...

Теперь я наконец понял, чем еще казался неестественным наряд гостя. На нем не было ни одной поношенной вещи. Вся одежда выглядела так, словно была только что куплена в ближайшем магазине.

— Но сейчас-то придется выйти на улицу в том, что на вас надето?

— Я очень скоро от всего этого избавлюсь. Такая возможность предусмотрена. Ну, что? Значит, до встречи через два дня...

Слова насчет встречи он произнес почему-то очень печально.

* * *

Древняя рукопись по-прежнему лежала передо мной. И я по-прежнему скользил глазами по строчкам, но слова уже не доходили до сознания. Мысли были заняты только странным незнакомцем, который говорил о таких невероятных вещах, но которому так хотелось верить!

Кто же он, неизвестный земляк, подаривший миру главные слова эпохи? И каким образом я смогу сделать их достоянием человечества? Наступил вечер, но я все не мог успокоиться. И даже когда пошел спать, долго ворочался в постели, вспоминая каждое сказанное гостем слово...

А утром меня разбудил телефонный звонок. Голос в трубке, показавшийся страшно чужим, произнес только три слова:

— Ильи больше нет...

— Что вы сказали? — автоматически переспросил я с подсознательной надеждой, что ошибся, чего-то недослышал, не так понял...

Впрочем, такие известия всегда обрушиваются неожиданно. Но Илья... Кто угодно, только не он! Что случилось? Почему? Какая-то нелепая катастрофа... Как он себе позволил? Все живы, а его уже нет... Мозг сразу распух от множества подобных вопросов. В эти минуты они вовсе не кажутся нелепыми, словно от кого-то зависит, устранив всеобщую несправедливость, сделать все по-другому, словно на вопросы эти можно дождаться ответа...

Во мне будто оборвалась какая-то струна. А ведь я, пожалуй, даже не мог бы назвать его своим другом.

Но мне всегда нравилось бывать у него. В его присутствии сразу становилось как-то удивительно легко — еще ни о чем не спросив, даже не сказав ни слова, он словно уже принимал на себя тот незримый, но подчас такой тяжелый груз, который камнем лежал у вас на душе. С ним всегда было интересно поговорить — он умел взглянуть на многие вещи с совершенно неожиданных точек зрения. С ним хорошо было даже просто молчать: сидеть в одной комнате, заниматься каждому своими делами и молчать — час, и два, и три... Господи, да не о том я говорю — разве это главное?.. А еще ему можно было выложить все, ничего не утаив — без опаски, что это будет встречено ответным потоком притворно-показного сочувствия, демонстрацией строго до-

зированной откровенности или пошловатой бодряческой улыбочкой — мол, брось расстраиваться, другим бы твои заботы... Бывали случаи, когда, повинуясь какому-то внезапному порыву, перед ним начинали исповедоваться совершенно незнакомые люди. Не совета искали они — он редко давал кому-нибудь советы — понимания.

Только такое случалось нечасто. Большинству он казался весьма недалеким суховатым молчуном, равнодушным к радостям жизни. Основания для этого имелись: он никогда не стремился быть модным — ни в одежде, ни в интересах, ни в пристрастиях, избегал обычно шумных компаний. А если все же оказывался в них, то предпочитал молчать сам и не разделял всеобщих восторгов теми, кого обычно называют душой общества. Прочная репутация неудачника сложилась у него и в личной жизни, и в служебных делах. Давно обогнали его на должностной лестнице те, кто пришел работать значительно позже. А он все сидел за тем же самым столом, куда его посадили в первый день, и на той же самой ставке, которая значилась в приказе о его зачислении на работу.

Мне и другим, кто был знаком с ним получше, все это казалось странным — ведь мы-то знали, каким ярким и остроумным собеседником он может быть, какая огромная эрудиция скрывается за его почти всегдашней отрешенностью и молчанием. Но мало ли как может складываться у человека жизнь!

И вдруг такая развязка!

Я тут же отправился к нему. Весь день заняли обычные в этой ситуации хлопоты — надо было помочь родственникам и тем немногим, кто пришел разделить их горе, проделать все неизбежные в таких случаях процедуры. На следующий день мы хоронили его. Моросил нудный дождь. Все прошло тихо и незаметно, без громких речей и пышных венков.

Занятый этими печальными обязанностями, я совсем забыл о своем таинственном госте. И лишь вечером, дома, когда я опять услышал негромкий стук в дверь, вспомнил о нем и понял — он вернулся.

* * *

Честно говоря, сейчас у меня не было никакого желания его видеть. Не зажигая света, сидел я в сгустившихся сумерках с фотографией Ильи в руках. Не до

гостей мне было в эту пору. И я подумал, что впущу его лишь на несколько минут — только чтобы сказать, что у нас, в двадцатом веке, случаются такие ситуации, когда простительны нарушения обещаний.

Но не сказал ни слова.

Потому что когда он вошел, включил свет и положил на стол принесенную стопку папок — обычных картонных папок, которые всегда можно купить в любом магазине канцтоваров, — все поплыло у меня перед глазами. На корешке каждой из них я увидел надпись, сделанную характерным размашистым почерком, не узнать который было невозможно. Точно такими же легкими летящими буквами была надписана фотография в моих руках.

— У меня в запасе два часа. Я проведу их у вас, — безо всяких предисловий спокойно сказал гость. — Просмотрите то, что я принес. Может быть, вам потребуются от меня какие-нибудь пояснения...

— Это в самом деле главные слова эпохи?

— Да...

Дрожащими пальцами я развязал тесемки первой папки. Края папки были слегка обгоревшими, словно кто-то бросил ее в огонь, но огонь этот вдруг погас... Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Вот ведь как обернулись события...

— Это и есть то, что сильнее времени?

— Да...

Пальцы стали совсем непослушными — из рук выпали и веером рассыпались по полу аккуратные машинописные листки. Я неловко собрал их и стал читать.

Впоследствии я очень внимательно перечитывал все, что было в папках. Но ни в тот самый первый момент, когда потрясенный и ошеломленный открывшимся мне, я торопливо пробегал глазами страницу за страницей, ни потом, когда методично вчитывался в каждую строчку, я так и не смог раскрыть заключенный в них секрет гениальности. Только много позже я понял: никакого такого секрета здесь и не удастся обнаружить, потому что гениальность — это вовсе не сумма неких приемов, которые всегда можно повторить, а нечто совсем иное, постигать которое надо только самому и каждый раз заново...

...Гость сидел в кресле, рассеянно глядя перед со-

бой. Казалось, до меня ему не было никакого дела. А я все перелистывал страницы, не в силах оторваться от рукописей Ильи. Я читал о вещах, которые происходят каждый день, и о том, чего не может быть никогда. Все это самым тесным образом переплеталось, образуя удивительно ограниченный мир, все жило и светилось. Многое здесь было непривычным, странно парадоксальным — чтобы постичь внутреннюю логику написанного, требовалось сделать некоторое усилие, отойти от устоявшихся представлений, быть готовым к тому, что нечто великолепно знакомое вдруг предстанет перед тобой в небывалом ракурсе. Но ведь гений — на то и гений, чтобы взламывать устоявшуюся привычность, приносить в мир не только новые мысли, но и сам образ мышления, рожденный необъяснимым взрывом внезапного озарения, взрывом, зачастую испепеляющим и самого создателя шедевра.

Книга века... А ведь и написать-то успел всего ничего, подумалось мне об Илье. И ни разу даже не заикнулся, что пишет... Какая же сила заставляла его столько лет, забывая обо всем, изо дня в день корпеть, склонившись над своими твореньями? Ведал ли он, что́ будет значить для грядущих веков написанное им?

И вдруг в сознании молнией пронеслась страшная мысль.

— Преступник! — яростно закричал я, бросаясь на своего гостя. — Преступник! Ты знал, что так случится, и ждал, даже не пытаясь помешать этому!

Впоследствии мне всегда будет очень неприятно вспоминать о том, что произошло в следующие секунды. Таким я себя никогда не помнил. Я был готов вцепиться ему в глотку, душить его, раздирать на части. Только руки, уже почти впившиеся в незнакомца, вдруг натолкнулись на какую-то незримую преграду.

Гость сидел не шелохнувшись, все так же рассеянно глядя перед собой. И от этого его невозмутимого спокойствия я распалялся еще больше. Ненависть душила меня, я колотил кулаками по невидимой стене, разделившей нас, и исступленно кричал:

— Ведь ты мог, ты все мог! Но тебе дела не было до живого человека! Тебе были нужны только эти проклятые бумажки! Да гори они все синим пламенем, только бы он сейчас был жив!

— Рукописи не горят! — жестко отчеканил посланец будущего.

То ли он использовал какой-то свой прием, то ли просто напряжение, охватившее меня, уже получило необходимую разрядку, но ярость вдруг ушла так же внезапно, как и появилась. В изнеможении я рухнул на пол. Бить и крушить уже не хотелось. Хотелось только разрыдаться — стало так горько и обидно, как бывает разве что в раннем детстве.

Неужели они там, в будущем, такие бездушные и черствые? Да и что для них наша жизнь — если честно разобраться, лишь объект бесстрастного и беспристрастного исследования, не больше. У них есть цель, которую они осуществляют — добросовестно и педантично. Рукописям они сгореть не дадут — и на том спасибо. Что же касается судьбы самих создателей шедевров — какое им, бесконечно далеким от нас, дело до мук и радостей этих гениев?.. Нас ведь тоже не очень-то беспокоят перипетии личной жизни какого-нибудь строителя египетских пирамид. Может быть, и в самом деле таково свойство больших промежутков времени: возвышать творение над его создателем, событие — над участником. И, как говорится, ничего тут не попишешь...

Но нам-то дано видеть прошлое только издали. А для них, странствующих во времени, люди минувших веков — это же реальные, во плоти и крови, личности!

Перед глазами стояло лицо Ильи — живое, улыбающееся... Какие еще шедевры он мог бы создать, попытайся пришелец использовать хоть малую толику своих возможностей! Да что там использовать — достаточно было в ту первую встречу просто обо всем рассказать мне, даже не рассказать — единым словечком намекнуть...

Не намекнул... Зато сейчас донельзя доволен и горд. Еще бы: куда как эффектно — открыть вдруг взорам пораженных людей очередное сокровище, которое было едва не затоптано ими, — главные слова двенадцатого, двадцатого или какого еще там столетия... Кушайте, мол, на здоровье, наслаждайтесь, современнички, приятного вам аппетита. И помните, как мы вас осчастливили!

С ненавистью смотрел я на своего гостя.

— Немедленно убирайся отсюда! Слышишь! Я не желаю видеть тебя больше ни секунды! Задачу свою

ты выполнил: с рукописями будет сделано все, что нужно, — можешь не беспокоиться...

— Спасибо. Только вам придется потерпеть мое общество еще некоторое время. Двух часов не прошло, а в этом кресле так уютно... Да и некуда мне убираться.

— То есть как это некуда? — опешил я.

— Может быть, вы хотите предложить мне обратный билет?

— Какой еще билет? — Я опять ничего не понимал.

— Мне не хотелось рассказывать вам об этом... Есть такие простые вещи, говорить о которых очень трудно... Существует одно обстоятельство... Словом, чтобы выполнить то, для чего я был послан в вашу эпоху, я должен был пропустить временну́ю точку, из которой еще возможна обратная хронотранспортировка. Придя к вам, я сказал, что у меня в запасе два часа. На два часа хватит энергии моего изолирующего поля — вот что это значило.

— И... что будет... потом?.. — Язык у меня вдруг стал деревянным.

— Ничего. Пустота.

— И... вы...

— Да. Я знал об этом. С самого начала... Ну что вы на меня так смотрите?

Наверно, я и в самом деле смотрел на него в этот момент так, как никогда ни на кого не смотрел. Мне вдруг явственно представился жаркий бой — и он, в вылинявшей, по́том просоленной гимнастерке, готовый, стиснув зубы, броситься с последней гранатой под вражеский танк... Но ведь когда под танки — это война, это решается судьба страны, а другое дело...

— Когда речь идет о судьбе гениальных творений, — властно раздался его голос. — Это не другое дело, это тоже первое дело. Иной возможности здесь не было — иди так, или вообще никак. Я сделал свой выбор. Рукописи не горят! — еще раз твердо повторил он. — В ваше время эти слова, кажется, уже были классикой...

«А ведь это и вправду бой! — вдруг подумалось мне. — Бой, где победить необходимо любой ценой. И он сделал свой выбор — вступил в этот бой как солдат, который поднимается в атаку, даже зная, что гибель неизбежна... Потому что иначе нельзя, — внезапно осенило меня. — Иначе прошлое, в котором о чем-то важном забыли, прошли мимо него, становится опас-

ным — оно нарушает нормальный ход времени, превращается в нечто вроде мины, заложенной против будущего... Так вот почему не горят рукописи! И не о себе ведь *они,* такие, как мой гость, думают — уж для них-то наверняка не осталось в минувшем ничего забытого. Они хотят для каждого поколения открыть сокровища, о которых человечество и не подозревает, они готовы жизнь отдать за это — спасибо им великое! Только... Сберечь такой ценой вещь, даже не попытавшись спасти ее создателя... Этого я не понимаю... И разве в одном Илье дело?»

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — прервал он меня. — Стоит нам только захотеть — и не окрасится кровью снег в то январское утро у Черной речки, не рухнет к подножию Машука простреленный поручик Тенгинского пехотного, долгие годы еще будет греметь могучий бас командора вашей поэтической революции... Так? А почему вы считаете, что этого хочется только вам? Нам тоже этого хочется — не меньше вашего. Нам, может быть, много чего хочется видеть в прошлом иным. Только история не делается дважды — переписать ее заново невозможно... Это вы понимаете? В вашем веке расстреляли Лорку и отрубили руки Харе, вашим веком пережита величайшая трагедия истории, в вашем веке доведены до совершенства системы уничтожения человечества — это вы понимаете? В вашем веке — не в моем! И не говорите сейчас, что от вас все это никак не зависит — от каждого как-то зависит. Не перебивайте, пожалуйста! Дайте закончить — мне осталось немного... Вы в своем времени не гости: вам отвечать за него — и за беды его, и за победы. И только вам, современникам, по силам определять его ход — никто другой за вас этого не сделает, даже если захочет. Так постарайтесь распоряжаться своей эпохой так, чтобы потомкам не захотелось увидеть ее иной. Ни в чем не захотелось — даже в самой малой малости. И чтобы не понадобились больше такие экспедиции, как моя... Постарайтесь...

Он внезапно умолк, откинулся на спинку кресла, посмотрел на часы.

— Ну а что касается рукописей, для вас ничего не осталось неясным?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну вот и хорошо...

Может быть, он ждал, что я сейчас удалюсь, дам

ему возможность провести оставшиеся минуты наедине с собственными мыслями. Но я, словно ребенок, которому никак не показывают обещанный фокус, поспешно, прежде чем успел что-либо сообразить, выпалил:

— Пожалуйста, расскажите о будущем — хоть что-нибудь! Какое оно?

— Какое оно? — Гость мягко улыбнулся чему-то своему. — Хорошее... Хотя во многом и не такое, каким его обычно изображали в ваше время. Молочные реки в кисельных берегах у нас не текут. И рецепт всеобщего счастья тоже пока что не открыт... Мы радуемся любимой работе — как и все, кто жил до нас. Мы ценим дружбу и презираем подлость — в наше время она тоже иногда встречается... Мы знаем, что не успеть нам охватить все сущее, и завидуем тем, кто придет в мир после нас, потому что они сумеют шагнуть дальше. Разве вашим современникам эти чувства не знакомы?.. Ну что еще вам сказать? Мы многое можем: у нас надежные помощники — умные и добрые машины... Впрочем, вас, гуманитария, технические достижения ведь мало волнуют. А человек — всегда человек, на все времена. И на все времена ценность его не в том, в чем он повторяет других, а в том, чем он от других отличается. Для нас эта истина бесспорна... Как сказали бы в древности, дай-то бог, чтобы он и дальше оставался таким же. А дел у него — много! На миллионы лет... Вот что я могу рассказать вам о будущем... А теперь принесите, пожалуйста, немного воды. Только подольше спускайте ее из крана, чтоб была похолодней...

Я вышел в кухню. Это заняло, наверное, около минуты. Может быть, даже меньше. И когда я возвратился, в комнате ничего не изменилось. Не сдвинулся с места ни один стул, ни одна книга не свалилась со стеллажа, из аквариума не выплеснулось ни капельки воды... Лишь кресло, в котором только что сидел мой гость, было уже пустым.

Понимая всю нелепость своих действий, я распахнул дверцы шкафа, заглянул под тахту, кинулся в ванную, потом подбежал к окну (шестой этаж, нет ни балкона, ни водосточной трубы поблизости, но чем черт не шутит!)... Все четыре шпингалета, как им и положено, были добросовестно вогнаны глубоко в свои гнезда.

Да, теперь бы я дорого дал, чтобы все, связанное

с этим визитом, оказалось розыгрышем! Только сейчас я почувствовал, как сильно устал — от всего, что свалилось на меня за этот проклятый день. Я опустился в кресло, еще хранившее чужое тепло. В нем действительно было очень уютно — раньше я как-то не обращал на это внимания. Странное состояние полудремы-полубодрствования начало мягко обволакивать тело. Я вроде бы еще воспринимал окружающее, но уже никак в нем не участвовал. Очертания знакомых предметов постепенно как бы растворялись в воздухе, звуки стали доноситься словно через слой ваты, потом исчезли совсем...

— Рукописи не горят! — вдруг снова четко прозвучало в ушах.

Я вздрогнул, открыл глаза.

С фотографии на столе требовательно смотрели большие печальные глаза Ильи. Рядом лежала старинная рукопись и возвышалась стопка папок — обычных картонных папок, которые всегда можно купить в любом магазине канцтоваров. Верхняя все еще была раскрыта. Я положил ее на колени и бережно расправил листки...

* * *

АЛЕКСАНДР БАЧИЛО *повесть*

ПРОСТАЯ ТАЙНА

Среди ночи под окном вдруг громко фыркнул невесть откуда взявшийся грузовик. Ровный гул мотора наполнял комнату, заставляя дребезжать посуду в шкафу. Хлопнула дверца кабины, и сейчас же кто-то забарабанил в дверь подвала.

Вот кретин, подумал Игорь, вставая и нащупывая ногой тапочки. На балконе было довольно свежо. Ежась от ночного холодка, Игорь перегнулся через перила и громко сказал в темноту:

— Эй, друг! Никто тебе не откроет — здесь подвал! Слышишь? Эта дверь давно заколочена, лет пятьдесят назад, наверное... Так что давай, не топчи своим кабриолетом траву, а езжай домой и спать ложись!

От двери отделилась размытая фигура и вышла на

свет. Это был молодой парень в кепке и расстегнутой до пупа рубашке. Он с интересом разглядывал Игоря.

— Заколочена, говоришь? От, комики! Что же делать-то теперь? Выдергу бы, что ли... — парень сдвинул кепку на нос и задумчиво почесал в затылке.

Вдруг раздался скрип, и на ступенях, ведущих к подвальной двери, заиграл тусклый, красноватый отсвет.

— Что стоишь? — прохрипел кто-то шепотом. — Быстро разгружайся!

Шофер кивнул и побежал к машине. Он забрался в кузов и стал скидывать на землю тяжелые ящики. На Игоря он не обращал больше ни малейшего внимания.

Из подвала между тем выскочили какие-то люди и утащили ящики один за другим внутрь. Когда работа была закончена, шофер подошел к подвальной двери, и тот же хриплый шепот произнес:

— В следующий раз, как приедешь, сразу начинай сгружать. Ломиться не надо. А тем более болтать.

— Так я ж думал, раз он тут живет...

— Кто живет? Где живет? Ты соображаешь, что говоришь?

— А-а, ну, ясно... Только ведь он смотрит. И слышит, наверное. Или ничего?

— Тебя это не касается. Им займутся.

В комнате за спиной Игоря вдруг зазвонил телефон. Кому бы в такое время? Странно. А тут еще эти типы под балконом — о чем они болтают? Игорь нехотя вернулся в комнату, подошел к телефону и снял трубку.

— Да!

— Вампира вызывали? — прохрипел знакомый шепот.

— Что? — едва вымолвил Игорь, у него перехватило дыхание.

— А испугался, верно? — прошептала трубка. — Ну шучу, шучу! Ты, кстати, почему не спишь-то? Погляди-ка, ночь ведь на дворе! В эту пору добрые люди спят и сны видят. Усек? Действуй!

Мягкая волна толкнула Игоря в грудь, он выронил трубку и попятился к кровати, на ходу проваливаясь в бездонную глубину сна. Где-то вдалеке проскрежетала и захлопнулась подвальная дверь...

...Прошло уже немало времени с тех пор, как в цветущей долине среди неприступных гор собрались со всего света люди, знавшие о таинствах и самом устройстве

Природы больше, чем весь остальной мир. Они съехались туда вместе с семьями и имуществом, в надежде обрести покой, необходимый для продолжения их трудов, и дать отдых сердцам, израненным зрелищем нескончаемых кровопролитий, творящихся по всей земле.

Но мир не хотел оставить в покое бежавших от него. С каждым годом он все ближе подступал к укромной долине, сжимая свои окровавленные пальцы на горле сокровенной мысли.

И вот, когда уже казалось, что спасения нет, новая тайна открылась вдруг мудрецам, населявшим долину...

Фу-ты, черт! Игорь приподнялся на локте и оглядел комнату. Одеяло лежало на полу. В лунном прямоугольнике у кровати аккуратно стояли тапочки. По-ночному громко отстукивал будильник, словно изо всех сил старался подтолкнуть время к рассвету. Все было спокойно. Однако Игорь встал, внимательно оглядел комнату и направился к окну.

Приснится же такое, думал он. И, главное, абсолютно, как наяву! Он мог бы поклясться, что видел минуту назад у себя под балконом новенький грузовик, и парня в кепке, и все остальное... если бы не одна маленькая деталь. Да-да, если бы не телефон. Ну, в самом деле, откуда у него телефон? Нет у него никакого телефона. И никогда не было. А ведь он даже не удивился, услышав звонок! Нет, такое может быть только во сне!

Игорь вышел на балкон (там действительно было прохладно) и, перегнувшись через перила, постарался разглядеть подвальную дверь. Нет, не видно. Да и что там можно увидеть?

Игорь выпрямился и, сладко потянувшись, шагнул было обратно в комнату, но сейчас же сильным ударом в спину был отброшен в сторону и растянулся во весь рост на полу. Дверь на балкон захлопнулась позади него.

Как ужаленный, Игорь вскочил на ноги и вдруг заметил темный силуэт на фоне окна.

— Кто здесь? — хотел крикнуть он, но из горла вырвалось лишь неопределенное бульканье.

— Тсс! — послышалось от окна. — Успокойся, прошу тебя!

Темная фигура приблизилась к Игорю и превратилась в девушку, стройную и наружности, кажется, при-

ятной, если бы не странная, какая-то угловатая прическа, из-за которой он, собственно, и перепугался поначалу.

— Вы откуда? — спросил он теперь скорее с удивлением, чем со страхом.

— Издалека, — прошептала она, — или, вернее, снизу.

— Из подвала, что ли? — спросил Игорь. Насчет сна он уже не был уверен.

— Да, в том числе...

— Понятно.

Игорь вдруг вспомнил, что он в одних трусах, торопливо взял с кровати одеяло, задрапировался в него и, подойдя к столу, включил привинченный к полке фотографический фонарь, заменявший ему настольную лампу.

Девушка продолжала стоять посреди комнаты, осторожно осматриваясь. С первого взгляда на нее Игорь понял, что его гостья не просто весьма странная девица, но и явно нездешняя. Существенно нездешняя. А это значит...

Что это значит, было пока неясно, поэтому он только молча глядел на нее, придерживая одной рукой одеяло и лихорадочно соображая, что бы такое сказать, приличествующее моменту.

— Ты живешь здесь один, — произнесла она наконец.

Это не было вопросом, но Игорь ответил:

— Да.

— Сюда никто не приходит? — на этот раз она спрашивала, и видно было, что это не праздный интерес.

— Ну, как... приходят иногда, — ответил Игорь. Он решил перевести разговор на тему, которая его интересовала больше всего. — Вот, например, сегодня ты пришла, и мне теперь очень интересно, откуда и каким образом... И, кстати, что это за возня у нас в подвале?

— В подвале? Крысы, наверное. Больше никого там нет. Темно и тихо.

— Но ведь дверь в подвал только что кто-то открывал. Вот эту, под моим окном. Какие-то ребята затащили туда десяток ящиков, вошли сами и закрыли дверь за собой. Не заметила?

Господи, зачем он все это ей объясняет? Давно пора спросить, что ей здесь нужно, и как она сюда попала.

— Обычным путем.

— Что? — не понял Игорь.

— Я сюда попала обычным путем. И не понимаю, что здесь удивительного. У вас так не принято?

«У нас!» — подумал Игорь.

— Да, — сказал он, закинув край одеяла на плечо, словно кутаясь в плащ, — у иас так не принято. У нас водится обычай подниматься по лестнице, звонить и входить в дверь.

— Бесподобно! — искренне удивилась девушка. — Но ведь это должно отнимать массу времени!

— Что поделаешь, — вздохнул Игорь, — предрассудки так живучи... Мне, например, как-то не по себе без фрака. Так что я, пожалуй, на минуту выйду, надену какие-нибудь штаны... э-э... брюки.

Он открыл шкаф, вынул джинсы и направился в прихожую — другими словами, за занавеску у двери.

— Ну так вот, — сказала девушка ему вслед, — здесь я и остановлюсь.

Вот тебе раз! Остановлюсь! Да кто ты вообще такая, скажи на милость!

— Сейчас не самое важное, кто я такая, — она снова угадала его мысли, — род мой знаменит древностью и могуществом, и нет в Светлом мире человека, которому было бы незнакомо имя принцессы Мариники... Да. Но ты можешь называть меня Мариной. Я поживу у тебя день-два, здесь, наверху, мне нужно уладить кое-какие дела...

Игорь удивлялся сам себе. Вместо того, чтобы усадить эту девицу на стул и добиться-таки от нее, откуда она сбежала и как забралась в комнату, он вот уже полчаса, разинув рот, выслушивает прозрачные намеки на ее экзотическое происхождение из какого-то банального фантастического романа. Пора, черт побери, сказать ей, чтобы перестала выставлять его дурачком и вообще по возможности быстро сматывалась!

И вдруг он понял, что никогда этого не скажет. Девушка нравилась ему со страшной силой! Ее стройная, тонкая фигура, длинная шея, красивое лицо с большими умными глазами оказывали гипнотическое действие. Хотелось все бросить и посвятить жизнь созерцанию ее легких пальцев, мягких волос, а может быть, даже и ног, будто специально для этого созданных.

В таком состоянии Игорь готов был выслушивать любую ахинею, содействовать скорейшему установлению контактов со внеземными цивилизациями и, если бы

она потребовала, возможно, отдал бы себя на нужды науки, изучающей земные организмы. К счастью, ни о чем таком речи пока не было.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказала Марина.

— Именно моя?

— Да. Ведь ты, кажется, являешься хранителем знаний своего народа?

— Хранителем? — удивился Игорь. — Я? С чего ты взяла?

— Ну как же? — забеспокоилась Марина. — Разве ты не служитель храма Чудесного Механизма, который собирает знания со всего света?

Игорь задумался. А ведь она, пожалуй, права. Конечно, если отбросить всю эту допотопную терминологию и называть вещи своими именами. Он работает программистом в институте информатики, в группе, которая создает международную библиотечную систему, и на этом основании действительно может считаться если не хранителем, то хотя бы каким-нибудь смотрителем знаний.

В эту группу Игорь попал по университетскому распределению и сейчас же стал ярым энтузиастом нового дела. Всем своим знакомым он рассказывал, как это удобно, когда миллионы книг хранятся в памяти ЭВМ в разных городах и странах, и при этом любой человек в любом городе может прочесть любую из них. Для этого ему достаточно затребовать нужную книгу в библиотеке, имеющей связь с международной вычислительной сетью, и через каких-нибудь полчаса она будет распечатана для него вместе с иллюстрациями и обложкой. Кроме того, библиотечная система — это гигантская энциклопедия, удобная в обращении и вдобавок весьма сообразительная сама по себе. Она может предоставить вам всю необходимую информацию, даже если вы твердо и не знаете, что именно вам нужно. Словом — не система, а конфетка, и, согласитесь, очень лестно, когда в межзвездных сферах тебя знают как ее хранителя...

Игорь очнулся от радужных мыслей и понял, что немного замечтался, — это бывало с ним, когда он думал о работе.

— А откуда ты, собственно, знаешь, чем я занимаюсь? — спросил он Марину.

— Я видела твое имя в списках... впрочем, это не важно. Мне удалось всех опередить, найти тебя, и это-

му уже никто не сможет помешать. К сожалению, здесь, наверху, я многого не понимаю и могу наделать ошибок. Никто не должен знать, кто я и откуда, тебе придется самому придумать что-нибудь правдоподобное.

Гм, правдоподобное! Игорь почесал в затылке. Если кто-нибудь из соседей, например, Леха Ушаков, или семейство Петреевых, или, не дай бог, Светочка с Любочкой узнают, что у него живет эта девушка, ни в какую тетю из Киева они, конечно, не поверят. И правильно сделают. Он бы тоже не поверил. Впрочем, от истины они все же будут далеки. К сожалению.

Неожиданно послышался деликатный стук в дверь. Начинается, подумал Игорь и пошел открывать.

За дверью оказался Леха.

— Здравствуй, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу. — К тебе можно?

— Заходи, — ответил Игорь, слегка удивившись. Не в ушаковских правилах было спрашивать на что бы то ни было разрешения.

Леха вошел и сейчас же принялся разглядывать комнату. Только теперь Игорь заметил, что одет он в свой лучший серый костюм «для парадного выхода». Странный наряд для визита к соседу среди ночи.

— Ты что, из гостей? — спросил Игорь. Он обернулся, собираясь представить соседа Марине, но тут вдруг обнаружилось, что Марина куда-то пропала. Леха все озирался вокруг, словно напряженно прислушиваясь к чему-то.

— Да, — заговорил он наконец, — я вот по какому делу. У меня в плафоне перегорела электрическая лампа накаливания, что, конечно, не дало бы мне права тревожить тебя ночью, если бы не настоятельная необходимость выполнить срочную работу, требующую идеальных условий освещения...

Игорь смотрел на Леху, разинув рот. Что он плетет? Какая «лампа накаливания»? Уж не заболел ли парень? То, что он говорил, настолько не соответствовало его обычной манере, что Игорь, пожалуй, меньше бы удивился, если бы он шпарил все это по-французски.

Неожиданно Леха замолк, устремив взгляд в окно, и осторожно потянул носом воздух.

— Ты чего? — спросил Игорь испуганно.

— А что? — Леха посмотрел на него и вдруг тоже испугался. — Не так?

— Что не так? Ты откуда вообще?

— Й-а? — произнес Леха дрожащим голосом. — О-откуда же мне быть? Отсюда. Я.

— От себя, что ли? А чего тогда вырядился?

Леха ощупал свой пиджак.

— Это я... Да. Это чтоб теплее... Ты пока ищешь эту... я у тебя на балконе покурю, хорошо?

— Да чего искать? Есть у меня в столе запасная лампочка. Бери и мотай. Выспаться тебе надо, по-моему...

— Нет, нет! — вскричал Леха, пятясь от Игоря к балкону. — Я покурю. Я моментально. Доставай, доставай!

Игорь пожал плечами, подошел к столу, выдвинул ящик и вынул из него стоваттную лампочку.

— На, курильщик! — Он повернулся к Лехе, но комната была пуста. Тогда Игорь вышел на балкон, но и там никого не было.

— Эй, Леха! Ты где?

Вместо ответа внизу тихонько скрипнула подвальная дверь. Что за чертовщина? Снова шутки из подвала? Игорь перегнулся через перила и прислушался. Тишина. Что же такое с Лехой? И где Марина? Ему никак не удавалось толково объяснить происходящее, и от этого на душе становилось все тревожнее.

Игорь вернулся в комнату и чуть не столкнулся с Мариной, притаившейся возле балконной двери.

— Где ты была? — спросил он почему-то шепотом.

— Здесь, недалеко, — ответила она, отступая и недоверчиво на него поглядывая, — спряталась на всякий случай.

— Это Леха Ушаков, — сказал Игорь, — сосед. Странный сегодня какой-то. Ты не знаешь, куда он делся?

— Знаю, — ответила Марина, продолжая разглядывать Игоря, — только это не Леха Ушаков.

— Как это не Леха? Может быть, у меня бред?

— Тебе просто показалось.

— Но мы с ним разговаривали!

— Разговаривали. И он тебя сильно удивил...

— Так ты все слышала?

— А ты его страшно напугал.

— Да, действительно. Сначала он нес какую-то чушь, а потом вдруг до смерти чего-то испугался.

— Чего испугался? — спросила Марина, голос ее

дрогнул, и Игорь заметил, как она напряглась, будто перед прыжком.

— Понятия не имею! Псих какой-то. Самая большая опасность, которая ему угрожала, — сломать себе шею. Если, конечно, он в самом деле сиганул с балкона. — Игорь старался говорить как можно убедительней, и Марина понемногу успокаивалась.

— Значит, ты не знаешь, что могло его испугать? — спросила она, поборов волнение.

— Нет, конечно! Ну что во мне страшного?

Марина неопределенно пожала плечами, будто имела свое мнение на этот счет, и, глядя Игорю в глаза, медленно произнесла:

— А не известна ли тебе какая-нибудь тайна, с помощью которой ты мог бы захватить над ним власть?

— Над Лехой?!

— Это был не Леха.

— Да вы что, с ума все посходили? Прекратите меня мистифицировать! Пришельцы-ушельцы! Я жаловаться буду! В комитет по летающим тарелкам...

— Можешь сходить к нему и спросить.

— А?

— Зайди к своему соседу и узнай, был он у тебя или нет.

Хм. А что, подумал Игорь, не так глупо. Поговорить с Ушаковым... Правда, если это розыгрыш... Ерунда! Лишь бы рожу его увидеть, а там все сразу станет понятно.

— А ты снова не исчезнешь, пока я буду ходить? — спросил он.

— Постараюсь, —ответила Марина и наконец улыбнулась...

Игорь два раза громко постучал в дверь Лехиной комнаты, прежде чем изнутри послышались приближающиеся шаги. Щелкнул замок, и Ушаков предстал перед ним в одних трусах и с помятой со сна физиономией.

— Ты че? — пробормотал он, с трудом разлепив правый глаз.

Только теперь Игорь спохватился, что не придумал, отправляясь к нему, никакого предлога, но решил все же довести проверку до конца.

— Тебе лампочка-то нужна еще? — спросил он.

Леха долго без выражения смотрел на него мутным глазом и наконец просипел:

— Ты достал уже меня, по́нял? Какие тебе, в эту пору лампочки? Мне вставать в пять часов!

Дверь захлопнулась у Игоря перед носом, но он не обиделся. Не до того было. До сих пор в глубине души он надеялся, что все объяснится как-нибудь просто и понятно. Теперь эта надежда рухнула. Оставалось либо уповать на помощь врачей, либо признать, что вокруг происходят вещи по-настоящему фантастические. Он посмотрел на часы. Да, поликлиника откроется еще не скоро...

— Все же, — сказал Игорь, вернувшись к себе, — я хотел бы, чтобы мне объяснили, что происходит. Я понимаю, что вам всем не до меня, вы играете в космических шпионов. Но раз уж представление идет в моей квартире, имею я, черт возьми, право знать хотя бы, чего мне ждать дальше?

— Не горячись, — сказала Марина, — просто я пробралась сюда тайно и незаконно, надеялась, что этого никто не заметит. Но вышло все иначе — этот тип обнаружил меня еще, наверное, на нашей стороне, а догонять бросился просто с испугу. Подготовки у него никакой нет, видимо, он простой страж. Хуже будет, когда за мной пустят настоящих предотвратителей. Придется побегать.

Игорь невольно покосился в сторону балкона. Ему представились толпы предотвратителей, перелезающих через перила и вваливающихся в комнату. Тоска межпланетная...

Проще всего было не поверить Марине, махнуть рукой на небылицы, которые она рассказывает, или заявить, что где-то читал нечто подобное. Вполне вероятно, что так бы он и поступил, не будь этого дурацкого эпизода с Лехой, не будь этой подозрительной истории с подвалом, и главное — того ощущения необычности и значительности происходящего, которое возникло у него при появлении Марины.

— А что ты, собственно, разыскиваешь? — спросил он.

Марина некоторое время задумчиво смотрела в окно, затем, словно решившись, повернулась к Игорю и нараспев проговорила:

— «В ненарушимую тайну был превращен этот страшный способ подчинения людей своей власти. Пришедшие в Светлый мир поклялись навсегда забыть его

и детей своих воспитать в неведении...» Примерно так это должно звучать в переводе на твой язык.

— Хм! Что-то не очень понятно даже в переводе на мой язык. А зачем...

Он хотел что-то спросить, но Марина вдруг замерла, и сейчас же раздался стук в дверь.

Игорь на мгновение почувствовал противную слабость в коленях и инстинктивно схватил Марину за руку. Она прислушивалась некоторое время, потом спокойно произнесла:

— Открывай. Это не они.

Игорь осторожно приблизился к двери, повернул ключ и сразу же отскочил назад.

В комнату вошел Леха. На нем была старая порыжевшая штормовка, в которой он обычно выходил рано утром из дому, с тех пор, как устроился подрабатывать в детском саду дворником.

— Не спишь? — спросил он, проходя мимо Игоря, и сразу направился к холодильнику. — По мозгам бы тебе настучать, весь сон перебил... Чаю нету? А то у меня один зеленый остался.

Он открыл холодильник и стал с интересом принюхиваться.

— В холодильнике нету, — сказал Игорь, постепенно успокаиваясь. Это был, конечно, настоящий Леха, стреляющий у соседей заварку, еду и сигареты.

Он вынул из холодильника несколько яиц, затем перешел к шкафчику, насыпал чаю в кулак, ломанул батон и уже хотел было откланяться, как вдруг заметил Марину, сидящую в кресле.

— Ох, пардон! — воскликнул он и покосился на Игоря. — Что-то я стал невнимательным, как вообще... На моей работе это недопустимо, вы как полагаете?

Он приблизился к Марине, разглядывая ее с нескрываемым восторгом.

— А вы где работаете? — спросила Марина.

— О, это маленькая тайна, — продолжал кривляться Леха. — Одно могу сказать, каждый раз перед выходом на задание я должен хоть полчасика побыть рассеянным, таким, знаете, чудаком. Никого не узнавать, помечтать про пустяки какие-нибудь. А без этого трудно...

Леха врал самозабвенно. Он считал, что всегда производит на женщин ошеломляющее впечатление. Но на этот раз он просчитался. Марину удивляло в нем совсем другое.

— Странно, — сказала она, — судя по одежде, ваше задание каждый раз заключается в том, чтобы перегонять с места на место пыль где-то в окрестностях. Непонятно, зачем вы делаете из этого тайну.

Леха, конечно, принял ее слова за откровенную насмешку. Он повернулся к Игорю и бросил на него взгляд, оставляющий впечатление удара в челюсть.

— У, трепло! Успел уже! — однако полные руки продуктов помешали ему перейти к более решительным действиям. Пообещав зайти попозже, Леха быстро удалился.

— Что это с ним? — спросила Марина. — По-моему, он обиделся. Что ему было нужно?

— Да ничего особенного. — Игорь пожал плечами. — Он просто старался произвести на тебя впечатление. Ты не обращай внимания, для него это естественная реакция, он вообще всегда проявляет повышенный интерес к женскому полу как явлению. А тем более... Должно быть, слегка обалдел в первую минуту, увидев тебя. И я его где-то понимаю...

Кстати, он в нашем институте техником работает, чинит, как ты выражаешься, «Чудесный Механизм»...

— Чудесный Механизм, — повторила Марина задумчиво. — Странно. По-моему, его интересует совсем другое. Впрочем, это, может быть, к лучшему...

Однако поговорим, наконец, о деле: я надеюсь, ты не откажешься помочь мне и тем, кто ждет моего возвращения?

— Как же, как же. — Игорь улыбнулся. — «Мы надеемся с вашей помощью поразить врага. Я дам вам парабеллум».

— Что? — Марина посмотрела на него с испугом.

— Ничего. Это я цитирую одну старую мудрую книгу. «Двенадцать стульев». Не попадалась?

— Нет. У нас ваши книги запрещены.

— Ясно. Так что же может спасти гиганта мысли? Я имею в виду, что мы теперь будем делать?

Игорь старался острить, хотя видел, что Марина его шуток не понимает. Они скорее должны были скрыть от нее терзавшие его сомнения. Он вовсе не был уверен, что в этом щекотливом деле нужно спешить с помощью.

— Что делать, я сама плохо представляю, — сказала Марина, — может быть, Чудесный Механизм откроет мне Тайну, а может быть, он и вовсе не понадобится — у нас говорят, что стоит попасть сюда, и Тайна

сразу окажется в руках. Нас ведь оберегают от малейшего контакта с вашим миром, и, надо полагать, неспроста. Тайна должна быть где-то на поверхности, на виду, я думаю, она и тайной-то не считается у вас.

— А зачем она тебе понадобилась? — спросил вдруг Игорь. — Ты собираешься кого-то подчинять «страшным способом»?

— Нет! — сразу ответила Марина. — Ты не понимаешь. Во-первых, я не одна, нас много — тех, кто считает себя вправе знать любые тайны и добивается уничтожения всех привилегий клана предотвратителей. Мы не боимся истины и не нуждаемся в защите от нее.

Во-вторых, мы вовсе не собираемся применять этот способ, каким бы он ни был, нам важно лишь не допустить, чтобы его применили к нам. Мы больше не верим предотвратителям и не можем мириться с тем, что они владеют Тайной одни, это не просто несправедливо — это опасно! Пока не поздно, нужно восстановить равновесие сил — вот и весь наш план, и только ради этого я здесь.

Игорь слушал ее задумавшись. Слова Марины не рассеяли всех его опасений, но он все же решил попытаться помочь ей. В библиотечной системе никогда ничего секретного не было, информация будет проходить через него — с этой стороны, пожалуй, не ожидается ничего непредвиденного. Главное — не прохлопать ушами, самому разобраться, что это за Тайна, о которой у нас знают все, а у них никто.

— Хорошо, — сказал он наконец, — заседание продолжается. Когда ты хочешь поговорить с Чудесным Механизмом?

— Сейчас! — выпалила Марина. Глаза ее загорелись.

— Хм, сейчас! — Игорь посмотрел на часы. Было все еще около пяти. — В принципе можно и сейчас... — продолжал он. — Только придется лезть через забор. Ты как? Ах, да! Прошу прощения, я и забыл, что ты ходишь сквозь стены... Ну, тогда вперед!

Они уже выходили из комнаты, когда Марина вдруг остановилась перед зеркалом.

— Кстати, — сказала она, — я, наверное, дико выгляжу по здешним понятиям. Как бы мне так изменить внешний вид, чтобы не слишком выделяться в толпе?

Игорь посмотрел на ее короткое, скошенное по низу платье, на сандалии, поддерживаемые ремешками, опле-

тающими ногу почти до колена, на пышные волосы, высоко вздымающиеся над головой и веером рассыпающиеся по спине, и... пожал плечами.

— Знаешь, — сказал он, — не надо ничего менять. У нас сейчас еще и не так ходят...

— Спасибо, — вздохнула Марина, — утешил!

Настоящий программист работает в основном ночью, когда никто не собирает членские взносы, не проводит собрания по поводу укрепления трудовой дисциплины и не обсуждает последнее поражение любимой команды. В эти часы он один распоряжается всеми ресурсами вычислительной техники и создает бессмертные шедевры программирования, которые и записывает со спокойной душой на магнитную ленту, без остатка стирая бухгалтерский расчет заработной платы...

Сев за терминал, Игорь почувствовал себя гораздо уверенней. За окном едва начинало светиться пасмурное серое утро, до начала рабочего дня оставалась еще масса времени, и можно было, не торопясь, разгадать все тайны Вселенной. Марина сидела рядом в кресле и смотрела на него с надеждой.

Вопреки ожиданиям на пыльном экране Игорю открылась унылая картина: машина была безнадежно загружена, нечего было и думать запустить даже самую безобидную программку. Мало того, какой-то наглец, сидящий, как видно, в машинном зале, занял все пространство на его личном магнитном диске, чего никогда себе не позволит даже самый разнузданный оператор.

В гневе путая клавиши, Игорь послал ему сообщение: «Отдай диск», но ответом было лишь презрительное молчание. Ну хорошо же. Игорь поднялся со стула, сказал Марине: «Я сейчас» — и уже направился было к двери, как вдруг терминал тихонько пискнул и на экране появилось послание из машинного зала: «Не ходи». Игорь усмехнулся. Печенкой чувствует, паршивец, что близится расплата. Но пару отеческих сказать ему все-таки надо, заодно проверить междугородную связь...

В длинном сумеречном коридоре стояла гулкая тишина. Растения на подоконниках смиренно кивали свежим порывам утреннего сквозняка. Игорь свернул на лестницу и стал подниматься на третий этаж. В этот момент ему показалось, что впереди мелькнула какая-то тень, послышались легкие шаги и тихий плеск.

На площадке второго этажа он остановился, потому что всю лестничную клетку занимала обширная лужа. Посреди нее стояла старуха уборщица и, стараясь не глядеть на Игоря, усердно шуровала шваброй. В полумраке она казалась горбатой и ужасно древней, Игорь никогда раньше ее не видел.

— Что же вы в темноте-то мучаетесь, можно ведь свет на лестнице включить! — заботливо сказал он.

Бабка зыркнула на него через плечо и пробормотала что-то вроде: «Я твово дела не касаюсь, и ты мово не касайся».

— Ну, смотрите, — Игорь пожал плечами, считая, что проявил достаточно заботы и может продолжать путь. — Как бы мне тут пройти?

— А никак! — ответила бабка, не оборачиваясь. — Домой иди, неча по конторе шататься. Работаете когда бог на душу положит... А на то время есть отведенное!

Вот ведьма. Ну да что с ней говорить! Игорь ухватился за перила и вмиг перелез на следующий пролет. Столь решительных действий старушка явно не ожидала.

— Куды ты? — растерянно спросила она и, спохватившись, заголосила: — А ну стой! Стой, тебе говорят, алкемант треклятый!

Но он, даже не особенно торопясь, продолжал подниматься по лестнице.

Видя, что его не остановить, старуха вдруг заложила в рот два пальца и так свистнула, что лужа на полу покрылась мелкой рябью.

Придя в себя, Игорь обнаружил, что стоит на площадке третьего этажа и держится за сердце. Чуть в гроб не загнала, шальная старушенция! Небось из собеса за хулиганство выгнали...

Немного отдышавшись, он вышел в коридор и отправился в машинный зал. К его удивлению, там никого не оказалось, машина в ожидании хоть какой-нибудь работы гоняла огоньки по индикаторной панели, диск был свободен от всего лишнего.

Игорь уже начал думать, что виноват, возможно, терминал, как вдруг за его спиной кто-то громко чихнул. Игорь обернулся и увидел высокого мужчину в черном костюме и в шляпе. Встретившись с ним взглядом, тот зачем-то поспешно сунул руки в карманы и сейчас же, не удержавшись, снова чихнул, однако рук не вынул.

— Извините, — сказал он чуть простуженным, но приятным баритоном, — здесь такой сквозняк...

— Это кондиционеры, — ответил Игорь, — для охлаждения. А вы здесь давно?

— Я? М-м... — Он поморщился. Видно было, что ему очень неприятно врать. — Нет, я только что... Шел в комнату, попал в другую... Не скажете, где здесь Щукина кабинет?

— Налево по коридору. Третья дверь.

То, что он знает Щукина, немного успокоило Игоря. Чудак какой-то. И наряд шутовской, особенно эта шляпа... Ну, прямо шпион! Неужели вот так и выглядит предотвратитель? Да нет, просто, наверное, приезжий... К Щукину откуда только не едут.

Странный гражданин между тем, не вынимая рук из карманов, раскланивался.

— Огромное вам спасибо! Весьма рад был побеседовать. Сразу видно специалиста...

Он подошел к двери и, открыв ее, обернулся.

— Кстати! Мне, может быть, в скором времени понадобится консультация по некоторым вопросам, находящимся в вашей компетенции. Не согласитесь ли вы...

Он не договорил и, проследив за взглядом Игоря, посмотрел на свою руку. Сразу же вслед за этим дверь захлопнулась, и Игорь остался один. Некоторое время ему никак не удавалось справиться с дрожью в ногах, наконец, немного овладев собой, он приблизился к двери. На краске возле дверной ручки хорошо были видны свежие царапины, оставленные страшными когтями незнакомца...

«Господи! — с тоской подумал Игорь. — Это же не люди! Это жуть какая-то, нечистая сила! И старуха на лестнице... Наверняка она заодно с этим чудовищем. — Он содрогнулся, снова представив только что виденную картину. — Ох! Да что же это я тут стою? Марина ведь там одна!» Он рванул дверь и, выскочив в коридор, сломя голову бросился назад в свою комнату. На лестнице никого уже не было, только лужа слабо поблескивала в свете разгоравшегося утра.

Однако комната тоже оказалась пуста. Игорь ворвался в нее и остановился на пороге, растерянно озираясь по сторонам. Неужели опоздал? Неужели Марина уже попала в лапы этого монстра? Что же теперь делать?

Он подошел к терминалу и вдруг заметил выгляды-

вающий из-под клавиатуры уголок листка. Игорь взял его и развернул, на листке неуверенным детским почерком было написано:

«Здесь ничего не выйдет. Чудесный Механизм под их надзором. Мне придется отсидеться некоторое время в укромном месте. Постарайся быть весь вечер дома. М.».

Игорь перечитал записку еще раз и спрятал ее в карман. Что ж, по крайней мере Марина не попала в ловушку и вечером, возможно, снова будет у него. А до тех пор? Интересно, что такое «укромное место»? Пожалуй, надо сходить домой, вдруг она там?

Но Марины не оказалось и там. Игорь, бежавший почти всю дорогу до дома, устало опустился в кресло, чтобы отдышаться. Невероятные события этой ночи кружились у него в голове какой-то бесконечной каруселью. Он вспоминал их, одно за другим, снова и снова, пока глаза не стали сами собой закрываться, голова отяжелела, опустилась на грудь, и им наконец овладела сладкая утренняя дрема...

...Новая тайна открылась вдруг мудрецам, населявшим долину. Они создали новый мир, нигде не пересекающийся с миром уже существующим, и назвали его Светлым, и удалились в него навеки.

Они искали покоя и отдыха и нашли его, ибо Светлый мир был абсолютно пуст. Тогда, рассеявшись в нем, они наполнили его лесами и горами, реками и морями, каждый по своей прихоти, и уединились в своих излюбленных местах семьями и поодиночке...

Будильник зазвенел прямо над ухом. Игорь вздрогнул и открыл глаза. Сначала он очень удивился, обнаружив себя не в постели, а в кресле и вдобавок совершенно одетым. Затем его мысли занял только что виденный сон, и даже не виденный, а всего лишь слышанный, потому что в памяти остался только голос, нараспев рассказывающий какую-то диковинную историю. Вернее, продолжение диковинной истории, потому что начало ее Игорь слышал когда-то раньше, кажется, в другом сне... И вместе с тем его не покидало ощущение, что сны эти должны быть как-то связаны с Мариной.

Марина! Что с ней? Где она сейчас? Ничего не из-

вестно. Игорь поднялся и подошел к окну. Он долго задумчиво глядел на улицу, по которой торопились на работу прохожие. Оставалась одна надежда — на вечер. Марина еще должна у него появиться...

Придя на работу, Игорь узнал, что руководитель проекта, Эдуард Леонидович Щукин, собирает всю группу на совещание. Когда операторы, лаборанты, инженеры и программисты собрались в тесном, забитом книгами и бумагами кабинете начальника, тот снял все три телефонные трубки с аппаратов у себя на столе и заговорил:

— Ну так, ребятки. Имею вам сообщить, что работа наша переходит в новую стадию. Мы приступаем к опытной эксплуатации системы. А посему велю: никого из посторонних к работе с системой не допускать; выдачу любой информации заказчикам, распечатку текстов и магнитные записи производить только с моего личного разрешения. Ответственным за режим эксплуатации назначается товарищ Буканов. Вопросы?

— А что это вдруг такие строгости? — спросил один из инженеров.

Щукин указал пальцем в потолок.

— Есть указание. Подписан контракт с четырьмя фирмами. Теперь малейшее нарушение с нашей стороны, и они нас разденут до мяса, ясно? Учитесь торговать! Еще вопросы? Нет вопросов? Тогда по местам, гвардейцы!

Все разбрелись по своим комнатам.

Что это, думал Игорь, усаживаясь за терминал, простое совпадение? Почему Щукин именно сегодня запретил работать с системой?

— По-моему, контракт здесь ни при чем, — неожиданно сказал сидевший за соседним столом Славик, — просто он взъелся на меня за то, что я распечатал «Энциклопедию фантастики» Шалиндейла. Но как же ее можно было не напечатать? На кой черт тогда вообще нужна эта библиотечная система?

— Нет, это он не из-за тебя, — сказал лаборант Серега, — это из-за мужика, который вчера вечером приходил.

— В черном-то? — подхватил Славик. — Я его тоже видел. Чудик какой-то, в такую жару — в перчатках и в шляпе!

— В перчатках? — переспросил Игорь. По его спине пробежал холодок.

— Ну да. Теплые черные перчатки и здоровенная шляпа. Зачем она ему?

Склонившийся над схемой и молчавший до сих пор Коля вдруг усмехнулся странно и произнес:

— Без шляпы этому типу нельзя.

— А ты его знаешь?

— Да, он еще вчера утром приходил, а я как раз сидел у Эдика в кабинете. Заказчиком нашим будет, опытным эксплуататором, так сказать. Зовут его Бермудский Лев Бенедиктович, мужик он вроде умный, веселый, но рассеянный. Он когда с Эдиком прощался, по рассеянности шляпу этак небрежно приподнял. Знаете, что у него под шляпой?

— Микропроцессор, — сказал Игорь, но голос его дрогнул.

— Лысина, — хмыкнул Серега.

— Нет. — Коля покачал головой. — Рога.

— Это ты... иронизируешь? — спросил Славик.

— Почему же? Как говорится, чтоб я сдох.

— Ну и как ты к этому отнесся?

— А мне что? Это Эдькин знакомый, а не мой, пусть хоть огнем дышит.

— Ну, кроме шуток, — заволновался Игорь, — ты можешь рассказать, как это было?

— Кроме шуток — пожалуйста. Сейчас я думаю, что мне это просто показалось или волосы у него дыбом, мало ли что? Ну а тогда, признаюсь, слегка обалдел. Однако смотрю — Эдик ничего, ну и я ничего, молчу. А что прикажете делать? Молитвы читать я не собираюсь, да и не знаю ни одной, а вилами его уязвлять, простите, воспитание не позволяет...

— М-м... да-а... — задумчиво протянул Славик, и на этом разговор угас.

Игорю очень хотелось поделиться с кем-нибудь, рассказать о своих ночных приключениях, но, во-первых, он понимал, что никто ему не поверит, а во-вторых, ему то и дело вспоминался Леха. Не настоящий, а тот — который приходил за «лампой накаливания».

«Кому расскажешь? — с тоской думал Игорь. — Тут, может, предотвратитель на предотвратителе сидит и предотвратителем погоняет...» Он тяжело вздохнул и уткнулся в бумаги...

Игорь частенько засиживался на работе допоздна, но в этот день у него не хватило сил отсидеть даже положенное время. Часов в пять он спустился в холл инсти-

тута, с задумчивым видом прошел мимо вахтера, но, оказавшись на улице, сейчас же бегом припустил домой.

Марины еще не было. От нечего делать он хорошенько прибрался в комнате, состряпал из оставшихся в холодильнике продуктов ужин и сварил кофе, после чего сел на диван и стал ждать. Время тянулось необычайно медленно. Несколько раз он вскакивал, подходил к двери и, открыв ее, выглядывал в коридор, но это ничего не дало. За окном сгущалась тьма, по небу ползли тяжелые тучи, где-то вдалеке громыхнуло, неуверенно закапал дождь и скоро прекратился, но светлее не стало. Игорь включил фонарь над столом, снял с полки книгу и невидящим взглядом уставился на страницу. «Полиция, как всегда, опаздывает», — прочитал он раз десять. Полиция. Опаздывает. Как всегда. Как всегда. Нет, невозможно! Он отшвырнул книгу, и вдруг постучали в дверь.

Игорь вскочил и бросился открывать, но это была не Марина. В комнату, ухмыляясь чему-то своему, вошел Леха. Снова Леха. Как всегда. И как всегда, вовремя.

— Ну? — спросил Игорь и не стал закрывать дверь, чтобы Леха сам понял, что он ненадолго.

— Ты че кислый? — отозвался сосед, не желая ничего замечать. Он снял крышку с кофейника и, закатив глаза, вдыхал аромат. — Гостей ждешь?

— Никого я не жду! — буркнул Игорь. — Делами занимаюсь.

Он опасался, что Леха начнет выяснять, какими именно делами он занимается, но тот только еще раз ухмыльнулся и вдруг, понизив голос, спросил:

— А эта, что у тебя сегодня утром была, она кто вообще?

— А тебе зачем?

— Ой, да брось ты! Что я, съем, что ли? Ну скажи просто: «моя» — и все. И вопросов нет. Ну? Да?

— Слушай, что ты привязался? Родственница она мне, понятно? Троюродная тетя из этого, как его...

— Ну? Ну? — не унимался Леха. — Откуда?

— Тьфу! Из Моршанска! — выпалил Игорь первое, что пришло в голову, и только потом сообразил, что снова цитирует Остапа Бендера.

— Как говоришь? Из Моршанска? — насмешливо повторил Леха. — Ну ладно. Не хочешь — не надо, черт с тобой. Пойду я, некогда мне...

И, по-прежнему загадочно ухмыляясь, он направился к двери.

— А гости — это хорошо, — сказал он, — обернувшись к Игорю, — ты развлекай их как следует, а то рожа у тебя что-то больно скучная, еще разбегутся...

Игорь закрыл за ним дверь и вернулся на диван. От Лехиного визита у него осталось какое-то нехорошее впечатление. Чему он все время ухмылялся? И Марины все нет... Не случилось ли с ней чего-нибудь? Он вот сидит здесь, а ей, может быть, требуется помощь. Но куда бежать, когда она сама написала — быть дома весь вечер. Значит, надо ждать. Надо уметь ждать, черт возьми!

Игорь встал и заходил по комнате. Подойдя к окну, он в сотый раз за сегодняшний вечер выглянул на улицу и вдруг замер: там, среди деревьев небольшого скверика за дорогой, мелькнуло знакомое платье. Марина!

Но почему она удаляется? Может быть, забыла, в каком доме он живет? Э, да она не одна! Кто же это с ней?

Игорь выбежал на балкон и стал всматриваться в даль. Рядом с Мариной, широко жестикулируя, шел гривастый парень в джинсах и кожаной куртке с металлическими заклепками. Да ведь это же Леха! Точно в таком же наряде он только что заходил к Игорю. Ну конечно, Леха! Это его свисающие веником патлы, его манера, размахивая руками, заливаться перед девочками соловьем. Надо догнать их! Надо спросить у нее, пусть объяснит, почему... Почему Леха? Что она в нем... Да нет, не в этом дело, просто...

«А ведь все действительно просто, — подумал вдруг Игорь, — я был нужен ей, как смотритель Чудесного Механизма, а теперь от меня никакой пользы. А Леха... у него масса друзей, знакомых. В плане общения он гораздо перспективней. А ведь ей только это и нужно...»

Он глядел им вслед, пока они не скрылись за углом, потом вернулся в комнату. Мавр сделал свое дело... Ладно! Бог с ними обоими. Он хотел было приняться за ужин, но тут новая мысль пришла ему в голову.

А что, если это совсем не Леха? Что, если Марина попалась, и теперь ее ведут куда-нибудь... Ну куда? На казнь? На пытку? Подумать страшно! А он спокойненько посмотрел на нее с балкончика и пошел закусывать!

Нет, что бы там ни было, ее нужно догнать. Обяза-

тельно догнать! Через минуту он уже бежал по улице. Судя по всему, Леха с Мариной направлялись в сторону Центра Развлечений, туда, где по вечерам собирались веселые компании молодых людей — сплошь Лехиных знакомых.

В большом парке на пересечении двух главных проспектов города зазывно сияли витрины магазинов и магазинчиков, ресторанов, кафе, двух баров с дискотеками и молодежного клуба с кинозалом. Здесь вовсю кипела жизнь. По ярко освещенным аллеям людские потоки перетекали от одного увеселительного аттракциона к другому. Где-то вдалеке вздыхал об ушедших днях духовой оркестр, на площади перед клубом поклонники «тяжелого металла» слушали шлягер сезона в исполнении местной группы с импортным названием «PILORAMA».

Очень скоро Игорь понял, что найти в этом месиве Марину и Леху будет нелегко. Расспросы знакомых завсегдатаев парка ни к чему не привели: никто Ушакова не видел, да особенно и не жаждал увидеть. Игорь заглядывал в лица встречных, обошел оба бара и все магазины, осмотрел сквозь стекло ресторанные залы (свободных мест в них никогда не было, наверное, потому, что там всегда сидели одни и те же люди. Остальные считались посторонними и внутрь не допускались совсем). Пробродив по аллеям часа два без всякого результата, он вдруг вспомнил, что не сделал самого главного и разумного — надо было сразу же постучать к Лехе! Если он дома и знать ничего не знает, значит, с Мариной действительно стряслась беда. Ах, растяпа!

Игорь заспешил назад, расталкивая прохожих, выбрался из парка и скоро, покинув шумные центральные улицы, оказался в своем тихом, старом районе. Прохожие попадались здесь редко, улица, по которой он шел, была освещена кое-как. Справа поднимался гигантский, наполовину оголенный скелет здания, возводимого на месте стоявших здесь когда-то развалюшек.

До дома оставалось совсем немного, когда впереди вдруг послышались торопливые шаги, и из-за угла показалась высокая темная фигура в шляпе. Игорь в ужасе застыл — навстречу ему шел тот самый чудовищный незнакомец, которого он видел сегодня утром в институте!

Не помня себя от страха, Игорь бросился бежать, перемахнул через попавшийся ему на пути забор, ушиб

ногу о торчащую из земли железяку и тогда только сообразил, что попал на стройку. Этого еще не хватало! Конечно, нужно было бежать к людям, а здесь его могут в два счета загнать в угол, придушить, и никто этого не увидит... Но исправить ничего уже нельзя было, из-за забора доносился приближающийся топот. Игорь, перепрыгивая через лужи, побежал прямо к зданию.

В гулкое обширное помещение на первом этаже падал свет прожектора, висящего на столбе у ворот стройплощадки. Игорь увидел длинную, сколоченную из досок лестницу, ведущую куда-то наверх. Она нависала над черным провалом, огороженным веревкой. В противоположной стене виднелся ряд прямоугольных дверных проемов. Куда спрятаться? Снаружи послышался плеск и чавканье мокрой глины. Раздумывать некогда!

Игорь, ухватившись за поручень, стал подниматься по лестнице. Она ходила под ним ходуном. Оказавшись на втором этаже, он обернулся. Как бы ее столкнуть? Если бы это удалось, лестница полетела бы прямо в провал, и никто не смог бы поставить ее на место. Игорь огляделся и обнаружил у стены обрезок толстой доски. Пользуясь им, как рычагом, он стал раскачивать лестницу, и она постепенно сползала к краю плиты, на которую опиралась. Скорей! Еще! Ну вот, теперь она держится буквально на волоске. Последний толчок, и... Игорь уже занес было ногу, но вдруг передумал. Да, да, так даже лучше. Если лестницы не будет совсем, этот тип, пожалуй, обойдется и без нее. А так, может быть, и попадется.

Но скорее дальше! Нужно найти укромное место, отсидеться, переждать, привести мысли в порядок...

По короткому прямому коридору Игорь проскользнул в большой зал, а оттуда — в боковую комнатку, оконный проем которой выходил прямо на сквер. За деревьями виднелась крыша серого пятиэтажного дома. Его дома. До забора здесь было совсем недалеко, вдобавок прямо перед окном откуда-то сверху свисал толстый кабель. Игорь попытался дотянуться до него, но не смог. Рискнуть допрыгнуть? Он сделал три шага назад, и вдруг тяжелая рука легла на его плечо. Холод этой руки пронизал все тело Игоря и словно приморозил его к полу. Он попытался закричать, но ни звука не вылетело изо рта. Стылый ужас схватил его за сердце, но в тишине вдруг раздался спокойный, даже проникновенный голос незнакомца.

— Не бойся! Я не причиню тебе вреда. Только выслушай меня, и я сразу уйду!

Незнакомец убрал руку и появился на фоне окна, но Игорь все еще не мог шевельнуть ни одним пальцем.

— Не бойся, — повторил незнакомец, — после моего ухода это сразу пройдет. Но сейчас ты должен все хорошенько запомнить и понять. И еще: у меня нет времени на доказательства. Я прошу мне поверить, потому что сам доверяюсь тебе. Сейчас мы должны верить друг другу — только в этом спасение для Светлого мира, а может быть, и для вашего тоже.

Итак, вот тебе правда: мы действительно преследуем Маринку. Мы — предотвратители, особый клан в народе, населяющем Светлый мир. На протяжении сотен лет и до самого последнего времени в наши обязанности входило ограждать свой народ от всяческих контактов с вами. Миры наши нигде не пересекаются, но у них есть точки соприкосновения, их-то мы и должны были охранять. Поколения за поколениями рождались и умирали, не зная правды о своей истории и о Тайне, из-за которой их предки покинули этот мир, и мы, ее хранители, уже думали, что так будет продолжаться вечно. Но, по-видимому, это невозможно. Люди изменяются с веками, рано или поздно они узнают именно то, что наиболее тщательно от них скрывали. Тот, кто думал, что направляет их, вдруг теряет их доверие, и тогда все, что им было создано, рушится в один день.

Мы и сами почувствовали, что время это приближается, поняли, что сохранять тайну больше нет возможности, и стали готовиться к тому, что она будет раскрыта. План наш был таков: понемногу приоткрывая занавес, рассказывать народу о вашем мире, подготовить умы к трезвому восприятию мысли, чуждой им по самой их сути. Ты видел ящики, которые переправляются отсюда к нам, — это ваши книги, до сих пор они были запрещены, как величайшая опасность для Светлого мира, и только теперь их увидят и узнают у нас. И все же мы опоздали.

О существовании Тайны узнали несколько человек, считающих, что высокое происхождение дает им право на любые привилегии, в том числе и на те, которыми пользуются лишь предотвратители. Они потребовали раскрытия им Тайны и, получив отказ, немедленно сколотили партию своих сторонников и стали разжигать недовольство в народе. Им удалось привлечь на свою

сторону немало светлых голов и знатных имен, в том числе и принцессу Маринику.

Эта девушка считает, что борется за свое право, и не собирается воспользоваться Тайной, какой бы она ни была. Но Мариника не одна, за ее спиной люди, жаждущие власти в Светлом мире. Если Тайну узнает весь народ, он испытает потрясение, но устоит. Однако если Тайной завладеет могущественная, стремящаяся к власти партия, она не замедлит ею воспользоваться и воспользуется, конечно, в собственных интересах.

Поначалу, узнав, что Мариника проникла сюда, мы пытались создавать препятствия на ее пути, даже запугивать тех, с кем она встречалась. (Признаюсь, с моей стороны это была нелепая выходка, но чего не натворишь в спешке!) Позже я осознал, что все это бесполезно, рано или поздно она узнает, в чем заключается Тайна, это поразит ее, возможно, приведет в отчаянье, и в таком состоянии она может вернуться к своим и все им выложить.

И я понял, что должен обратиться к вам, людям, живущим здесь. Вы опасны, вы очень опасны для нас, но более всего вы опасны своим неведением... И вот я, Хранитель Ворот Светлого мира, обращаюсь к тебе и говорю: принцесса Мариника должна быть задержана. Ради этого я готов даже открыть Тайну. Ей и тебе. У себя дома ты найдешь письмо. Прочти его. Первые строки покажутся тебе знакомыми, я пытался рассказывать тебе эту историю в снах, но не успел. Дай прочесть это письмо Маринике, ей известна из него лишь одна фраза. А когда она узнает всю правду, попытайся объяснить ей, что владеть такой Тайной должны либо все, либо никто. Надеюсь, она поймет...

Вот и все, что я хотел сказать тебе. Прости меня за страх, выпавший на твою долю и за насилие над твоей волей. Прощай!

Незнакомец повернулся и вышел из комнаты. Шаги его гулко раздавались в зале, затем глухо и коротко в коридоре, и, чем дальше он удалялся, тем слабее становилась сила, удерживавшая на месте Игоря.

Он уже набрал полную грудь воздуха, чтобы крикнуть: «Постой!», как вдруг послышался отдаленный грохот, эхом прокатившийся по всему зданию.

Игорь схватился за голову. «Что я наделал!» Он бросился бежать, на ходу размазывая по щекам брызнувшие вдруг из глаз слезы. Так и есть, лестница в кон-

це коридора исчезла. Игорь застонал и, встав на колени, посмотрел вниз. Черный квадратный проем в полу первого этажа глянул на него бездонной пропастью. И в эту пропасть он только что столкнул доверившегося ему человека! Игорь вскочил и заметался по коридорам и комнатам. Наконец ему удалось найти безопасный спуск на первый этаж, а затем и лестницу, ведущую в подвал. Спускаясь по ней, он наткнулся рукой на выключатель и зажег свет. Теперь здесь было светлее, чем наверху. Игорь быстро определил, в каком направлении идти, и скоро отыскал тесное, выложенное кирпичом помещение с квадратной дырой в потолке. Он сразу увидел черную фигуру, лежащую на полу среди обломков лестницы. Человек не шевелился, из уголка губ у него стекала тонкая темная струйка. Игорь склонился над ним и тронул за плечо. Веки незнакомца дрогнули, он открыл глаза и пробормотал несколько слов на незнакомом языке, потом словно вспомнил о чем-то и посмотрел на Игоря.

— Ты... понял? — прошептал он. — Вот в этом и дело... В этом... разница...

Глаза его вдруг расширились, голова неестественно вывернулась, руки зашарили по земле.

— Останови ее... — вырвалось у него из горла. — Не дай...

Он замолк на полуслове и вдруг на глазах у Игоря стал таять, превращаясь в белесую, быстро исчезающую дымку. Через минуту от него ничего не осталось...

«Что он имел в виду? — думал Игорь, приближаясь к дому. — В чем разница? Между чем? Что я должен был понять? Он так говорил, будто не ожидал от меня ничего другого... Письмо! В письме должен быть ответ...»

Но сначала он постучал к Лехе. За дверью было тихо. Неужели еще не вернулся? Он дернул за ручку, и дверь вдруг легко распахнулась. Игорь остолбенел: вместо Лехиной комнаты перед ним был сад с тропическими растениями, пестрыми попугаями на ветвях и дорожками из мрамора. Высокая стеклянная крыша нависала над пальмами, сквозь нее било яркое полуденное солнце. Из глубины сада доносилась музыка, журчание воды, звонкий разноголосый смех и немелодичный гогот, явно ушаковского тембра.

После всего, что сегодня произошло, Игорь был уже не в силах удивляться. Он просто пошел по дорожке на голоса и скоро увидел любопытную картину: несколько девушек в сведенных до минимума нарядах танцевали на поляне вокруг мраморной ванны, наполненной прозрачно-голубой водой. В ванне сидел Леха. Он вертел головой и время от времени вынимал из воды руку, чтобы схватить одну из танцовщиц. И ему, и девушкам это доставляло массу удовольствия, они хохотали до упаду.

Выйдя из-под сени пальм, Игорь направился прямо к ванне. Леха, увидев его, страшно смутился, поспешно щелкнул пальцами, и волшебный сад вместе с девушками вдруг пропал. Они снова были в комнате. Оставляя мокрые следы, Ушаков подошел к стулу, снял висевшее на спинке полотенце и обмотал его вокруг бедер.

— Ну чего ты вламываешься? — заорал он, видимо, вернув себе вместе с полотенцем самообладание.

— Где Марина? — спросил Игорь.

— Какая еще Марина? — Леха пожал плечами, но, глянув Игорю в лицо, не выдержал:

— Ах, Марина! Так она ушла куда-то... И вообще, что ты ко мне привязался? Откуда я знаю, где твоя Марина? Помыться не дадут спокойно... — Он попытался было оттеснить Игоря к двери, но тот толчком усадил его на стул.

— Где вы с ней были?

— А что? — Леха с опаской поглядывал на кулаки Игоря. — Ты же сам сказал — родственница. Что уж теперь, и словом не перемолвись?

— Где вы были?

— Ну чего ты? В парк мы сходили, я ей показал, где у нас что, в кино зашли...

— В кино?

— Да. А что такого? Культурная программа. Она сама просила, ей-богу! Я ж никогда не навязываюсь, ты меня знаешь...

— А потом?

— Потом?

— Да, после кино?

— Э-э. Тут, понимаешь, такая штука вышла. В кино-то мы до конца не досидели. Что-то я не понял даже,

не понравилось ей, что ли? Так кино вроде хорошее, с вырубонами. «Убрать первым» называется, не смотрел? У-у! Наше, правда, но не хуже штатовского... Ну вот. Как только он начал их мочить, она, смотрю, глаза вылупила и замерла. Потом вдруг схватила меня за рукав да как заорет на весь зал: «Что это он с ними делает?!» Ну, я ей говорю, тихо, мол, здесь тебе не Моршанск, если будешь так орать, из зала выставят. Она, правда, потише стала, но все добивается, чтоб я ей объяснил. Я и объясняю, что согласно суровым законам гангстерского мира он устраняет конкурентов, или, проще говоря, убивает. А она понять не может, что это за слово вообще. «Как это, — говорит, — убивает? Как?» Сейчас, говорю, увидишь как. Вот этому, гляди, по башке ломом даст, и брызги полетят, видишь? Она смотрела, смотрела и тихо вдруг спрашивает: «Он делает их мертвыми?» Э-э, думаю, подруга, да ты, видать, слаборазвитая... Из спецшколы небось.

Ну конечно, говорю, мертвыми! Вот этих сделает мертвыми, а остальные зато будут его слушаться. По струнке будут у него ходить...

Она опять помолчала, посмотрела это все и говорит: «Он подчинил их своей власти. Вот он — ваш способ». И вдруг встала — и к выходу. Я, натурально, за ней. Ты что, говорю, обиделась, может, на что-нибудь? Она обернулась, посмотрела на меня в упор и шепчет: «Идем, ты должен мне все рассказать». Только мы из зала вышли, она снова меня за рукав схватила и спрашивает: «У вас что, всегда так убивают?» У нас, говорю, не убивают, это у них убивают. «У них, у вас — неважно. Ты скажи, вы всегда пользуетесь для этого ломом?»

Ну, почему же, отвечаю, ломом? Ломом неэстетично. А для этой цели бывают пистолеты, автоматы, пулемет крупнокалиберный — тоже эффектная вещь. Ну, если по-крупному воевать, то там уж пушки, танки, минометы, самолеты... В общем, прочитал я ей лекцию по видам вооружений, вплоть до лазера с ядерной накачкой, тут-то я спец, ты же знаешь. Рассказал все и спрашиваю: мол, неужели ты сама ничего этого не знала? Она молчит, а сама, гляжу, вся дрожит. «Не так я себе представляла вашу Тайну, — говорит. — Мы привыкли считать смерть общим горем, нелепой случайностью или данью старости бездушной... — что-то такое она выдала, не помню точно. — Но мы, кажется, ошибались. Тот,

кто борется за власть, должен убивать. Убивать некоторых, чтобы остальные боялись... Да, — говорит, — так им и скажу. Вот вам ваша Тайна! Делайте с ней что хотите!» Потом на меня посмотрела и так это процедила: «Какие же вы...»

Ну, я давай ее успокаивать. Да ты что, говорю, посмотри вокруг, кто кого убивает? Это же все там, на Западе гнилом. А у нас-то тишь да гладь! Да и потом я с тобой! Если что.

Но тут она стала говорить, что ей срочно нужно куда-то идти. А ты не ходи, говорит. Я, говорит, знаю, чего тебе хочется больше всего. И тут вдруг в глазах у меня эта картинка... ну, ты видел только что. Вот так, говорит, щелкнешь пальцами, все это и появится, щелкнешь еще раз — пропадет. Так что можешь бежать домой, ты ведь этого хотел? Ну смех! Как будто кто-то мог этого не хотеть!

Ну, в общем, ушла она. И я тебе так скажу: не ври ты, никакая она тебе не родственница. Самая настоящая инопланетянка — вот она кто. И я бы на твоем месте написал бы письмо в «Технику — молодежи». А не поверят — пусть приезжают, я им тут покажу фокус...

Игорь ушел от Лехи, ничего ему не объяснив. Да и что ему объяснишь? Разве он поймет, что натворил? Эх, Леха, Леха! А впрочем, не в нем дело. Игорь понимал, что и сам мог бы повести Марину на подобный фильм. Но дело и не в фильмах.

Дело в нас самих, думал он. В том, что мы все еще находим оттенки благородства, романтику или даже комический эффект в этой самой неестественной способности человека — убивать людей...

А происходит это от нашего равнодушия к чужой судьбе. Ну, убивают там кого-то — и ладно. Лишь бы не моих соотечественников. А если уже их? Лишь бы не моих знакомых! А если их? Не семью! А если семью? Делайте что хотите, только не трогайте *МЕНЯ!*

Игорь вошел в свою комнату и сейчас же увидел на столе конверт. В нем оказался один-единственный листок. Игорь развернул его и прочел:

«...Прошло уже немало времени с тех пор, как в цветущей долине среди неприступных гор собрались со все-

го света люди, знавшие о таинствах и самом устройстве Природы больше, чем весь остальной мир. Они съехались туда вместе с семьями и имуществом, в надежде обрести покой, необходимый для продолжения их трудов, и дать отдых сердцам, израненным зрелищем нескончаемых кровопролитий, творящихся по всей земле.

Но мир не хотел оставить в покое бежавших от него. С каждым годом он все ближе подступал к укромной долине, сжимая свои окровавленные пальцы на горле сокровенной мысли.

И вот, когда уже казалось, что спасения нет, новая тайна открылась вдруг мудрецам, населявшим долину. Они создали новый мир, нигде не пересекающийся с миром уже существующим, и назвали его Светлым, и удалились в него навеки.

Они искали покоя и отдыха и нашли его, ибо Светлый мир был абсолютно пуст. Тогда, рассеявшись в нем, они наполнили его лесами и горами, реками и морями, каждый по своей прихоти, и уединились в своих излюбленных местах семьями и поодиночке. Но прежде, собравшись вместе, все они решили в детях и внуках своих навеки уничтожить мысль об убийстве как способе достичь первенства в роде или товариществе, в городе или государстве, когда бы они ни возникли в Светлом мире. В ненарушимую тайну был превращен этот страшный способ подчинения людей своей власти. Пришедшие в Светлый мир поклялись навсегда забыть его и детей своих воспитать в неведении, дабы никогда не началась здесь ужасная борьба, некогда изгнавшая их из мира родного...»

Где-то капала вода. Луч фонарика по одной выхватывал из темноты широкие влажные ступени, полого уходящие в бесконечную глубину. Игорь шагал по ним и думал:

«Ее еще можно догнать, остановить, объяснить ей самое главное — Тайну должны узнать все. Все сразу. Только так можно избежать беды...»

Он шел все дальше и дальше и даже не обернулся, когда где-то далеко за его спиной со скрежетом захлопнулась подвальная дверь...

* * *

В поисках смысла

Репортаж с завода стихосложения

«Поэзия — та же добыча радия», — говаривал великий поэт, когда хотел подчеркнуть важность поэтического ремесла. Были и минули времена, когда стихосложение считалось второстепенным производством и предоставлялось в распоряжение кустарям-одиночкам. Кануло в Лету ущемляющее достоинство деление людей на писателей и читателей только по тому принципу, что у одних оказывалось способностей больше, чем у других, и человек, несправедливо обделенный поэтическим даром, не имел право на самовыражение.

Но вот наконец и встало стихосложение на широкую ногу. Теперь это никого уже не удивляет... И все-таки я подхожу к массивному, украшенному колоннами зданию, над которым красуется огромное табло со словами Владимира Маяковского, с благоговением — здесь рождается творчество.

«В начале было слово!» — сказал кто-то из великих. Да, все начинается словом. И вот они — тысячи, миллионы слов проходят по конвейеру. Движется основной поэтический материал, который в течение многих веков считался загадочным и недоступным пониманию широких масс.

Я обращаюсь к начальнику цеха слововыработки:

— Полина Самсоновна, конечно, завод ваш не первая ласточка на небосклоне поэзии — давно уже появляются подобные предприятия и у нас, и за рубежом... И все-таки, что нового внес ваш завод в вечное дело стихосложения?

— Я отвечу вам стихами, которые можно назвать девизом нашего предприятия:

То, что сам не поймешь,
Ты другим передай в рассмотренье,
То, что сам не успеешь,
Другим в исполненье отдай;
То, что сам не споешь,
Для других запиши — вдохновенье
Пусть озвучит тебя,
Пусть твоя пропоется печаль!

— И радость пусть пропоется! — говорю я.

— Да, — соглашается Полина Самсоновна. — Переполнится душа, запоет сердце от любви, счастья, берите бумагу, пишите, присылайте свои заявки на предприятие! Здесь переработают письмо, и ваше настроение зазвенит в отточенных строчках, радуя миллионы читателей.

— То есть ваша задача сделать творчество доступным для каждого, — говорю я.

— Да, — опять соглашается Полина Самсоновна,— ведь, как говорится в одном из наших стихотворений, душа поет не только у поэтов!

— Ну и немного о технологии слововыработки...

— Основа нашего цеха — лаборатория, которая высчитывает среднюю употребимость каждого слова, выставляя ему количество баллов. Сумма этих баллов в каждом стихотворении, деленная на количество слов, не должна превышать десяти.

...Мы в тематическом цехе. Я останавливаюсь около одной из самых молодых работниц завода.

— Инна, расскажи, пожалуйста, почему ты выбрала именно этот завод и этот цех.

— В детстве я сама любила сочинять стихи, но поняла, что в одиночку никогда не создашь, как говорится, общественно значимого произведения. И еще в шестом классе я решила: буду работать на стихотворном заводе! А почему тематический цех?..

Инна на секунду задумывается, но ответ уже написан в ее широко открытых глазах: тематический цех один из самых главных на заводе. Здесь обрабатываются письма, подбираются слова на тему... Вместе с цехом смысла тут рождают идею стихотворения!

Кстати, с удовольствием отмечу, что в последнее время все меньше становится тем социального неблагополучия, неудовлетворения собой. Этому противоречит сам характер нового производства. А вот кустарное творчество как раз и порождало разобщенность авторов, нездоровую конкуренцию между ними. Поэты, противопоставив себя обществу, чувствовали свою отчужденность, отсюда одиночество, душевный разлад, непонимание. «То, что сам не поймешь, ты другим передай в рассмотренье...» Труд и счастье, любовь и коллективизм — вот темы, которые преобладают сейчас на заводе.

— А с добрыми, веселыми темами и работать весело, — улыбается Инна.

— А какое твое любимое стихотворение, Инна? Конечно же, о любви?

— Конечно! Мое любимое стихотворение — «Моя любовь не мне принадлежит».

Цех рифмы по праву считают самым передовым на заводе. Сегодня он работает уже в счет 55-й пятилетки. Ганна Игоревна — лучшая рифмовальщица.

— Ганна Игоревна, расскажите немного о себе.

— Не могу, — виновато отвечает ударница, — работа! Извините!

Ну что ж, «о деле скажет дело!». Кстати, именно так называется стихотворение, которое сейчас рифмует работница...

...Мы в цехе сборки. Пожалуй, на любом предприятии этот цех считается самым ответственным. Евгения Муньевна — сборщица, да не простая! О ее труде на заводе складывают легенды. Вот стихотворение, которое только что собрала она. Называется оно «Диагональ» и, безусловно, содержит глубокий философский смысл. Но отвлечемся от содержания, вглядимся в ровные строчки... Если провести диагональ из начала в конец стихотворения, то в каждой строке линия пройдет через букву «д».

— В чем секрет такого мастерства? — спрашиваю Евгению Муньевну.

— Какие у меня секреты! — машет руками мастерица. — К любому делу нужно подходить творчески!

Я тайно восхищаюсь этими людьми. Таких, как они, можно уважительно называть поэтами. Но как просты они, как скромны. Они просто работают, они честно делают свое дело.

Мария Сидоровна — выбраковщица. Человек она веселый, доброжелательный.

— Брака у нас почти не бывает, — улыбается она и, словно поддерживая мою недавнюю мысль, добавляет: — Люди у нас работают добросовестно. Мне лично вообще все стихи нравятся.

Цех смысла. Основную его часть занимает творческая лаборатория. В ней всегда шумно.

Сквозь оживленный творческий гул пробивается голос начальника цеха:

— Наш участок самый сложный на заводе. Я сам еще не до конца понимаю его технологию... Читатели

часто жалуются на отсутствие смысла в наших стихах, поэтому в поисках смысла приходится работать по вечерам и в выходные дни.

Печатный цех, иллюстративный, переплетный... Производство на заводе комплексное — от обработки писем до упаковки готовой продукции.

Упаковочный цех. Незаметная и скромная работа. К сожалению, пока многое здесь делается вручную. Но зато, наверное, как приятно держать в руках готовое изделие и знать, что в нем частица твоего труда.

— Да, — соглашается упаковщица Татьяна Ефимовна, уверенными движениями перетягивая шпагатом огромную стопку с книгами и завязывая концы шпагата на традиционный бантик.

Грустно уходить с завода, грустно расставаться с хорошими людьми. Заметив мою грусть, мне дарят на память еще пахнущий типографской краской сборник стихов. «Поступь века» — бросается в глаза название книги, и я горжусь, что буду первым ее читателем.

На обложке нет подписи автора — это еще одна особенность завода. Коллективный сборник создан коллективным трудом. И вспоминается мне, что когда-то, на заре нашей публицистики, между ведущими журналистами возник спор: нужно ли подписывать свои статьи? Анонимность считалась признаком единодушия и единомыслия создателей газеты. Но есть еще один великий смысл в анонимности. Читатель, восторгаясь лучшими произведениями, уже не сможет сказать: я не Маяковский, я не Роберт Рождественский, я так не смогу. Я человек и я должен! — подумает он и захочет трудиться так же ударно, как коллектив завода, который выдал в этом году 350 сборников стихов сверх плана.

* * *

АНАТОЛИЙ ШАЛИН *повесть*

ЗАБЛУДИЛИСЬ

— Приехали! Дальше машина не пойдет! К пассажирам просьба выйти и прогуляться. — Василий демонстративно отодвинул крышку панели управления и по-

лез в хитросплетения проводов индикаторной отверткой.

— Это как понимать? — возмутился Семин, солидный, уже немолодой мужчина с округлым, вечно недовольным лицом, окаймленным длинными, темными волосами, аккуратно расчесанными на уже начинающей лысеть макушке. — Это что, издевательство? Это мы куда опять заехали?

Правый глаз Семина, когда его хозяин начинал волноваться, дергался и наливался кровью, при этом сам Семин напоминал быка, перед которым помахали красной тряпочкой. Бенедикт Семин читал у нас в Институте Прикладной Истории лекции по остеологии, был очень высокого мнения о своей особе и, вероятно, поэтому остро и болезненно реагировал на все уколы фортуны. И на этот раз он буквально задыхался от негодования:

— Почему вы молчите? Я с кем разговариваю? Куда мы попали? Федор, вы-то чего безмолвствуете? Это ведь и вас касается!

— А что я могу сделать? — пожал я плечами. — В машине Василий хозяин. У него допытывайтесь.

— Василий Иванович, вы можете ответить на мой вопрос? — подчеркнуто холодно обратился к водителю Семин.

Василий почесал отверткой за ухом, подмигнул мне и, повернувшись всем корпусом к Семину, хмуро сказал:

— Вылазь! Надоел ты мне своим зудением. Сказано же, дальше не поедем! Поломку надо исправить, ясно?

— Ясно, — уже более миролюбиво ответил Семин,— однако, Василий Иванович, хотелось бы знать, куда мы попали?

— Эх, дорогуша, я тебе кто, дельфийский оракул, чтобы все знать? Видишь же, ни один датчик не работает? Что тут определишь? Глаза у самих есть. Изучайте обстановку, прикидывайте, сопоставляйте, вы же ученые, а не я!

Семин тяжело вздохнул.

Мы вылезли из кабины. Вокруг зеленой стеной стоял лес — не лес, а самые натуральные джунгли. Одуряюще пахли какие-то неизвестные науке цветы, растения. Теплый ветер доносил из зарослей тошнотворные запахи крупного, очевидно, не очень чистоплотного зверя. Я поежился и прихватил карабин с заднего сиденья.

— Вы полагаете, здесь могут быть хищники? — с беспокойством осведомился Семин.

— А вы думаете, этот лесок пуст? А запахи?

— М-да! — втянул носом воздух Семин и закашлялся. — К-хе! К-хе! Куда он нас все-таки затащил?

— Сами убедились — все три счетчика сломаны. Поживем — увидим. Главное, здесь можно дышать, тепло. И если судить по буйству растительности, мы в тропиках.

— А время? Время какое?

— Не все сразу. Погуляем, что ли?

Семин готов был уже согласиться, но тут такой мощный, дикий рев потряс атмосферу, что мы невольно втянули головы в плечи и попятились к машине.

— Что такое? — испуганно спросил Семин.— Кажется, львы?

— Разве? А мне так напомнило слона. По-моему, это какое-то хоботное. Наверное, мамонт. Занятно! Ни разу не видел живого мамонта. Прогуляемся до того холма, что виднеется справа. С вершины можно осмотреть местность. Пошли! — И, перекинув карабин через плечо, я направился по узкой звериной тропе в чащу. Семин поежился, оглянулся на Василия, копавшегося в механизмах машины, и неохотно последовал за мной.

До холма оказалось километра два. И все эти километры до вершины, и всю обратную дорогу Семин плакался мне на свою крайне неудачную жизнь, пыхтел и проклинал несправедливость судьбы.

— С диссертацией мне не повезло, — говорил он, вздыхая, — тема попалась нудная, скучная. Начальство меня не понимает. Характеры у сотрудников отвратительные... И вообще... А взять этого Василия. Не понимаю, куда отдел кадров смотрел? Что за тип? Вот помяните мое слово, пока мы с вами разгуливаем, он починит машину и удерет без нас. Нахал! Грубиян! Никакого уважения к старшему по званию!

— Это вы, Бенедикт Степанович, зря,— заступился я за Василия.— Конечно, характер у него не сахарный, но товарищей в беде он не бросит. И потом, Бенедикт, а кто из нас ангел? Вы, простите, сами его довели до грубости. Что вы его всю дорогу шпыняете — то вас трясет, то вы замерзаете, то вам жарко, то душно? И все ему под руку, а человек за рулем. Все-таки не бульдозером, машиной времени управляет!

— Плохо управляет! — упрямо заявил Семин. — Плавнее надо, плавнее, а он с места в карьер! А какая тряска при сменах общественно-экономических формаций! И потом знал же ведь он, что через ледниковый

период поедем, что холодно будет, знал? Почему не предупредил? Я бы шубу взял, белье теплое. У меня и без этого простуды хронические! Безобразие!

— Во-первых, управляет машиной Василий хорошо. Водитель он классный! Таких поискать! Во-вторых, что у нас полетят все навигационные приборы, этого он, естественно, предвидеть не мог. И что нас в палеолит занесет — об этом ни он, ни я, ни вы до последнего момента не догадывались. В-третьих, я Васю знаю не один год, он сделает все возможное и даже невозможное, чтобы устранить поломку. Уверен, скоро он все отладит, отрегулирует, вернемся домой в наш родной двадцать пятый век, и вы спокойно займетесь своей многоуважаемой диссертацией.

Беседуя в таком духе, мы пробродили около двух часов. Побывали на вершине холма, но ничего утешительного с нее не узрели: вокруг до самого горизонта простирались джунгли. Несколько каменистых возвышенностей — вот все, что хоть как-то разнообразило пейзаж. У одной из скал я разглядел в бинокль гигантского бурого медведя и указал на зверя Семину:

— Посмотрите, Бенедикт, какой замечательный экземпляр!

Рассмотрев мишку при десятикратном увеличении, Семин охнул, заявил, что это какая-то очень редкая ископаемая разновидность пещерного медведя, после чего окончательно скис и заторопился назад к машине. Думаю, лишь после этих визуальных наблюдений представителей местной фауны он убедился, что мы в самом деле заехали в доисторические времена.

У машины нас ожидал сюрприз.

На полянке в трех метрах от аппарата, потрескивая сухими ветками, пылал большой костер. Над костром на некоем подобии вертела поджаривалась, брызгая горящим жиром, туша доисторического оленя.

А у огня, богатырски развернув плечи, сидел на корточках Вася и заклеивал окровавленную левую щеку лейкопластырем. Рядом, тесно прижавшись к Васе, вылизывая банку с остатками сгущенки, мурлыкало от удовольствия загорелое, косматое существо.

Заметив нас, существо насторожилось, однако Вася успокаивающе похлопал его по плечу:

— Кушай, кушай, дорогая. Не обращай внимания,

детка. — Нам же Вася радостно сообщил: — Ее зовут Му. Для друзей — просто Мурочка. Представляете, мужики, я познакомился с ней, можно сказать, в самый критический момент. Один мухомор, из местных, гнался за ней с дубиной. Вообразите только, девочка утверждает, что он собирался ее скушать! Правда, я у него отбил аппетит. Дубиной-то он здорово махал. — Вася осторожно дотронулся до заклеенной щеки. — А вот о боксе, фехтовании, приемах вольной борьбы никакого представления! Село!

— Все это прекрасно, Василий, — сказал Семин, — но хотелось бы знать, что с машиной?

— Чиним! — бодро ответил Вася, затем снял с себя кожаную куртку и набросил на голые плечи спутницы. Сделано это было вовремя. Уже начинало темнеть, появился легкий вечерний холодок, на Мурочке же, кроме набедренной повязки из полинялой тигриной шкуры и ожерелья из лошадиных зубов, не было ровным счетом ничего. И это обстоятельство уже начинало смущать Семина, который, оценив стройную фигуру Мурочки, стал стыдливо опускать глаза и отворачиваться.

— Мясо, по-моему, готово, — сказал я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. — Тебе какой кусок отрезать? — обратился я к Семину.

В ответ Бенедикт промычал что-то совершенно невразумительное, закашлялся и полез в кабину искать свой носовой платок.

Василий же, не обращая внимания на терзания Семина, активно ухаживал за Мурочкой. Отрезал ей лучший, аппетитный кусочек. Когда же она довольно заурчала и прижалась к нему, нежно обнял ее за талию и доверительно сообщил нам:

— Васю любят.

И этой фразой добил Бенедикта Степановича.

Семин подавился куском оленины, долго кхекал, сопел и бегал вокруг костра. Вечером же перед сном, когда Вася ушел провожать Мурочку куда-то в лес, Бенедикт окончательно рассвирепел и заявил мне:

— Вернемся в институт, не я буду, но поставлю вопрос о моральном разложении.

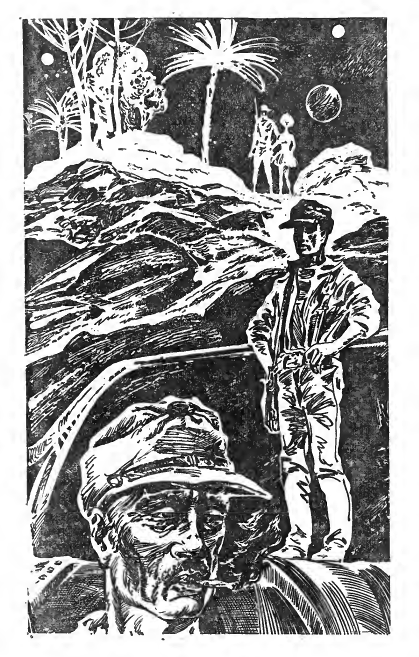
— А! Бросьте, Беня! — не выдержал я. — Не поможет. Васю не перевоспитаешь... Так же, впрочем, как и нас с вами... Вопросы ставить уже пробовали не единожды! Еще после знаменитой экспедиции Ахеменидова

в тринадцатый век. Не помните? Шумная была история. Василий тогда дорвался до гарема какого-то султана и несколько месяцев, пока экспедиция изучала эпоху и в услугах водителя машины не нуждалась, каждую ночь развлекал тамошних красавиц, совсем заброшенных стариком султаном за множеством государственных дел. Все бы и тогда прошло гладко, поскольку жалоб от населения не поступало, но Василий слишком живо и во всех подробностях, перед которыми слегка меркнут сказки Шехеразады, расписывал свои похождения в кругу друзей и, естественно, вызвал нездоровый ажиотаж среди других сотрудников. Помнится, после возвращения экспедиции сам Федот Ахеменидов, потрясая кулаками и бородой, доказывал ученому совету, что султаны энной династии более поздиего времени имеют с Василием портретное и характерное сходство. Дескать, такие же усатые, нахальные и грубые. Причем Ахеменидов из этого сопоставления делал вывод, что Василий подпортил генеалогию и чистоту каких-то исторических линий. Ну, это, конечно, старик перегнул палочку. Василий оправдывался, кричал, что еще надо доказать: подпортил он линии или улучшил, и что оскорблений он не потрепит и от начальника экспедиции. И вообще, мол, о чем речь? У старика, дескать, томилось в заточении около тысячи женщин. Куда ему столько? С монарха, мол, еще и причитается. Он, Вася, занимался воспитанием и образованием девушек, просветительской деятельностью. Кончилось тем, что вопрос о поведении Василия замяли. А к концу года Вася даже выхлопотал себе надбавку к премии и благодарность со странной для непосвященных формулировкой: «За подготовку эмансипации женщин Древнего Востока».

Семин после моего рассказа поостыл. Около часа ворочался на сиденье с боку на бок, шумно посапывая, наконец не выдержал:

— Вот где его черти носят? Вокруг джунгли, хищники, змеи ядовитые, каннибалы с дубинками разгуливают. Сожрут его, дурака, что делать будем? Машина сломана. Так и проторчим здесь остаток жизни...

— Ох, Бенедикт, тебя, похоже, только твоя персона волнует. За Василия не беспокойся — мужчина проверенный, сам кого хочешь съест. И потом, не мог же он оставить Мурочку ночью одну в джунглях — все-таки дама.



Утром Василий вернулся один, весь в пуху и разноцветных перьях, без куртки и без ножа.

— У нее тут недалеко гнездо на дереве. Уютное такое гнездышко! — лучезарно улыбаясь, сообщил он. — Ножик и куртку я ей подарил. У них тут скоро похолодание, этот, как его, ледниковый период намечается. Девочке теплые вещи нужны. Чего носы повесили? Сейчас займемся нашей колымагой. Держи паяльник! — приказал он Семину. — Помогать будешь! А ты, Федор, костром займись. Подкинь дровишек! Огонек-то почти потух. Оленя разогрей. Мурочка скоро прибежит голодная.

Машину чинили почти неделю. И всю эту неделю, день ото дня, Василий постепенно мрачнел, становился все угрюмее и раздражительнее. Хотя он и продолжал шутить, бодро орудовать инструментами и командовать, мы чувствовали — настроение у Васи портится. Теперь, когда из лесу появлялась Мурочка и ее сородичи, Вася не встречал их бодрыми криками. Если в первые три дня он организовал для первобытного народа своеобразный ликбез: обучал стрельбе из лука, выделке шкур, умению добывать огонь при помощи кремня, то к концу недели Вася уже не отходил от машины. Развлекать же гостей, и даже саму Мурочку, приходилось уже Семину и мне.

На седьмой день нашей первобытной одиссеи Василий после ужина и прощания с Мурочкой собрал нас в машине.

— Значит, дела такие, — сообщил он — Кое-что во внутренностях этого катафалка удалось исправить. Можем ехать...

— Наконец-то, — облегченно выдохнул Семин.

— Я не договорил, — сухо продолжал Василий. — Ехать можем, но в неизвестном направлении.

— Что ты этим хочешь сказать, Вася? — удивился я.

— Компас «прошлое — будущее» безнадежно испорчен. Я могу завести машину, могу задать скорость, но где мы окажемся в следующий раз — этого я предсказать не могу.

— Погоди! Ты что — даже не сумеешь определить, в прошлое мы попадем или в будущее?

— Именно! — Василий меланхолично забарабанил

пальцами по панели управления. — Даже не могу сказать, как далеко мы прыгнем в ту или другую сторону. С одинаковой вероятностью мы можем попасть и в мезозойскую эру, и к основанию города Рима, и в какой-нибудь сорок седьмой век далекого будущего.

— Ха! Так в чем проблема? Будем прыгать через века, раз, другой, третий, до тех пор, пока не попадем в нашу эпоху или более позднюю. А там отыщем исправный аппарат и вернемся на нем к себе, — сказал Семин. — Ведь, кажется, уже с двадцать третьего века во всех крупных городах Земли были открыты гарантийные мастерские по ремонту машин времени. Верно, Федор?

— Пожалуй, — согласился я. — Что скажешь, Вася, похоже, Бенедикт прав?

— Прав-то прав, но вы, друзья, забываете, что машина времени — это еще не вечный двигатель. У нас энергии осталось всего на четыре больших перехода.

— Другого же выхода нет, — сказал я. — Заводи!

— Почему нет? — Василий хмыкнул. — Желающие могут остаться с племенем нашей Мурочки.

— Вы мне эти разговорчики, Василий Иванович, оставьте! — встрепенулся Семин. — Это провокация! Дезертирство!

— Мое дело предупредить, — процедил сквозь зубы Вася, включая зажигание.

Первобытный лес за окнами машины покачнулся, задрожал и растаял во тьме.

Василий выжимал из машины все возможное.

Семин опять стал нервничать, хватать то меня, то Василия за руку и шептать:

— Осторожнее, осторожнее на поворотах истории, плавнее, ради всего святого!

— Терпи, профессор, не выпадешь авось, — бормотал Вася, пристально наблюдая за стрелкой расхода энергии. — До исторических времен надо еще добраться! — К Василию, едва он оказался на своем рабочем месте у пульта, вернулась его обычная жизнерадостность и уверенность в завтрашнем дне.

Через два часа по бортовому времени Василий погасил скорость и отключил двигатели. Тьма за окнами понемногу рассеивалась. Из серого тумана стали проступать гигантской толщины стволы деревьев. Возникли совершенно дикие, чудовищные заросли. И в кабину машины времени стали доноситься приглушенные лающие и квакающие звуки, различные взбулькивания, рев.

Семин поежился, завертел головой, затем покосился на Василия и убежденно провозгласил:

— Опять куда-то в доисторические времена заехали.

— Да, это вам не двадцать первый век, — не теряя бодрости в голосе, подтвердил Вася. — Опять в прошлое провалились.

В это мгновение за окном среди буро-зеленых мохнатых зарослей зашевелилась голова гигантской змеи.

— На питона по размерам смахивает, — сказал я, — а то и покрупнее будет.

— Что, Васек, может, сбегаешь — познакомишься? — съехидничал Семин.

— Бенедикт, — одернул я его, — спокойнее, не нагнетай атмосферу!

Василий не удостоил Семина ответом, а вновь полез отверткой в панель управления.

После второго прыжка во времени мы очутились у подножия какого-то сильнодействующего вулкана.

Сотрясалась почва, сыпались камни, пепел, по склонам горы сползали лавовые потоки, вокруг грохотало. Пейзажи были такие, что я в первые мгновения решил было, что нас занесло уже на другую планету или в такую древнюю эпоху Земли, о которой и подумать-то страшно.

Теперь уже было не до шуток и Василию, и нам.

И Семин, и я начинали всерьез сожалеть, что не остались с Мурочкой и ее племенем.

— Скорее, Вася! — не выдержал я. — Жми на педали, пока нас здесь камушками не засыпало! Разбираться с аппаратом потом будешь! Жми!

Василий, конечно, и сам оценил обстановку и долго уговаривать себя не заставил. Уже не пытаясь что-либо отладить в двигателях, запустил машину на полный ход.

Это было наше самое мучительное путешествие. Три долгих, бесконечных часа мы боялись смотреть друг на друга. У каждого в голове болталась одна мысль: «Если опять прыжок в прошлое, то уже не выбраться. Энергия кончается... Остается последняя попытка...»

Вокруг плескалось теплое, спокойное море. Сочное голубое небо было ослепительно чисто. Солнце стояло сравнительно высоко. Лучи его быстро нагре-

ли корпус машины, и в кабине повысилась температура.

Василий щелкнул анализатором и вывел на экран данные по составу атмосферы. Состав был обычный. И мы с Семиным сразу повеселели, на этот раз машина сделала весьма ощутимый прыжок в будущее.

— Судя по погоде и по высоте светила, мы где-то в южных широтах, — сказал Семин, извлекая из футляра бинокль. — Надо бы определиться!

— Надо бы, — устало согласился Василий. — Может, подскажете, как это сделать?

Василий включил приемопередатчик, покрутил ручку настройки. В эфире было пусто.

— Выходит, до времени изобретения радио мы еще не добрались, — с грустью прошептал я. — Вечером по звездам определим наши координаты точнее.

— Смотрите, дельфины! — прервал меня Семин, осматривая в бинокль горизонт. — Птицы летят. По-моему, на северо-западе есть какая-то земля.

Василий взял у Семина бинокль и, осмотрев море в указанном направлении, согласился:

— Да, чайки кружат в той стороне. Соображаешь, профессор. Молодец! — похвалил он Семина и добавил: — Что ж, наш агрегат в воде плавает не хуже дельфина. Поехали!

Заработали пространственные двигатели. И машина времени, превратившись в обычный автомобиль-амфибию, быстро поплыла на северо-запад. Часа через три показалась суша, выглядела она не особенно привлекательно: рыжие, черные, темно-серые граниты, нагромождения камней и скал. Растительность на берегу довольно чахлая — ни одного деревца, все больше пожелтевшая от зноя трава и заросли темно-зеленых и бурых кустарников.

Василий выбрал поукромнее бухточку среди скал и причалил к узкой полоске желтого песка.

— Шикарный пляж! — излишне радостно, стремясь подбодрить спутников, заметил я. — Сейчас накупаемся, разведем костерчик, позагораем!

— Не спеши, Федор! — одернул меня Семин. — Еще неясно, где мы? В воде могут быть акулы, крокодилы, ядовитые змеи. Осторожность прежде всего! Здесь наверняка полно хищников!

Василий загнал машину в расщелину между скал.

— В тени-то лучше, — пояснил он, — корпус меньше нагревается. И от посторонних глаз все же хоть какое-то укрытие. Вы, мужики, хозяйничайте, рыбки половите, плавник для костра наберите, но огонь пока не разводить! А я пойду осмотрю окрестности.

— Само собой, старина, за нас не волнуйся, — все будет в лучшем виде, — успокоительно ответил я. — Не забудь свой карабин, вдруг и в самом деле какая зверюга на тебя бросится.

Василий беспечно махнул рукой:

— По этим горам с ним таскаться! Пистолета достаточно и кинжала, — он поправил на поясе свой длинный охотничий нож, — клинок, правда, не такой острый, как у того ножа, что я вручил Мурочке, но ничего — на первый случай сгодится! Ждите меня здесь, от аппарата не отходить и сидеть тихо! Ясно?

— Ясно. Возвращайся быстрее.

Василий неопределенно пожал плечами, и полез на скалы в заросли кустарников. Минут через пять мы уже потеряли его из виду. Я достал удочки, снасти и занялся рыбалкой. Семин поворчал немного о нарушениях субординации и, собрав большую кучу хвороста и щепок, ушел в тень к машине и задремал на песочке.

Время тянулось медленно. На спиннинг изредка попадались достаточно крупные, двух-, трехкилограммовые, серебристые рыбины с большими розовыми плавниками. В ихтиологии я разбирался плохо, но, по-моему, это были обычные, вполне современные рыбы, ничего ископаемого — древнего в их облике не чувствовалось. И я сообщил об этом Семину. Он фыркнул, но после пристального изучения улова вынужден был согласиться, что ничего необычного в пойманных особях нет.

— Ладно, — махнул Семин рукой, — не будем, гадать. Скоро ночь, а нашего разведчика что-то не видно. Как бы он не заблудился, надо развести костер, поджарить рыбку. Кстати, хищники огня боятся, а Василий на огонек легко найдет дорогу.

— На огонек не один Василий может найти дорогу! — возразил я. — Местность, возможно, населена людьми, а как они отнесутся к нашему появлению, сказать трудно. Если мы попали в какое-нибудь средневековье, нас с вами, Бенедикт, вполне могут отправить на костер. Решат, что колдуны, слуги дьявола, и крышка!

— Хм! — вздохнул Семин. — Перспективы... Скорее бы Василий вернулся, не случилось ли с ним чего?

— Василий свое дело знает! Парнишка находчивый, из каких только переделок не выкарабкивался. Он все сделает как надо.

— Что ты мне его нахваливаешь? — возмутился Семин. — Сделает, сделает... Ночь на носу! Он уже часов десять где-то шатается. За это время все вокруг можно осмотреть на три раза! Заметь, он ведь с собой еды не брал! Где он? Что с ним? Может, уже сгинул бесследно. Поди и к нам уже враги подползают, вот-вот набросятся! Что скажешь?

— Разводи костер, будем ужин готовить! Поживем — увидим! — поморщился я. — Василий не пропадет, просто что-то его задержало, думаю, к утру прибежит.

— Прибежит, как же, жди! — завел старую песню Семин. — Завез нас сюда на погибель и бросил... Кругом хищники, львы, тигры, каннибалы...

На эти сетования я уже Семину ничего не ответил — пропала охота с ним беседовать. Василия я изучил достаточно, чтобы за него не волноваться, но кое-какие смутные опасения стали закрадываться и в мою душу. Нет, конечно, Василий, если и попал в какую-нибудь историю, выберется из нее с минимальными потерями, — размышлял я, — хищники, инквизиторы, римские легионеры, прочая кусающая фауна — этим с Васей не справиться, но... — Я с силой втянул носом вечерний воздух, — здесь могут водиться... Ну, конечно, как я сразу об этом не подумал!

Послышались шаги, треск веток и возгласы:

— Осторожнее! Сюда, держитесь за мою руку! Одно мгновение! Позвольте! Вот мы и у цели!

Я узнал голос Василия и через минуту увидел его самого, жизнерадостного и обворожительного...

— Ах, чтоб ему... — прошипел за моей спиной Семин. — Опять за свое!

Увы, Бенедикт был прав. Василий вернулся не один. Рядом с ним покорно, точно загипнотизированная, стояла стройная худенькая красавица с длинными, почти до пояса, пышными волосами, очень правильными чертами лица и пронзительными синими глазами, в которых застыл испуг и печаль. Красавице было от силы лет семнадцать. Одета она была в современнейшие лохмотья.

Я вопросительно посмотрел на Василия.

— Красивый закат, не правда ли? — кивнул он в сторону моря. — Думаю, надо развести костер и под-

жарить рыбку. Я вижу, вы, мужики, неплохо порыбачили. Мы смертельно голодные, с утра крошки во рту не было. Да, я вам не представил. Ее зовут Нея.

— И что все это значит? — хмуро спросил Семин. — Где ты подцепил это чудо?

— История длинная, — отмахнулся Василий, — расскажу после.

И он захлопотал у костра. Нея какое-то время с опаской поглядывала на нас, затем взяла у меня нож и стала ловко разделывать рыбу.

Василий, наблюдая за ней, восхищенно причмокнул губами и прошептал:

— Молодец, девочка, работящая! — затем виновато посмотрел на меня и беспомощно развел руками. — Понимаешь, старик, тут недалеко, километрах в пяти от берега, какой-то городишко. Ну, храмы, портики, базары... Античные статуи... Прочие причиндалы. Похоже на греческий город.

— Древняя Греция? А какая именно область? Афины?

— Не знаю, Греция или не Греция, но что-то древнее, это точно. Так вот, ее я увидел на невольничьем рынке. Стоит, понимаешь, как собачонка, на привязи, а вокруг разные охламоны торгуются. Разглядывают ее, точно породистую лошадку. Вот я и... Понимаешь, прямо сердце кровью обливается...

— Что ты заладил свое: понимаешь, понимаешь? — одернул я Василия. — Ты что же, обормот, купил ее, что ли?

— В общем, да! — уныло признался Василий. — Обменял. У меня на пальце было кольцо с искусственным бриллиантом. В наше-то время, сами знаете, все эти бриллианты яйца выеденного не стоят, а у них тут — диковинка. В старину за такие камушки головы отрывали! Вот я на это самое кольцо и выкупил целую толпу невольников — человек тридцать.

Мы с Семииым испуганно переглянулись.

— И где же они, рабовладелец? — спросил Семин.

— Попрошу не оскорблять! — строго заметил Василий. — На шута они мне здесь — ни один с отверткой не умеет обращаться. Всех отпустил на волю. А у Неи в этих краях никого, она из какой-то другой области. Ни на шаг от меня не отходит. Не прогонять же! Да и куда она пойдет? — развел руками Василий. — Девочка трудолюбивая, ласковая. Сирота...

— Ох, Вася, голову бы тебе оторвать за такие фокусы! Ты же умный парень. Сам подумай, куда мы ее теперь денем? С собой не увезешь, а здесь оставлять — преступленье. Она ведь человек — не козявка.

Василий задумчиво посмотрел на Нею, суетившуюся у костра, и вздохнул:

— Что-нибудь придумаю. А вы бы на моем месте что сделали? Прошли мимо? Надо ее куда-нибудь пристроить.

— Ты говоришь, у нее нет здесь родственников? — переспросил Семин. — А если выдать ее замуж за какого-нибудь местного парня? Подбросишь им, Василий, пару бриллиантов на обзаведение хозяйством. Они всю жизнь будут тебя вспоминать...

— Что? Ты это мне предлагаешь? — взорвался Василий. — Ах ты...

Семина спасла хорошая реакция — кулак Василия просвистел в сантиметре от его подбородка.

— Погоди, Васенька, — крикнул я, хватая своего дружка за руку. — Спокойнее, спокойнее. Здесь дама!

Напоминание о даме подействовало. Вася обмяк, перестал сопеть и устало опустился на камень у костра.

— Все! Заметано! — отрезал он. — Увезу ее с собой. Я сам на ней женюсь! Если, конечно, она согласится. Решено! — Василий швырнул в костер охапку щепок, поморщился от дыма и повторил: — Решено! Не век мне в холостяках ходить! Тридцать пять лет! Судьба! Это даже интересно — жена из Древней Греции! А? В институте сдохнут от зависти!

— Совсем сдурел детина, — прошептал Семин, подозрительно поглядывая на Василия. — Ты же прекрасно знаешь физику, законы сохранения материи во времени еще никто не отменял! Эта девушка весит килограммов пятьдесят, не меньше. Значит, нам в этом веке надо выбросить не меньше пятидесяти килограммов балласта! Ты об этом помнишь? Федор, хоть вы на него подействуйте! Машина ведь неисправна! Осталась последняя попытка! Куда нас занесет — дьяволу неизвестно! Возможно, опять попадем к птеродактилям! Подвергать женщину опасности путешествия во времени! Он с ума сошел!

— Ерунда, — фыркнул Василий. — Я все уже обдумал! Здешний мир для нее опаснее в тысячу раз. Пусть свалимся в мезозой. С милой и в пещере рай! Я уже прикинул, что можно выбросить здесь в качестве балласта.

У меня в багажнике килограмма два разных ювелирных украшений с бриллиантами, изумрудами, рубинами и прочей шелухой. Наш театральный реквизит — костюмы всех эпох и народов — еще пятнадцать килограммов. Ящик с инструментами — шесть килограммов. Наши ружья, три штуки, боезапас, аптечка, запасной генератор, коврики, обшивка с кресел, запасное колесо, кондиционер... Еще какие-нибудь пустяки. Наскребем! Все в море — и поехали! Жизнь человеческая дороже!

— Он рехнулся, — прошептал в отчаянье Семин. — Он оставит нас голыми и затащит куда-нибудь к древним ящерам. Федор, попробуйте его остановить. Ради своей красотки он разломает всю машину!

— Бенедикт, успокойтесь, — сказал я. — Вы человек рассудительный, должны понимать, что ошалевшему от любви Василию возражать опасно. Водитель он опытный, если говорит, что сумеет увезти всех, значит, надеется сбалансировать аппарат и вытащить нас в будущее. Надо доверять товарищам!

— Ну нет, — в глазах Семина был уже откровенный страх. — Последняя попытка! Дважды мы проваливались в прошлое! Больше я с ним не поеду! Слышишь, Василий? Выбрасывать ничего не нужно. Я остаюсь в этом веке! Найди мне подходящий костюм и давай сюда свои побрякушки. Два килограмма драгоценных камней. Что ж, на первое время мне хватит! Вернетесь за мной на исправном аппарате, если, конечно, сумеете попасть в институт.

И Семин решительно направился к аппарату, хлопнул дверцей и полез в багажник.

— Бенедикт, послушайте! Опомнитесь! Вы все обдумали? — спросил я.

— Обдумал? Конечно, обдумал, — сказал Семин. — Я необдуманных поступков в отличие от некоторых не совершаю. Василий Иванович, где у нас тюк с одеждой? Надеюсь, уступите мне один стальной нож и пару банок с тушенкой?

— О чем разговор? — пожал плечами Василий. — Бери что хочешь! Но, честное слово, зачем тебе здесь оставаться! Для чего такая жертва? Признаться, не ожидал. Прости...

— Ладно. Не будем больше об этом, — величественно произнес Семин. — На исправном аппарате вы меня

легко отыщете по радиомаяку, — Семин повесил себе на шею футляр с приемопередатчиком. — Запеленгуете. Да и ваша спутница, я уверен, знает и город, и имя правителя, а следовательно, установить время и мои координаты большого труда не составит. Кстати, почему она у тебя такая молчаливая? Еще не привыкла? Или просто перепугана? Дня через два освоится... Тогда расскажет...

— Все же вы, Бенедикт, не очень приспособлены к местным условиям, — добавил я. — Не лучше ли держаться всем вместе!

— Нет! Я своих решений не меняю! Хватит с меня ваших Мурочек и птерозавров!

— Мы с Василием переглянулись, помогли Семину надеть подходящий хитон.

— Под мышками не жмет? — участливо спросил Василий.

— Потерпим, — сморщился Семин, набивая дорожную суму ювелирными ценностями. — Дорогу до города покажи и дай сюда электронный переводчик.

— Прямо на север, — сказал Вася. — До утра потерпи, скиталец. Ночью тебя в город стража не пустит. И ограбить могут на дороге. Самоцветы и золотишко лучше где-нибудь здесь закопай, а с собой возьми самую малость. Сам знаешь, разбойнички...

— Хорошо, — хмуро согласился Семин, — подождем рассвета.

Ночь прошла скверно, если бедную Нею заботливый Василий еще как-то уложил в машине на сиденьях и укрыл меховой накидкой, то мы глаз не сомкнули — сидели у костра, смотрели на звезды, на огонь и уговаривали Семина не дурить и остаться. Василий расписывал ему антисанитарные условия городских улиц, предрекал скорую гибель от рук разбойников или палачей и рисовал картины будущего унылого существования Семина — одну страшнее другой. Правда, концовку своих уговоров Вася сильно подпортил одной неосторожной фразой. Он заявил, очевидно от чистого сердца, что, если уж так случится, в мезозое или там, куда мы попадем на этот раз, нам будет очень не хватать его, Семина, дружеского участия...

Услышав о мезозое, Семин крякнул, скваснлся и забормотал что-то о своей невезучести, о происках фортуны... Утром, с первыми лучами солнца, он ушел от нас.

Василий включил машину, и, видимо, удача повернулась к нам лицом — через четыре часа мы добрались до двадцать пятого столетия, там отремонтировали свой агрегат, запаслись энергией и вернулись в свое время.

Конечно, у Василия были крупные неприятности. И ему и мне пришлось сочинять длинные объяснительные. Подробно докладывать на ученом совете института о случившемся. У Василия даже собирались отобрать права на управление машиной времени, но он уговорил администрацию института с этим повременить. И сам отправился за Семиным в Древнюю Грецию. Конечно, у Неи он предварительно выяснил и название города, в котором собирался поселиться Семин, и приблизительное время: имена царей и правителей, властвовавших в ближайших областях страны.

Семина он отыскал быстро, но из-за некоторой приблизительности определения даты нашего первого посещения страны Василий опоздал почти на три года. И эти три года бедняга Бенедикт вынужден был прожить среди древних греков. Впоследствии Семин признался нам, что уже не рассчитывал когда-либо вернуться в свое родное время. Полагал, что мы в очередной раз провалились в прошлое и уже никогда не вернемся за ним.

Надо отметить, что пребывание среди древних греков сильно повлияло на характер Семина и весь его облик. В институт он вернулся изрядно похудевшим и возмужавшим. Лицо его украсилось несколькими шрамами от рубящего предмета, в волосах прибавилось седины, на коже появился стойкий южный загар. Не осталось и следа от его обычной мелочности, занудливости, ворчливости. Семин стал намного спокойнее и как будто мудрее. В глазах у него появился некий постоянный оттенок трагизма.

На все наши расспросы о его жизни в Древней Греции и о происхождении шрамов Семин упорно отмалчивался, но однажды разговорился, и мы узнали в общих чертах его историю.

Семин поселился в одном занюханном городишке на острове Эгина. Выдавал себя за богатого купца, что его и погубило. Спокойно пожить на острове ему удалось не более трех месяцев. Местные власти, завидуя его богатству, обвинили его вскоре в безбожии, подрыве устоев, еретических высказываниях — как-то в запальчивости Семин заявил, что Земля — огромный шар, и на

городской рыночной площади иачал объяснять теорию Коперника. Это занудство обошлось ему дорого. Чтобы умилостивить местиую знать, пришлось Семииу пожертвовать храму бога Посейдоиа значительиую часть своих сбережений. Однако слухи о его богатом даре лишь разожгли аппетиты и алчиость его соседей. Вскоре его осудили, коифисковали всех домашних рабов и рабынь, все имущество, а самого приговорили к изгнанию. Семин решил уехать, в Афииы, ио в пути судно захватили пираты. Беиедикт был продаи, причем очень дешево, в рабство и два с лишним года выиужден был ухаживать за свиньями и чистить хлев и коиюшию одиому малосимпатичиому, вечно пьяному, древиему греку. Хозяин регулярио избивал Семииа, а по вечерам заставлял рассказывать себе различые исторни о грядущих изобретениях человечества и о будущем могуществе и величии человека иад природой. Все рассказываемое Семиным его очень веселило, грек считал, что сказки и иебылицы Бенедиктоса — лучшее развлечение перед сном... Так было до самого появления Василия.

— А... — устало покачал головой Семии, — глупости во все времена хватало. Я, ребята, из всех этих путешествий на машине времеии одно понял: очень полезно бывает иногда посмотреть и иа себя, и иа свое время откуда-инбудь со стороны — пусть и из древности. Миогое тогда видится в другом освещении, смешиыми и ничтожиыми кажутся иаши важные повседиевиые дела. Начиниаешь поиимать тогда, что вся твоя жизнь состоит из пустяков, мелочей, погони за какими-то сиюмииутными ценностями. И сразу осозиаешь, что твоя зиачимость для мира сильно завышена. А главное, иачинаешь разбираться, чем, действительио, заииматься, что важио во все времена, а о чем и говорить ие стоит... Эх, сколько времеии, сил убил я на глупости, склоки, раздоры со своими же товарищами. Я и перед вами, друзья, виноват. Ведь, фактически, ие вы меня оставили в прошлом, а я сам вас бросил в трудную миуту. Струсил... Хорошо, что вы сумели выбраться, ио ведь могло быть и по-другому...

— Ну, чего уж вспоминать, — добродушио сказал Василий. — Конечио, Бенедикт, иехорошо получилось. Мы ведь сразу сообразили, ты тогда струхиул, испугался, что окончательио заблудимся где-ивбудь в мезозое. С кем не бывает, важио, что все коичилось благополучно.

Вот, пожалуй, и вся история о том, как мы заблудились во времени. Так сказать, история наших временных заблуждений. М-да. Чуть не забыл. Василий вскоре женился на Нее. Она теперь уже стала крупнейшим специалистом по античности. Живут они в Крыму, из института Василий все же ушел. Мы с Семиным иногда навещаем их. Бенедикт все уговаривает Василия вернуться к путешествиям во времени. Он теперь убежден, что такие путешествия полезны молодежи в воспитательных целях. Дескать, когда юные оболтусы видят и на своей шкуре чувствуют весь путь, который прошла человеческая цивилизация от первых мартышек до полетов к звездам, то уже не так легкомысленно относятся к достижениям общества нашего времени. Возможно, он в чем-то и прав...

* * *

ИГОРЬ ТКАЧЕНКО

*повесть**

ПУТНИКИ

Они не были богами, они были людьми. Их всегда было немного, но они всегда были. Они звались Путниками. Никто не знал, как стать Путником, но стать им мог каждый, потому что в каждой душе жила частица души Путника.

Люди шли, и Путники шли среди них и впереди. Люди останавливались для отдыха, а Путники все равно шли, разведывали дорогу, а потом возвращались, чтобы повести за собой остальных, помочь уставшим, подбодрить больных и снова идти.

Путники догадывались, что Дорога бесконечна, и Дорога была их жизнью, но люди хотели покоя. Найдя подходящее место, они говорили: «Мы дальше не пойдем» — и останавливались, строили жилища, любили и ссорились, растили детей, ненавидели и убивали, и до поры до времени забывали о Путниках.

А Путники... Путники тоже были людьми. С людьми они и оставались до тех пор, пока неодолимая сила снова не звала их в дорогу.

* Повесть печатается с сокращениями.

Зыбкая полоска земли показалась на горизонте, когда надежда уже покинула измученных отчаявшихся людей, но прошло еще два долгих дня, прежде чем семь кораблей с воинами, женщинами, стариками и детьми — всеми, кто уцелел в жестокой войне, — приблизились к неведомому берегу. Радость при виде земли сменилась тревожным ожиданием. Поросший густым лесом берег выглядел безлюдным, но кто знает, что ждет там незваных гостей?

Окованный медью нос корабля вонзился в песок, и Гунайх с обнаженным мечом в одной руке и боевым топором в другой первым спрыгнул на узкую полоску пляжа, за которой сразу же начинались густые зеленые заросли. Следом за вождем, бряцая оружием, но все еще в полном молчании посыпались воины. Несколько коротких приказаний, и они, разделившись на три группы, растворились среди деревьев.

Гунайх остался на берегу один.

Только бы не засада, думал он, расхаживая вдоль берега и поглядывая то на молчаливый лес, поглотивший разведчиков, то на почти сливающиеся с небом далекие незнакомые горы, то на свои корабли, где, укрывшись за высокими бортами, изготовились к стрельбе лучники, и самые могучие воины уперлись шестами в дно, готовые в случае намека на опасность оттолкнуть корабли и выйти в море, готовые бежать, скрываться, по-заячьи запутывать следы и каждое мгновение чувствовать на затылке дыхание погони.

Только бы не засада!

Только бы эта земля оказалась безлюдной, только бы сбылось обещание хромого Данда, как молитву повторял Гунайх. Передышка, несколько месяцев, несколько лет передышки. Боги! Я ведь не прошу многого, я прошу только покоя!

Время — вот что нужно клану. Время, чтобы воины забыли о поражениях, время, чтобы женщины нарожали детей, время, чтобы подросли и стали воинами дети, чтобы снова все были как пальцы в одном кулаке. Неудачи озлобили людей, отняли у них смелость и разум. Воины думают больше о бегстве, чем о сражении; младенцы, зачатые в страхе перед завтрашним днем, рождаются трусами. Все чаще и чаще Гунайх ловил на себе косые взгляды, а старики словно бы невзначай вспоминают о древнем испытании и обряде смены вождя.

Но боги смилостивились и в самую трудную минуту послали к кострам клана хромого Данда. Гунайх вспомнил, как дозорные приволокли к нему дряхлого старика с всклокоченными седыми волосами и в заляпанной грязью изодранной одежде. Голосом, какой мог бы быть у расщепленного морозом пня, старик потребовал разговора с вождем наедине.

— Хорошо у костра такой ночью, как эта, — проскрипел старик, когда они остались одни. Он протянул к огню костлявые руки и зябко поежился, сразу став похожим на большую мокрую птицу. — Еще бы горячей похлебки и кусок лепешки. Прикажи, вождь, не жалей. Зачем обреченным пища? А старому Данда много не надо, миску похлебки и кусок лепешки, а, вождь?

Гунайх едва сдержался, чтобы не свернуть старику шею.

— Кто ты и откуда пришел? — спросил он.

— Тот, кого отовсюду гонят, может рассказывать долго, а у тебя нет времени слушать, скоро рассвет. Я пришел, чтобы спасти тебя... Кто бы мог подумать, что старому Данда придется спасать могучего Гунайха! — Старик засмеялся, будто горсть зерна бросили в пустой котел. — Они начнут с восходом солнца, ты это знаешь, вождь. Их много, очень много. Это ты тоже знаешь. Против тебя объединились все соседние кланы. Сильные всегда готовы объединиться против слабого. Потом они будут грызть друг другу глотки за твою землю и скот, но это будет потом. Так не раз бывало, и так будет теперь. Все повторяется, вождь, пройдет совсем немного времени, и слабый снова будет гоним, а сильный снова будет его преследовать. Пройдет совсем немного времени, и люди забудут, что эта земля принадлежала могучему Гунайху, забудут имя твое и твои подвиги, мужчины твоего клана погибнут в бою или будут умерщвлены как пленники, а женщины найдут утешение в чужих шатрах. Ты знаешь, вождь.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Гунайх. Страшная усталость навалилась вдруг на него, и хотелось лишь одного — чтобы скорее наступило последнее утро и сбылось наконец то, о чем все знали.

— Я дам тебе похлебки и лепешку, — сказал он. — Дам столько лепешек, сколько ты сможешь унести. Забирай и уходи. Обреченным не нужна пища.

— Я пришел вовремя, — сказал старик. — Старый Данда знает, когда нужно приходить! Ты слушал и не

слышал, вождь. Я пришел спасти тебя. Я скажу тебе то, чего никому не говорил: есть другие земли! Я поведу тебя туда...

Старик говорил невероятное.

Другие земли. О которых никто ничего не знает. Земли, которые лежат там, где море сливается с небом. Но там не может быть никаких земель!

Старик говорил невероятное. Поверить ему мог только приговоренный к смерти. Гунайх поверил.

Раненым, которые не могли двигаться сами, дали легкую смерть. Лошадей и скот прирезали. Повозки и шатры изрубили в щепу. Шли ночь, и весь следующий день, и еще ночь. Оступившиеся тонули в трясине.

Тайными тропами Данда вывел клан к побережью. В защищенной от ветра бухте в ожидании добычи покачивались на мелкой волне корабли торговцев.

Немногочисленную охрану и торговцев вырезали без пощады. Лишние корабли сожгли.

Потянулись долгие, неотличимые один от другого дни плавания к земле, о которой никто ничего не знал, которой просто не могло быть, потому что нет другой земли, кроме той, которую оставили беглецы.

— Какой ты хочешь награды? — уже на корабле спросил Гунайх у старика.

— Я скажу, когда мы достигнем земли, — ответил тот.

— Кто ты и откуда пришел?

— Просто путник.

Зыбкое марево дрожало над песком. Вытекла из щелей и пузырилась смола на палубе. Печным жаром несло от бортов. Изнемогали от зноя и изнуряющей неизвестности люди. Бисеринками пота покрылась рука воина, державшего нож у горла старого Данда.

— Как долго! Почему они не возвращаются? — спрашивал у старика потерявший терпение Гауранга, младший, а теперь и единственный сын вождя. — Они же вернутся?

Старик не отвечал, он неотрывно смотрел поверх борта на далекие заснеженные вершины гор и не замечал, казалось, ни ножа у горла, ни жары, ни тормошащего его мальчика.

Но вот со стороны леса послышался какой-то шум, треск сучьев под беспечной ногой, голоса, и наконец

показались посланные на разведку воины. Четверо сгибались под тяжестью огромного оленя, остальные были увешаны тушками битой птицы. Чуть позже подошли два других отряда. В шлемах воины несли неведомые сочные плоды и ягоды, связки серебристых рыбин, кожаные фляги были наполнены родниковой водой.

Все говорили одно и то же: никаких следов человека, звери и птицы непуганы, ручьи полны рыбы, а в двух полетах стрелы за холмами есть долина, будто созданная для поселения.

Не дожидаясь сигнала, корабли один за другим ткнулись в берег, ликующая толпа перехлестнула через борта, оружие и доспехи полетели в одну кучу, и недавние беглецы, почувствовав наконец долгожданную свободу и безопасность, превратились на время в детей. Разведчиков снова и снова заставляли рассказывать об увиденном и каждую новую подробность встречали восторженным ревом. Истосковавшиеся по земле ребятишки устроили на песке веселую возню, женщины плакали от счастья, а воины со всего размаха хлопали друг друга по спине и наконец, сцепив руки и образовав круг, в центре которого был вождь, пустились в пляс, как во время большого праздника, хором выкрикивая клич клана:

— Гу-найх! Гу-найх! Гу-найх!

С помощью Гауранга спустился на берег старик Данда. Сильно припадая на левую ногу и опираясь на посох, он направился к танцующим воинам. Завидев его, те прервали пляску и расступились, смолкли голоса. И почудилось вдруг всем, или это было на самом деле, что распрямились плечи старика, выше стал он ростом, засверкали и помолодели глаза.

Медленно шел Данда, благоговейным было молчание воинов. Старик появился в трудную для клана минуту и спас их, а во время плавания залечивал страшные раны, сращивал сломанные кости и прикосновением прохладной руки снимал жар и успокаивал лихорадку. Но кто он и откуда пришел?

— Старик, ты умер бы первым, окажись здесь люди! — со смехом выкрикнул Гунайх, и вздрогнули воины от звука его голоса. — Скажи, наконец, какую ты хочешь награду?

— Вам здесь жить, — раздалось в ответ. Скрипучий голос Данда слышен был всем. — Здесь будет ваш новый дом. Здесь все ваше, вы все начинаете сначала

и постарайтесь, чтобы новый дом не был похож на старый, иначе участь ваша будет печальна.

Гунайх не понял. Гунайх нахмурился. В голосе старика ему почудилась угроза.

— Как тебя понимать?

— Я исходил много земель и везде видел, что счастье и горе, радость и болезни всегда есть среди людей, всегда они рядом, и лишь от самих людей зависит, какая из сторон одержит верх. Не нужно в новый дом нести старую рухлядь. А что до награды...

Старик улыбнулся, и глаза его потерялись в сетке морщин.

— Старому Данда много не надо. Миску похлебки и кусок лепешки.

— Смотрите! — раздался чей-то крик.

Невесть откуда взявшаяся большая белая птица сделала несколько кругов над людьми, ее снежные крылья едва не касались голов воинов, и села на плечо Данда. Он погладил ее, и птица доверчиво потерлась клювом о его ладонь.

— К счастью! Счастливое предзнаменование! — пронесся шепоток, и закаленные в боях воины, ощутив неожиданную робость, подались назад.

Вдруг раздался пронзительный крик. Все обернулись в ту сторону, где под деревьями давно уже толпились женщины. Крик повторился. Воины вмиг разобрали оружие и бросились к лесу, но навстречу им, размахивая руками, уже бежала одна из женщин.

— Сын! — кричала она. — У вождя родился сын!

Испугавшись голосов, снежно-белая птица снялась с плеча Данда и полетела в сторону леса.

Веселье у костров продолжалось до глубокой ночи.

— Я назову эту землю Гунайхорн — земля Гунайха! — говорил захмелевший вождь.

— У этой земли уже есть название, — тихо, так, что его слышал только сидящий рядом Гауранга, пробормотал хромой Данда. — Латриал — земля, которую ищут.

— Я построю в долине меж холмов город и обнесу его крепкими стенами!

— И город превратится в тюрьму, — бормотал Данда.

— Я установлю сторожевые посты в горах, и никто не пройдет в нашу землю незамеченным!

— И никто не сможет незамеченным покинуть ее...

— Зачем посты? Зачем стены? — возразил Балиа, брат вождя. — Здесь нет никого, кроме нас, все враги остались за морем.

— Нет врагов? — рявкнул Гунайх. — Враги всегда рядом! Но больше они не застанут нас врасплох. Отсюда мы никуда не уйдем. Костьми ляжем, но не уйдем. Старик прав, здесь наш новый дом. А ты завтра же возьмешь людей и отправишься к горам, разведаешь, есть ли там люди!

Балиа в знак согласия склонил голову и прижал руки к груди, и только Данда заметил, какой радостью сверкнули его глаза.

— Новая земля, новый дом, — уже сонно бормотал Гунайх. — Мы все будем строить новый дом...

— И изо всех сил будете стараться сделать его похожим на старый.

— Старик! Что ты все скрипишь? Ты так ничего и не попросил в награду... Ты хитер, ты знаешь, что сейчас мне нечего тебе дать. Ты хитер, ты подождешь, когда я разбогатею, но я не жаден, проси чего хочешь... — Вождь повалился на бок и захрапел.

Угомонились уже под утро.

Наступая на разбросанные по песку обглоданные кости и мусор, обходя лежащих вповалку воинов, хромой Данда подошел к самой воде и долго стоял там, опершись на посох. Большая белая птица возникла из темноты и села ему на плечо.

— Как твое крыло? — спросил у нее Данда. — Уже не болит? Хотел бы я полететь вместе с тобой и посмотреть, что там дальше, за горами и пустыней...

Дозорные спали, никто не окликнул скользнувшего в приоткрытые ворота человека, и, оказавшись вдали от стен, в густой тени деревьев, он с облегчением вздохнул. Некоторое время, замерев на месте, он вслушивался в ночную тишину, ожидая вскрика испуганной птицы, звяканья оружия или хруста ветки под неосторожной ногой. Но ничто не показалось ему подозрительным, он вышел из-под дерева и быстрым шагом, сторонясь тропинки, направился туда, где на обращенном к морю склоне холма стояла крохотная хи-

жина хромого Данда. На пороге он обернулся, еще раз внимательно огляделся по сторонам, потом без стука толкнул дверь и вошел внутрь. Едва дверь закрылась за ним, как из кустарника появилась маленькая юркая фигурка и прильнула к стене рядом с окном.

В эту ночь сон обошел стороной не только хижину хромого Данда. Не спал и Гунайх, а вместе с ним пятеро старейшин клана. После обильной пищи и хмельного питья старцам хотелось спать, они важно клевали носами, недоумевая про себя, зачем вождю понадобилось звать их в столь поздний час, а речь Гунайха все текла и текла. Для каждого он нашел доброе слово, каждому напомнил о его заслугах перед кланом. Он вспомнил стародавние времена, когда клан был могуч и богат и соседи искали с ним дружбы.

«Да-да, — кивали старцы. — Были такие времена. Нам ли их не помнить?!» И глаза их туманились, а выцветшие губы растягивались в улыбке. Славные были времена.

— Но потом у вождя родились сыновья-близнецы, и по обычаю клан разделился. Все ли это помнят?

— Да-да, — кивали старцы и мрачнели. — Так оно и было. Обычай не был нарушен.

Именно тогда, с Раздела, начался закат славы и удачи, напирал Гунайх. Соседи обнаглели, война следовала за войной, и ему, Гунайху, досталось жалкое наследие чужой глупости. Да-да, глупости! Но он не роптал, нет, он воин и сын воина. Но неудачам не было конца, и кое-кто опять вспомнил древние обычаи и начал шептаться по углам о смене вождя.

Старцы, почуяв в голосе вождя скрытую угрозу, принялись что-то бормотать.

«Ага! Испугались, — удовлетворенно подумал Гунайх, внимательно вглядываясь в ненавистные лица старцев. — Это хорошо, что вы испугались, хорошо, что вы поняли наконец свою слабость здесь, на этой новой земле, где не у кого искать защиты».

Как же он ненавидел их, бесполезных в делах военных и мешающих в дни мира! Вечно они брюзжат и всегда у них наготове какой-нибудь древний обычай или достойное подражания деяние предков. Иногда Гунайху казалось, что, собравшись в укромном месте, они сами выдумывают и обычаи, и деяния предков.

Но теперь все будет по-другому. Теперь он, Гунайх, один будет диктовать свою волю. И пусть кто-нибудь осмелится возразить! Но почему же так долго не возвращается Гауранга?

— Духи наших великих предков создали эту землю для клана взамен утерянной, — сказал Гунайх. — Они послали проводника — хромого Данда...

При звуках этого имени старцы оживились, думая, что гроза миновала. По древним обычаям, чужак не имел права жить внутри городища, и хижина Данда стояла в отдалении, но редким был день, когда там не было бы воинов или стариков, женщин и детворы, людей, пришедших за лечебными травами, которых старик собрал великое множество, советом или просто так.

— Данда привел нас сюда, — сказал один из старцев, которого Данда вылечил от болей в пояснице. — Он учит детей, лечит раны воинов...

— Это так, — оборвал его Гунайх. — Устами Данда говорят с нами духи предков. И они сказали: здесь наш новый дом. Здесь! Все это слышали на берегу, куда пристали наши корабли, где разрешилась от бремени моя жена и где на плечо хромого Данда опустилась белая птица. Это так, все это видели. Но я знаю еще кое-что...

Гунайх обвел старцев взглядом, от которого мурашки пробежали у них по спинам, отхлебнул из кубка и продолжал:

— Я не могу говорить долго и красиво, как мой брат Балиа, я воин. — Гунайх выдержал паузу и, услышав за дверью стремительные шаги, сказал: — Послушаем, что скажет Гауранга.

В тот же миг дверь распахнулась.

— Он там! Он опять там! — с порога закричал Гауранга. Глаза его лихорадочно блестели, волосы были растрепаны, а одежда мокра от росы. — Он опять там и опять уговаривает Данда бежать! Предать нас всех и бежать!

— Успокойся, — приказал вождь и усадил мальчика на скамью подле себя. — Не подобает будущему воину и вождю вести себя на совете клана как женщине в грозу. Говори все по порядку.

Только сейчас Гауранга заметил сидящих вокруг стола старцев. Он густо покраснел, вопросительно глянул на отца и, когда тот подбадривающе похлопал его

по плечу, прерывающимся от волнения голосом стал рассказывать.

Гауранга говорил о том, что Гунайх и так уже знал: Балиа дошел со своими людьми до Дальних гор и нигде не встретил человеческого жилья. Неприступные горы и море — отличная защита от врагов.

— Он говорил, — мальчик запнулся и после паузы продолжал, — он говорил, что только... глупец, разум которого помутился от страха, может заставлять людей возводить стены, копать рвы и ямы, когда нет никакой опасности...

— А Данда? — спросил вождь. — Он что говорил?

— Что в Дальних горах есть проход и там, за горами, пустыня...

— Так я и знал! — воскликнул Гунайх. — Проход в горах! У любой крепости есть слабое место. Еще что?

— Балиа говорил, что многие недовольны вождем. Люди устали и хотят жить спокойно...

— Жить спокойно! А разве я этого не хочу?! — Пальцы Гунайха, вцепившиеся в толстую столешницу, побелели от напряжения.

— Он говорил, что клан нужно разделить. Пусть те, кто хочет строить крепость, останутся здесь, а другие возьмут один или два корабля и поплывут вдоль берега, чтобы найти новое место и жить так, как им хочется. Он сказал, что в совете есть люди, которые думают так же...

— Неправда! Мальчишка лжет! — взвизгнул один из старцев, неповоротливый тучный Вимудхах, любитель хорошо поесть и поболтать. — Кто докажет, что он все это слышал, а не придумал только что?

— А разве нужны еще доказательства? — медленно проговорил Гунайх.

Вимудхах поперхнулся, заерзал на месте, обернулся по сторонам, ища поддержки, но мудрые старцы, глядя в пол, уже потихоньку отодвигались от него.

И тогда Вимудхах испугался.

— Этого не может быть! — осевшим голосом прошептал он. — Я не верю, что кто-нибудь в совете думает о разделе клана. Балиа — безумец и отступник. Никто не думает так, как он. Он предатель!

Вот слово и прозвучало. Гунайх ухмыльнулся в усы.

— А Данда... Данда согласился уйти на кораблях? — спросил он.

— Данда... да... Нет! Нет, нет, — залепетал маль-

чик. — Это все Балиа. Он уговаривал, грозил... Балиа предатель, а Данда...

— Так да или нет? — спросил Вимудхах. — Совет должен это знать.

— Я не расслышал, — тихо прошептал Гауранга, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Щеки у него пылали, в глазах стояли слезы. Предчувствие потери сжало ему сердце, он сожалел о сказанном. — Только не изгоняйте его...

— Все ясно, — чувствуя близкое прощение, сказал Вимудхах. — Они оба — предатели, а согласно древнему обычаю наших предков...

— Все ли так думают? — спросил Гунайх.

Все были согласны.

Балиа поднял голову и прислушался.

— Кто-то идет, — сказал он и привстал со скамьи, до половины обнажив меч.

В тот же миг дверь, сорванная с петель мощным пинком, грохнула об стену и в хижину с топором в руке ворвался Гунайх.

— По древнему обычаю наших предков совет назвал тебя предателем и приговорил к смерти. Завтра я сам покажу твою голову клану!

Он нанес сильнейший удар, но Балиа успел уклониться, и блеснувшее в пламени светильника широкое лезвие топора рассекло пустоту.

Гунайх был опытным бойцом. Тяжелый топор казался игрушкой в его руках. Удар следовал за ударом, но Балиа чудом удавалось увернуться. Короткий меч был сейчас бесполезен, и ему приходилось рассчитывать только на свою ловкость. Перебрасывая топор с руки на руку, Гунайх, казалось, атаковал со всех сторон сразу, отжимая брата в угол. Развязка была близка, и оба это понимали. С начала схватки ни один не проронил ни слова. В хижине раздавалось лишь тяжелое хриплое дыхание Гунайха, короткое с присвистом сквозь сжатые зубы — Балиа, да шарканье ног по земляному полу.

Ни звука не издал и хромой Данда, сидящий, как и сидел до появления Гунайха, в дальнем углу и полностью, казалось бы, безучастный к происходящему. Не было ни страха, ни ненависти в его глазах, только огромное сожаление, когда он переводил взгляд с

огромного, похожего на разъяренного кабана Гунайха — на гибкого и стремительного Балиа. И, будто устав смотреть на братьев, таких разных внешне и таких похожих в стремлениях, старик прикрыл глаза и словно бы даже уснул. Больше всего ему хотелось сейчас оказаться на пустынном берегу и слушать шорох волн, бегущих из дальних-дальних краев, где нет злости, ненависти и невежества. Должны же быть такие края!

Схватка между тем продолжалась. Зажатый в угол Балиа неуловимым движением метнул свой меч в Гунайха. Тот на мгновение растерялся, но и этого оказалось достаточно. Балиа двумя руками подхватил скамью и обрушил ее на брата. Схватившись за голову, Гунайх грузно рухнул на пол. Балиа сверху бросился на него, но получил огромной силы удар ногами и отлетел к стене. В следующее мгновение Гунайх был уже на ногах. Поудобнее перехватив топор, он нанес с коротким хэканьем последний удар.

Потом он наклонился, подобрал с пола меч Балиа и повернулся к Данда. Залитое кровью лицо вождя было страшно. Выставив вперед руку с мечом, он медленно подошел к старику.

— Вот этого ты и добивался, — хрипло проговорил он. — Чтоб мы вцепились друг другу в глотки. Раздела не будет, ты ошибся, старик. Но ты еще многое мне должен рассказать.

— Мне нечего тебе сказать, — ровным голосом отвечал Данда.

— Ты колдун!

— Я человек.

— Ты привел клан сюда, чтобы здесь разделить, а потом позвать тех, кто перебьет нас поодиночке.

— Вас перебили бы всех вместе еще там. — Старик махнул рукой в сторону моря. — Для этого не было нужды вести клан сюда. Я привел, чтобы спасти вас. Никто, кроме меня, не знает дороги в эту землю.

— Ты позвал нас, и мы пошли. Никто не верил, что есть эта земля, но мы пошли.

— Потому что хотели жить.

— Зачем ты нас сюда повел? Чего ты хочешь? Ты притягиваешь людей, и они слушают тебя. Чего ты хочешь, старик? Отвечай!

— Я учу людей тому, что знаю сам.

— Ты колдун, звезды указывали тебе путь.

— Они укажут путь любому, кто смотрит на небо не только затем, чтобы подстрелить там птицу.

— У тебя есть тайное знание, старик. Дай мне его, и я не убью тебя.

— У меня нет тайного знания. Тайным знание делает корысть. У меня нет корысти.

— Ты так и не просил у меня награды. Теперь я сам предлагаю тебе ее. Самую большую: твою жизнь взамен тайного знания. Ну!

Данда вздохнул и тихо засмеялся.

— Не хотел я никакой награды. Я стар, и сил у меня немного. Я хотел одного: позвать с собой нескольких людей, пройти через горы и пустыню и посмотреть, что там, за пустыней.

— Ты лжешь! Но я заставлю тебя говорить!

Он ткнул мечом в грудь Данда, и на одежде старика проступило и стало расплываться темное пятно. Хромой Данда молчал. И чем дольше он молчал, тем в большее неистовство приходил Гунайх, осыпая его проклятиями и угрозами. А чем больше неистовствовал Гунайх, тем непоколебимей становилось молчание старика.

Вдруг раздалось хлопанье крыльев, большая белая птица влетела в окно и с яростным клекотом вцепилась когтями в лицо Гунайха. Он взвыл от боли, сорвал с себя птицу, швырнул ее в Данда и в остервенении рубанул мечом раз, другой, еще и еще...

Не помня себя, он рубил и рубил бездыханное уже тело старика, на котором распластала, словно защищая, свои белые крылья птица, и кровь птицы смешивалась с кровью Данда, и белые ее перья запутывались в его белых волосах.

...А под утро дозорные на стенах увидели над морем за холмами зарево. Но это был не восход. Это пылали семь кораблей. И тьма, потревоженная пламенем, становилась еще гуще.

Осторожно, чтобы не разбудить Ларгис, Джурсен снял ее руку со своей груди, встал с постели и быстро оделся, стараясь не шуметь. Он долго смотрел, прощаясь, на тихонько посапывающую во сне девушку и уже протянул было руку, чтобы поправить сбившееся одеяло, но тотчас же отдернул. Ларгис пробормотала что-то во сне, перевернулась на другой бок, и Джурсен,

нспугавшнсь, что она проснется, на цыпочках вышел из комнаты н плотно прнкрыл за собой дверь.

Шумно зевая н почесываясь, хозянн уже слонялся вннзу лестннцы, чтобы напомннть забывчнвым постояльцам о плате.

— С Днем Очнщення! — прнветствовал он Джурсена. — Денек сегодня будет отменный, как раз для праздннка. Последннй раз нас навестнлн, верно? Сегодня Посвященне?

Юноша кнвнул.

— Не будн ее, пусть спнт.

Хозянн пересчнтал протянутые ему монеты, н коротенькне белесые бровкн его поползлн на лоб.

— О! Благословенна твоя щедрая рука! Я распоряжусь, чтоб не шумелн. Конечно, пусть спнт девушка, разве мне жалко для хорошего человека?!

Он забежал вперед, распахнул перед Джурсеном дверь н, едва сдерживая лнкованне, сообщнл:

— А вчера-то, вечером... не слыхалн? Ну как же! Шуму было на всю улнцу. Вот здесь, за углом в торговых рядах отщепенца улнчнлн! Народ-то у нас, самн знаете, какой в квартале. Людн обстоятельные, серьезные, отщепенцев этнх поганых и в прежнне-то времена на дух не переноснлн, а уж теперь... Когда стража прнбежала, он уже н не шевелнлся! Сами управнлнсь. А я так думаю: нечего с ннмн вознться. Где улнчнлн, там н кончать надо, на месте.

— Как же улнчнлн его? — спроснл Джурсен.

— Так ведь корешкамн он торговал любнльнымн! — восклнкнул хозянн. — Да с покупателем, такнм же, вндать, мозгляком, в цене не сошелся. Тот его по шее, корешкн н рассыпалнсь!

— Ну н что?

— Как что?! Корешкн-то этн где растут? — хозянн выжндательно уставнлся на Джурсена, но тот промолчал. — В Запретных Горах онн растут, каждому нзвестно! Значнт, что? Значнт, сам он ходнл туда нли прнятелн его, отщепенец, значнт, предатель!

— Поспешнлн вы, — сказал Джурсен. — Я слышал, нх можно н в саду выращнвать, способ какой-то есть.

Хозянн на секунду смутнлся, но тотчас возразнл с прежней убежденностью:

— И пусть в саду! Хоть у себя под кроватью! Семена где брал? Опять там же — в Запретных Горах.

Значит, ходил туда или хотел пойти, значит, предатель нашего общего дела. Не пойму я их, господин послушник, и не понимал никогда. Чего им надо, чего воду мутят? Хорошо нам здесь или не очень, здесь наш дом, здесь живем мы и жить будем до самой смерти. Зачем идти куда-то? Не пойму. Это ж не только сделать, но и подумать страшно — идти в Запретные Горы. Из дома. Насовсем.

Джурсену надоела эта болтовня, и он спросил:

— Значит, страшно подумать?

— Еще как страшно! — с воодушевлением воскликнул хозяин. — Ведь сказано же у святого Гауранга «здесь наш дом».

— Значит, все-таки думали, раз знаете, что страшно? — настаивал Джурсен. — Хоть раз, а? Ну признайтесь, хоть один-единственный раз думали? Собраться эдак поутру и махнуть, а уж там... или парус поставить на лодку, не обыкновенный парус, а побольше, и в сторону восхода, а?

Лицо хозяина разом посерело, толстые щеки обвисли и задрожали, он тоскливо оглянулся и залепетал:

— Вы не подумайте чего, господин послушник. Да разве ж я похож... я и налоги всегда исправно... а чтоб такое! Да вы меня столько лет знаете, ведь знаете, да? Да приди мне такая мысль поганая, да я б сам себя первый, чтоб, значит, других не заразить. Да разве ж я похож...

Джурсену стало вдруг отчаянно скучно. И еще противно, будто в паутину влез.

— Не похож, это верно, — сказал он.

— Так ведь и я о том же! — обрадовался хозяин. — Я что, я как все, плечом к плечу с соседями, все как один. — А если с отщепенцем этим поспешили, так исключительно из лучших побуждений, на благо нашему общему дому и светлому делу Очищения!

Хозяин бормотал что-то еще, чрезвычайно лояльное, но Джурсен его уже не слушал. Не тот случай, чтобы слушать. И всегда-то он был не впереди и не сзади, а точнехонько посредине, с соседями, такими же, как он, в высшей степени благонадежными. Ходили они по Городу с ломиками и ломали стены и перегородки несколько лет назад, потом деяние это единодушно осудили, и опять-таки снова ходили по Городу, но теперь уже с мастерками и носилками и перегородки восстанавливали, а сейчас вот в едином порыве горят готов-

ностью способствовать Очищению. С какой стороны ни глянь — образец, надежда и опора. Золотая середина.

— ...На празднике обязательно буду, удачного вам Очищения, господин послушник, да хранит вас святой Данда! — полетело в спину Джурсену, но стоило ему отойти чуть подальше, как подобострастная улыбка сползла с лица хозяина, бровки вернулись на свое обычное место, щеки подобрались, и он сплюнул на землю, но тут же, опасливо оглядевшись, затер плевок башмаком и плотно прикрыл за собой дверь.

— Рассвет скоро! — загрохотал в доме его голос. — Сколько же спать можно, так и Очищение проспите!

...Джурсен поежился от предутренней прохлады, плотнее запахнул плащ и по узкой мощеной улочке направился в сторону возвышающейся над Городом громады Цитадели. Он беспрепятственно миновал Южные ворота и пересек внутренний дворик. Стражник у входа в башню святого Гауранга мельком взглянул на протянутый ему жетон с выгравированной на нем птицей и прогудел:

— Удачного Очищения, господин послушник. Проходите.

Джурсен сунул ему в руку монету и стал подниматься по крутым ступенькам лестницы, спирально вьющейся внутри башни. Чем выше он поднимался, тем большее волнение охватывало его. Так бывало с ним всегда, но сегодня особенно. Ведь не скоро, очень не скоро он сможет повторить этот путь и уж, конечно, не сможет преодолеть его так быстро.

Он поспел вовремя. Запыхавшись, с сильно бьющимся сердцем он перепрыгнул через последние ступеньки, и ветер тугой волной ударил его в лицо, разметал волосы, крыльями захлопали за спиной полы плаща.

Тут, на верхней площадке башни святого Гауранга, всегда был ветер. Но это был совсем не тот ветер, что внизу, задыхающийся в узких ущельях улочек. Это был чистый свободный сильный ветер, напоенный ароматами трав и цветов, родившийся на снежных вершинах Запретных Гор, или густой и солоноватый на вкус, пробуждающий в груди непонятную тревогу и ожидание — морской.

Юноша едва успел отдышаться, как глубокий низкий звук, родившись в Цитадели, медленно поплыл над Городом, возвещая о начале нового дня, Дня Очищения. Звук плыл и плыл над дворцами и лачугами, пя-

тачками площадей, торговыми рядами, мастерскими ремесленников, над узкой песчаной полосой, где у самой воды в свете факелов копошились плотники, заканчивающие последние приготовления к торжественной церемонии Посвящения и Сожжения Кораблей, над крохотными лодчонками вышедших на утренний лов рыбаков, и люди, заслышав этот звук, поднимали головы и долго прислушивались, пока он не затихал вдали.

Повернувшись лицом к морю, Джурсен ждал. И вот небо в той стороне порозовело, разделяя небо и море, показался краешек солнечного диска, и к берегу побежала из невообразимой дали трепетная пурпурная дорожка. Тотчас вспыхнула и засияла огромная снежно-белая птица на шпиле Цитадели, но во сто крат ярче, так что больно было глазам, чисто и пронзительно засверкали вершины Запретных Гор на горизонте.

Джурсен закрыл глаза и подставил лицо ветру и полетел. Тело его стало невесомым, из груди рвался ликующе-победный крик, и хлопали, хлопали, хлопали за спиной крылья.

Но вот снова раздался звук из Цитадели, и полет прекратился. Джурсен ощутил прочный настил, на который он крепко опирался обеими ногами. И еще ощутил страшную пустоту, заполнившую вдруг его душу, ноги его подкосились, и он медленно, как старик, держась за кованый поручень, стал спускаться.

Он понял, что никогда больше не позволит себе подняться на верхнюю площадку башни святого Гауранга и встретить восход солнца и увидеть, как первые его лучи зажгут белым пламенем вершины Запретных Гор. Это было прощание.

Больше прощаться было не с кем и не с чем.

— Святой Данда! — взмолился юноша. — Дай мне силы справиться с искушением, дай мне силы стать таким, как все. Дай мне силы!

Стыд и тоска жгли его сердце.

Он не такой, как все, годы послушничества пропали даром, не смогли вытравить в нем язву тягчайшего из пороков — жажду странствий.

Знал бы наставник, какие мысли посещают лучшего из его учеников, когда он в задумчивости застывает над священными текстами. Знал бы он, сколько раз мысленно Джурсен уходил к заснеженным вершинам

Запретных Гор, пересекал под палящим зноем пустыню или поднимал парус на корабле!

Ларгис, милая, добрая Ларгис — единственный человек на свете, которому он признался в гложущей его тоске.

— Бывает, часто бывает, что я чувствую... не знаю, как это назвать, — сказал он как-то ночью. — Я задыхаюсь. Мне душно здесь...

— Открыть окно? — сонно пробормотала Ларгис.

— ...Больше всего на свете мне хочется идти и идти с тобой рядом, и чтобы далеко позади остались стены, Цитадель, Город... Так далеко, что их и не видно вовсе, а мы все идем и идем...

— Куда?

— Не знаю, просто идем. За горы, за море, куда-нибудь... Словно какая-то сила тянет меня туда, и я не хочу и не могу ей противиться.

Он услышал вскрик, повернулся к Ларгис и тотчас пожалел о сказанном. Зажимая себе рот ладонью, девушка смотрела на него расширившимися от ужаса глазами.

— Джурсен, — прошептала она и вдруг сорвалась на крик. — Не смей! Слышишь, не смей! — Она обвила его шею руками, прижалась щекой к щеке, словно защищая от опасности, и быстро заговорила: — Ты горячий, очень горячий, у тебя жар, лихорадка, ты болен, Джурсен... Ну не молчи, скажи, что ты болен! Болен! Болен! Болен! — как заклинание повторяла она, и с каждым словом возникшая между ними стена становилась все выше и прочнее.

Чем чаще наваливались на Джурсена приступы необъяснимой тоски и чем они были продолжительней, тем с большим усердием он отдавался изучению священных текстов. Для итогового трактата он выбрал слова святого Данда из Первой книги Гауранга: «Здесь наш дом».

«...и, сойдя с корабля на берег, так говорил Данда: — Здесь наш дом. — И обвел рукой вокруг, и по мановению руки его выросли горы на горизонте, и белая птица опустилась ему на плечо.

— Здесь наш дом, — так говорил Данда. — Жить нам здесь и здесь умереть. Нет нам пути отсюда, здесь наш дом. Горе тому, кто дом свой покинет. Прокляты все земли, кроме этой.

Слушали все откровение Данда, и лишь коварный

Балиа, задумавший Раздел, смеялся и готовил меч для убийства».

И из Третьей книги Вимудхаха:

— «Здесь наш дом, — говорил Данда, и змеилась улыбка неверия по губам отщепенца Балиа. И Данда, увидев, что ничто не убедит безумца, пошел к кораблям и сжег корабли, и принял смерть от меча предателя, повторяя «здесь наш дом». И кровь его стала кровью снежного белана, и руки стали крыльями птицы, и поднялся он в заоблачные выси, чтобы охранить эту землю, прекрасный Гунайхорн, и сверху видеть отщепенцев и карать».

И однажды бессонной ночью открылась ему великая тайна, заключенная в словах Данда, сжегшего корабли.

«Здесь наш дом, — думал Джурсен. — Святой Данда сжег корабли, чтобы не было искушения уйти из дома... Но дом наш — тоже корабль, и мы должны быть готовы сжечь его в любую минуту и погибнуть вместе с ним, если искушение будет слишком велико».

Долгим было молчание наставника, когда Джурсен поделился с ним своими мыслями, и лишь через несколько дней, посоветовавшись с Хранителями Цитадели Данда, он одобрил выбор темы.

Джурсен написал быстро, но, перечитав написанное лишь единожды, боялся взять трактат в руки еще раз, так велик был его страх, стыд и отчаяние.

Сжечь свои корабли он так и не смог.

Третий жил недалеко от центральной площади в одном из похожих друг на друга как две капли переулке. Район этот Джурсен отлично знал. Еще мальчишкой он бегал сюда со стопкой бумаги и мешочком угля на уроки к художнику. С тех пор прошло много лет, но он не заметил в громоздящихся друг на друга домах никаких изменений, разве что появились на каждом углу голубые ящики с нарисованным на них глазом и прорезью в зрачке, куда любой законопослушный горожанин мог опустить сообщение об отщепенцах, да пестрели стены вывешенными по случаю праздника плакатами «Очистим родной Город от отщепенцев!», «Все как один — на Очищение!» и «Очищение — дело чести каждого!».

Переулок был полон празднично разодетыми горо-

жанами. Хозяева гостевых домов, лавок и харчевен стояли у распахиутых иастежь дверей своих заведеиий, громко переговарнвались друг с другом через дорогу. При приближеиии Джурсеиа, Наставинка и стражников оии громко поздравляли их с праздинком н наперебой прнглашали войти. Толпящиеся на углах крепкие молодые ребята хором скандировали здравнцы и предлагали свою помощь. Повсюду царило воодушевлеине и всеобщий подъем.

Джурсеи шел и гадал, кем окажется этот третий — ремеслеиииком, портиым, шьющим паруса, илн ювелиром. Впрочем, какая разиица? Теперь ои просто подозреваемый н подлежит дозиаиию.

Тяжелые башмаки стражииков весело грохали по булыжиой мостовой, им вторил короткий сухой стук черного посоха Наставника. В развевающнхся белых одеждах с вытканной золотом на груди и спние птнце с распростертымн крыльямн он молча шел рядом с Джурсеиом, сильио прнпадая иа левую иогу. Лицо его было бесстрастиым. Время от времени искоса поглядывая иа иего, Джурсеи так и не мог поиять, как Наставник оценивает его действия. Наверное, хорошо, потому что первых двух подозреваемых Джурсен уличил в считаииые мниуты. Остался третий, последиий.

Одет Джурсен был точио так же, как Настаиник, только ие было ему еще иужды в посохе, н ие было птицы иа грудн. Этот символ Джурсеи сможет иоснть только с завтрашиего дия, после Посвящеиня в Храиители. При условии, что ои верио улнчнт н этого, третьего. Или оправдает, что случается редко, ио всетаки случается. Вершиной мастерства дозиателя считается, еслн подозреваемый сам призиается в отщепеичестве, ио это случается еще реже, чем оправдаине. Даже перед лицом самых иеопровержимых фактов каждый пытается отрицать свою вину до конца. В силах своих Джурсеи был увереи, и словно бы в подтверждеиие вполголоса заговорили стражинки за спииой:

— Наш-то, наш, а? Как ои их!

— Даром что иа внд совсем юиец, а смотри ж ты... Так к стенке припер, что и ие пикиулн. Неистовый!

— Далеко пойдет, помяин мое слово. Большим человеком станет, храии его святой Даида!

— Здесь, — сказал Джурсеи, остановнвшись перед дверью и иесколько раз сильно стукиув в иее.

— Заперлнсь, — уднвнлся одии из стражииков. —

Боятся. Честному человеку чего бояться? У всех двери нараспашку, а эти заперлись.

Отворила молодая красивая женщина. Тень страха мелькнула в ее глазах, когда она поняла, что за гости посетили ее дом. А может быть, Джурсену это всего лишь показалось.

— С Днем Очищения! — радушно улыбаясь, произнесла женщина. — Входите же!

— Пусть Очищение посетит этот дом, — произнес Джурсен формулу приветствия дознателя. Чем-то эта женщина напоминала ему Ларгис. Глазами? Улыбкой? Голосом?

— Кто там? Кто пришел, Алита? — послышалось из глубины коридора, и появился высокий черноволосый мужчина в заляпанной красками блузе. Он мельком взглянул на гостей и склонился к женщине.

— Алита, сходи к соседям, побудь пока у них, — сказал он и ласково приобнял за плечи, направляя к выходу. — Ну иди же.

Когда женщина вышла и двое стражников встали у двери, чтобы не впускать никого до окончания дознания, художник повернулся к Джурсену и Наставнику.

— Прошу, — сказал он.

В мастерской, просторной светлой комнате с окном во всю стену, выходящим на крыши домов, вдоль стен стояли подрамники, громоздились какие-то рулоны, коробки, в воздухе витала сложная смесь запахов краски и почему-то моря. Наставник, вошедший вслед за художником и Джурсеном, скрылся за стоящей в дальнем конце комнаты ширмой, стукнул об пол его посох, и наступила тишина.

Остановившись посреди мастерской, художник оглядывал ее так, словно увидел впервые. Он отодвинул зачем-то в сторону мольберт, потом принялся старательно вытирать тряпкой и без того чистые руки.

Джурсен ему не мешал и не обращал на него, казалось, ни малейшего внимания. Это был испытанный прием. Художник виновен, Джурсен уже почти наверняка знал это, знал и сам художник. Пусть поволнуется. Хотя, конечно, за эти несколько минут он, наоборот, может успокоиться, собраться с мыслями и подготовить аргументы в свою защиту. Пусть так. Джурсен не боится схватки. Куда приятнее иметь дело с умным человеком, чем с ошалевшим от ужаса и ничего не соображающим животным.

Джурсен медленно пошел вдоль одной из стен, одну за другой поворачивая и разглядывая картины. Тут в основном были портреты. Законченные и едва намеченные углем, поясные и в рост, было несколько городских зарисовок и сцен из священных книг. Чем больше Джурсен смотрел, тем большее им овладевало недоумение: где же здесь умысел? Где преступление? Это были работы ради денег, и только. Профессиональные, талантливые, Джурсен в этом разбирался, но — ради денег.

Джурсен почувствовал, что азарт охотника, охвативший его вначале, понемногу исчезает. Он подошел к следующей стене и, повернув к себе один из холстов, сначала ничего не мог разобрать, но постепенно детали начали вырисовываться. Темное распахнутое окно, смутный силуэт человека подле него, в углу — край смятой постели. Картина не была закончена, ее дописало воображение Джурсена. Ведь это его, Джурсена, комната, его окно, его постель. Это он, Джурсен, стоит перед окном, а там, невидимые в темноте — Запретные Горы.

Он повернул еще картину, еще одну, еще и еще в поисках подтверждения? опровержения?

Сидящая на постели девушка, руками она зажимает себе рот, в глазах, непропорционально огромных на бледном узком лице, — ужас и крик. Что она увидела там, за границей картины? Ларгис. Не увидела, а услышала. Его, Джурсена, признание, его тайну, его тоску.

Восход солнца над морем, не восход, а лишь предощущение восхода, когда море и небо еще едины, еще не вспыхнули вершины гор, еще не поплыл над миром гул колокола из Цитадели.

— Как ты назвал ее? — тихо спросил Джурсен.

— «Предощущение», — так же тихо отозвался художник.

Джурсен почувствовал вдруг к нему ненависть и жалость одновременно. Он вглядывался в его лицо и угадывал в нем себя. Такого, каким он мог бы стать, если бы мальчишкой еще, вернувшись однажды с занятий у художника, не обнаружил на месте дома развалины. Родители его, охваченные общим порывом уничтожения стен и перегородок, уничтожили их в доме слишком много, и кровля, лишенная опоры, обрушилась.

Этим художником мог бы быть он сам. Эта мастерская или точно такая же могла принадлежать ему, и

этой женщиной могла бы быть Ларгис. Это могли быть его, Джурсена, картины. Он написал бы их!

— Твои родители живы? — спросил он.

— Погибли под развалинами во время уничтожения стен, — сказал художник. — Крыша обрушилась. Я был на занятиях, а когда вернулся...

Джурсен вздрогнул как от пощечины и расхохотался, но тут же оборвал смех, умолк и молчал долго, а когда заговорил, голос его был тих и спокоен.

— Ты пришел и увидел развалины, и там еще копошились соседи, разбирая утварь, и кто-то сказал тебе, что твоих уже увезли. Ты так их и не нашел. Ночевал ты там же, на развалинах, а потом в других местах, где придется. Лучше всего на пристани, где склады, там всегда можно поживиться рыбой и испечь ее в золе; еще хорошо в торговых рядах, но там у одноглазого сторожа была длинная плетка с крючком на конце... Вас таких было много, были постарше, они умели воровать, и были совсем маленькие, которые ничего не умели. Потом они куда-то все подевались. У тебя оставалась пачка бумаги и уголь, ты рисовал торговцев на пристани, и они тебя кормили... А что было потом?

— Откуда ты это знаешь? — ошеломленно пробормотал художник. — Я никому этого не рассказывал... Потом меня взял в ученики художник.

«А я попал в приют», — чуть не вырвалось у Джурсена, но вместо этого он сказал:

— Бывают дни, когда ты не можешь найти себе места, все валится из рук, все раздражает, все вокруг кажется серым и унылым, друзья глупыми и скучными, а работа — бездарной мазней. Но еще хуже — ночи. Ты просыпаешься, будто от толчка, и уже не можешь уснуть. Ты распахиваешь окно и смотришь в темноту, туда, где — ты знаешь — громоздятся на горизонте Запретные Горы. И больше всего на свете тебе хочется уйти из Города, просто взять и уйти, и идти долго-долго, в горы, перейти через них и опять: идти, не останавливаясь. А иногда тебе снится, что ты летаешь. Тогда пробуждение твое бывает ужасным. Ведь во сне ты летаешь над горами...

— ...над морем, — прошептал художник.

— ...и дышится легко, так легко, как никогда не дышится наяву. Ты никому никогда этого не рассказывал, только однажды ночью. Жене. А она...

— Алита? Не может быть! — художник вдруг осел

на пол, будто ему подрубили ноги. — Но зачем?! Неужели... — Он обхватил голову обеими руками и застонал, раскачиваясь из стороны в сторону. — Теперь я понимаю, — бормотал он, — теперь я все понимаю...

Джурсен, не ожидавший такой реакции, ошеломленно смотрел на него. А художник вдруг вскочил, лицо его исказилось, и он закричал:

— Да! Да! Верно! Она все верно рассказала, все так! Да, я уходил из Города, дважды уходил и дважды возвращался, потому что боялся, не мог уйти насовсем. От нее не мог уйти!

Он хотел еще что-то сказать, добавить, но из-за ширмы появился Наставник и, стукнув об пол посохом, уронил одно-единственное слово:

— Признание.

Художника увели. Зеваки перед домом стали расходиться. Последними из дома вышли Джурсен и Наставник. Чувствуя страшную слабость, Джурсен прислонился к стене рядом с дверью. Взгляд его скользнул по стене дома напротив, и тотчас холодная испарина покрыла его лоб.

Дом, в который он должен был войти с дознанием, размещался на другой стороне улицы. Джурсен перепутал номер.

Он горько усмехнулся и пробормотал про себя:

— Все равно. Все виновны.

Он медленно пошел прочь, и благонадежные горожане, стоя у распахнутых дверей своих домов, с энтузиазмом приветствовали его.

Лифт мягко качнуло, створки разъехались в стороны, и яркий свет ударил по глазам. Лейтенант на секунду зажмурился, а потом быстрым шагом направился в смотровую. Дверь была заперта, и ему пришлось разрядить в замок почти всю обойму своего пистолета, прежде чем она открылась. Дальнозоры, конечно же, были повернуты в сторону Пустыни, ничем другим приезжающее сюда высокое начальство никогда не интересовалось, и лейтенант долго, чертыхаясь и обдирая пальцы, разворачивал установку, прежде чем в окулярах показался Город, затянутый облаками дыма, сквозь которые местами прорывалось пламя.

Город горел. Сломанным зубом возвышалась над

ним лишившаяся шпиля и птицы на нем громада Цитадели. На глазах лейтенанта башня Джурсена Неистового вдруг покачнулась, накренилась и в следующее мгновение исчезла в клубах дыма и пыли.

Лейтенант отшатнулся от окуляров и хрипло рассмеялся.

— Вот и все, — сквозь смех выдавил он из себя. — Как это просто оказалось: хлоп! — и все.

Он подошел к стене и наугад раскрыл один из шкафчиков. После запретного зрелища Пустыни высоких гостей обычно мучила жажда. Наверняка что-нибудь осталось. Он нашел то, что искал и скоро уже мог смотреть в окуляры дальнозора на пылающий Город и не разражаться при этом истерическим смехом. Он просто сидел, смотрел и думал. Ему было о чем подумать.

На заставу он вернулся уже к вечеру.

Не выпуская из рук прихваченной наверху бутылки, лейтенант один за другим обошел все двенадцать дотов, прикрывавших подходы к перегородившей ущелье стене, проверил, заряжены ли огнеметы. Огнеметы, как и всегда, были заряжены, автоматика работала. Горячую смесь он сливал прямо на бетонный пол, а пульты управления крушил подвернувшимся где-то металлическим прутом.

Он сам себе удивлялся: не было ни усталости, ни удовлетворения от вида учиненного им разгрома, ничего не было. Он действовал как автомат, неторопливо направился на склады, нашел там тележку и принялся перевозить ящики со взрывчаткой и детонаторами к стене, перегородившей ущелье. Он возил ящики, пока совсем не стемнело, а потом, прихватив с собой бутылку, на дне которой еще что-то плескалось, устроился во дворе заставы перед бочкой с водой и стал ждать рассвета, чтобы можно было продолжить работу.

Так он и сидел на скамейке перед бочкой час за часом, покуривая и изредка прихлебывая из бутылки. Время от времени на склонах гор, оттуда, где была заградительная полоса, раздавались короткие сухие очереди, и тогда лейтенант досадливо морщился и бормотал вполголоса:

— Идиоты... Святой Данда, какие же идиоты! Ну куда, куда они прутся?!

Под утро он все-таки не выдержал и, запасшись мотком веревки и ножницами для колючей проволоки, по едва заметной узенькой тропинке пошел вдоль за-

градительной полосы. Собственно, никакой полосы и не было. Были укрепленные и замаскированные на деревьях и кустах датчики, и были пулеметы на поворачивающихся сервомоторами станинах, а в особо опасных местах были огнеметы, веерные мины, срабатывающие раньше, чем человек к ним приблизится, и просто ямы с шатким настилом. С минами и ямами лейтенант ничего поделать не мог, а вот с автоматикой мог. Этим он и собирался заняться.

Часов через пять, промокнув до нитки от росы, исцарапанный, но живой и невредимый, и по этому поводу очень собой довольный, он добрался наконец до поросшей кудрявым кустарником лощинки. Дальше соваться не стоило, тут его участок кончался. Что там напридумывали соседи, только им одним и известно. Хватит испытывать судьбу, пора возвращаться.

Он ничуть не удивился, увидев на дне лощинки две свежих выжженных полосы, и там, где полосы пересекались, еще слабо дымились какие-то лохмотья.

— Идиоты. Какие же идиоты, — уже без сожаления, просто констатируя факт, пробормотал он и потянулся за сигаретами.

И услышал из кустов на той стороне лощинки не то писк, не то плач. Он застыл на месте, так и не донеся до рта руку с сигаретой. Писк повторился, и на склоне зашевелились кусты, будто там кто-то пробирался ползком или на четвереньках. Кто-то, вероятнее всего раненый, спускался на дно лощины странными зигзагами, то приближаясь — и тогда у лейтенанта перехватывало дыхание, — то удаляясь от зоны действия огнеметов.

— Правее, по самой кромке! — шептал он. — Идиот! Какой идиот, там же могут быть пулеметы.

На дне лощинки, там, где кусты были гуще, движение замедлилось. Тот, внизу, заметался вдруг из стороны в сторону, потеряв ориентацию. Наверняка какой-нибудь из датчиков уже засек его и вел, и стоило ему появиться в зоне действия другого датчика, как ударят пулеметы или огнеметы. И ничего нельзя было сделать.

Наконец тот, внизу, решился и пополз по склону вверх, прямо к тому месту, где, спрятавшись за деревом, стоял лейтенант.

Звуки, издаваемые раненым, стали слышнее, теперь было ясно, что это всхлипывания. Кусты метрах в пяти от лейтенанта раздвинулись, и из них показался ребенок, мальчик лет пяти-шести, одетый в грязный си-

ний комбинезон и такого же цвета каскетку. Обеими руками он тер себе глаза, размазывая по щекам грязь и слезы.

Лейтенант опомнился, только услышав слабый характерный щелчок и тихое гудение сервомоторов.

— Стой! — заорал он и прыгнул, на мгновение опережая пулеметную очередь.

— А зачем я, собственно, все это делаю? — выбравшись из последнего шурфа, спросил лейтенант у мальчика. — Может быть, ты знаешь?

Мальчик ничего не ответил, он вообще ничего не говорил и, как подозревал лейтенант, не слышал. Устроившись на ящике со взрывчаткой, он деловито и сосредоточенно одну за другой опорожнял расставленные перед ним банки консервов. Покончив с одной, он с сожалением отставлял ее в сторону и принимался за следующую.

— Я думаю, что дети в твоем возрасте не должны столько есть, — с сомнением сказал лейтенант. — С ними от этого что-нибудь может случиться. Хотя откуда мне знать, сколько должны есть дети в твоем возрасте? Ты нигде не видел кусачки?

Он захватил с собой кусачки, моток провода, коробку с детонаторами и пошел к стене.

— Осталась сущая ерунда, — послышался оттуда его голос, — смешно даже говорить. Ты знаешь, малыш, я ведь всю жизнь был подрывником. Это у меня в крови, честное слово. Расчеты и формулы я никогда не уважал. Просто смотрю на здание, гору или вот стену эту и вижу, где нужно заложить заряд и сколько его нужно, чтобы все было так, как я хочу. Такие дела... Я думаю, тут просто чувствовать нужно, никакие формулы не помогут. Понимаешь, малыш, нам както называли это в училище, но я уже забыл... в общем, все всегда хочет рассыпаться. Что бы ты ни строил, как бы ни скреплял гвоздями или цементом, или еще как-нибудь, все хочет рассыпаться. А я только помогаю. Вот смотрю я на эту стену, хорошо ее строили, крепко, навсегда, а знаешь, чего ей больше всего хочется, а? Рассыпаться! Тут только подтолкнуть нужно, помочь немного, выкопать шурфы, заложить взрывчатку, вставить детонаторы, протянуть провода, подсоединить к динамо, повернуть ручку... А знаешь, малыш, я бы из тебя отличного подрывника взялся сделать. Ты молча-

ливый, это хорошо. Болтливость — последнее для подрывника дело. Это я сегодня что-то расслабился, вообще-то из меня слова не вытянешь, потому н девушка от меня ушла. Это когда я еще в училище был. Она говорит н говорит, а я молчу и молчу. А чего говорнть? И так понимать должна, что я сам себя ради нее взорвать готов! Не поняла... Ты в Городе ее не встречал, малыш? Как она там? И что там вообще пронсходит, в Городе? Э-е, да ты уже спишь, приятель!

Лейтенант закончил устанавливать детонаторы, подсоединил провода и, подхватив ребенка на руки, направился к заставе.

— Лихо ты с двухдневным пайком расправился, малыш. Еще бы после этого не уснуть, я бы тоже уснул...

Время от времени он оборачивался и смотрел на тянущуюся за ним черную ниточку провода.

— Только бы не обрезал кто-нибудь. С них, идиотов, станет...

Он уложил мальчика на свою кровать, и тот, свернувшись калачиком, засопел ровно. Сам лейтенант сел к столу и принялся зачищать концы проводов.

— Сейчас вставим их в клеммы таймера, — негромко говорил он, комментируя свои действия, — затянем... вот так. И готово, малыш! Теперь только время установить и рычажок повернуть.

Покончив с работой, лейтенант откинулся на спинку стула и закурил.

— А это даже хорошо, что ты ничего не слышишь, — сказал он. — Отличным будешь подрывннком. И ушн зажимать не надо. Вот не говоришь ничего — это плохо. Объяснил бы мне, чего им все надо? Чего они там не виделн, за горами? Пустыни? Видел я эту Пустыню, песок н песок, нничего особенного, такой же, как у моря. Вниз я, правда, не спускался, но на той стороне бывал не раз. Фазаны там, ты не поверншь, побольше тебя будут, и людей совсем не боятся. А посмотрел бы ты на физиономии Хранителей, когда онн приезжали к нам и поднимались на смотровую! Смех да и только. Ведь сказано же — нельзя! Здесь наш дом, вот и жнвите. Нет там нничего интересного. Разве что через Пустыню перейтн, да как перейдешь...

Заслышав далекие выстрелы, лейтенант морщнлся и бормотал:

— Идиоты... Святой Данда, какие идиоты! Малыш, ну разве трудно сообразнть, куда нужно идтн?..

Грязные, в копоти, голодные и усталые до смерти ремесленники, рыбаки, профессора, художники, проститутки, лавочники, картежные шулера, учителя гимназии, послушники, врачи, сутенеры, наркоманы, ученые, студенты, ювелиры, воры, солдаты, потерявшие веру или жаждущие ее обрести, убившие ее в себе или пытающиеся сохранить ее крупицы, они шли всю ночь, освещая путь фонарями и самодельными факелами.

Утром они добрались до заставы.

— Ну вот, малыш, они и пришли.

Мальчик еще спал. Лейтенант поправил сбившееся одеяло, потом установил время на таймере и повернул рычажок. Лишь на секунду задумавшись, он снял портупею с кобурой и повесил на спинку стула, после чего вышел из комнаты, миновал коридор и все тем же неторопливым мерным шагом сделавшего свое дело человека направился вниз по дороге, туда, где перед тростинкой полосатого шлагбаума застыло в ожидании людское море.

До людей оставалось совсем немного. Он уже мог различить выражение их лиц, злых, отчаявшихся, ждущих и покорных. Он подумал, что никогда не понимал их: ведь это же совсем просто — поднять или сломать шлагбаум, пролезть под ним, в конце концов! Он мельком глянул на часы. Секундная стрелка завершала последний круг.

Выстрела он не услышал. Что-то сильно толкнуло его в грудь, и перевернувшаяся вдруг земля сзади обрушилась на него.

А в следующее мгновение, но этого он уже не видел, вспухла вдруг перекрывающая ущелье Стена, плавно подалась вверх, а потом исчезла в клубах пыли.

От сильного толчка, едва не сбросившего его с постели, мальчик проснулся и открыл глаза. Комната была незнакомой. Картина на стене перед кроватью раскачивалась из стороны в сторону и вдруг, сорвавшись с гвоздя, беззвучно упала на пол. Брызнули осколки стекла. Мальчик рассмеялся. Он никогда еще не видел, чтобы картины сами прыгали на пол. Он слез с кровати и на цыпочках, чтобы не порезать босые ноги, выбрался в коридор. Коридор тоже был незнакомый. В доме, где он жил, не было таких коридоров.

Мальчик принялся его обследовать, но скоро это ему наскучило. Все двери были заперты, и это было совсем неинтересно. Наконец в самом конце коридора дверь подалась, мальчик распахнул ее и вышел наружу. Повсюду стояли люди, много людей, столько он никогда не видел. Они смешно разевали рты, размахивали руками, топтались на месте и все смотрели в одну сторону. Это было похоже на какую-то забавную игру.

На мальчика никто не обратил внимания. Он спустился по ступеням и отправился в ту сторону, куда смотрели все эти странные люди.

Путешествие было долгим, а люди все так же стояли и смотрели в одну сторону. Чем дальше мальчик пробирался, тем плотнее стояли люди друг к другу. Руками они уже не размахивали и рты не разевали, просто стояли и смотрели. Мальчику пришлось опуститься на четвереньки, чтобы пробраться между ними. Наконец впереди показался просвет.

Мальчик выбрался из толпы и увидел, куда были направлены взгляды уже не разевающих рты и не размахивающих руками людей.

Испуганные, притихшие, ждущие, стояли люди перед тем местом, где совсем недавно была перекрывающая вход в ущелье Стена, а теперь не было ничего, только покрытые толстым слоем пыли обломки, и ни один не мог найти в себе силы сделать шаг вперед.

...Пыль была мягкая и теплая. Мальчик шагнул раз, другой, третий. Он обернулся и увидел, что теперь все смотрят на него так, как еще никто никогда на него не смотрел. Испугавшись, он отвернулся и побежал.

Босые ноги оставляли в пыли глубокий четкий след.

* * *

Людмила Ходынская

РОБОТ МАГИИ

Детскнй лепет робота — «ра».
Взрослый ропот — «работа».
Интеллект робота — заклинанне Тота.
Смерть робота — воля Тарота.

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 6075

ВЕТКА КЕДРА

Заведующий редакцией **В. Щербаков**
Редактор **В. Фалеев**
Художник **А. Сухоруков**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректоры **В. Назарова, И. Ларина, Н. Овсянникова**

Сдано в набор 04.01.89. Подписано в печать 05.05.89. А00889. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,44. Условн. кр.-отт. 13,82. Учетно-изд. л. 14,3. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 20 к. Заказ 529.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00509-0

1 р. 20 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ